РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Отделение историко-филологических наук

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Журнал основан в январе 1952 года
Выходит 6 раз в год

4
ИЮЛЬ — АВГУСТ

«Наука»
Москва
2016

Главный редактор:

В. А. Плунгян	д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Зам. главного редактора:

Н. Б. Вахтин	д. ф. н., проф., Европейский университет в Санкт-Петербурге
В. И. Подлесская	д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет

Редколлегия:

В. М. Алпатов	д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН
Ю. Д. Апресян	д. ф. н., проф., академик РАН, Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
И. М. Богуславский	д. ф. н., проф., Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Мадридский политехнический университет, Испания
В. А. Виноградов	д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН
М. Д. Воейкова	д. ф. н., Институт лингвистических исследований РАН
Т. В. Гамкрелидзе	д. ф. н., академик РАН; Тбилисский университет
В. З. Демьянков	д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН
Д. О. Добровольский	д. ф. н., проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
В. А. Дыбо	д. ф. н., академик РАН, Институт славяноведения РАН
А. Ф. Журавлёв	д. ф. н., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Вяч. Вс. Иванов	д. ф. н., проф., академик РАН, Институт славяноведения РАН; Калифорнийский университет, США
Н. Н. Казанский	д. ф. н., проф., академик РАН, Институт лингвистических исследований РАН
А. М. Молдован	д. ф. н., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Е. В. Рахилина	д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Зав. отделами: А. С. Кулева, А. В. Кухто, З. Ю. Петрова

Зав. редакцией: Н. В. Ганнус

Индексируется в: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ); Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; De Gruyter Saur IBZ — Internationale Bibliographie der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Zeitschriftenliteratur; De Gruyter Saur Internationale Bibliographie der Rezensionen Geistes- und Sozialwissenschaftlicher Literatur; EBSCOhost Modern Language Association (MLA) International Bibliography; Elsevier BV Scopus; Gale MLA International Bibliography Modern Language Association; ProQuest CSA Linguistics and Language Behavior Abstracts Cambridge Scientific Abstracts; ProQuest MLA International Bibliography Modern Language Association; Russian Science Citation Index (RSCI); Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»

Телефон: +7 495 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Сайт: http://vja.ruslang.ru

http://issuesinlinguistics.ru

© Российская академия наук, 2016

© Редколлегия журнала «Вопросы языкознания» (составитель), 2016

© ФГУП «Академиздатцентр «Наука», 2016

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Department of History and Philology

VOPROSY JAZYKOZNANIJA

(TOPICS IN THE STUDY OF LANGUAGE)

Founded in January 1952
6 issues per year

4
JULY — AUGUST

«Nauka»
Moscow
2016

Editor-in-chief:

Vladimir A. Plungian — Vinogradov Institute of the Russian Language (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Assistant editors:

Vera I. Podlesskaya — Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Nikolai B. Vakhtin — European University at St. Petersburg, Russia

Editorial board:

Vladimir M. Alpatov — Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia

Yury D. Apresjan — Kharkevich Institute for Information Transmission Problems (RAS); Vinogradov Institute of the Russian Language (RAS), Moscow, Russia

Igor M. Boguslavsky — Kharkevich Institute for Information Transmission Problems (RAS), Moscow, Russia; Universidad Politécnica de Madrid, Spain

Valery Z. Demyankov — Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia

Dmitrij O. Dobrovol'skij — Vinogradov Institute of the Russian Language (RAS), Moscow, Russia

Vladimir A. Dybo — Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia

Tamaz V. Gamkrelidze — University of Tbilisi, Georgia

Vyacheslav Vs. Ivanov — Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia; University of California (Los-Angeles), USA

Nikolai N. Kazansky — Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia

Aleksandr M. Moldovan — Vinogradov Institute of the Russian Language (RAS), Moscow, Russia

Ekaterina V. Rakhilina — National Research University «Higher School of Economics»; Vinogradov Institute of the Russian Language (RAS), Moscow, Russia

Viktor A. Vinogradov — Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia

Mariia D. Voeikova — Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia

Anatoly F. Zhuravlev — Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Editorial staff: Anton V. Kukhto, Anna S. Kuleva, Zoya Yu. Petrova

Managing editor: Nataliia V. Gannus

Abstracting/Indexing: Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; De Gruyter Saur IBZ — Internationale Bibliographie der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Zeitschriftenliteratur; De Gruyter Saur Internationale Bibliographie der Rezensionen Geistes- und Sozialwissenschaftlicher Literatur; EBSCOhost Modern Language Association (MLA) International Bibliography; Elsevier BV Scopus; Gale MLA International Bibliography Modern Language Association; ProQuest CSA Linguistics and Language Behavior Abstracts Cambridge Scientific Abstracts; ProQuest MLA International Bibliography Modern Language Association; Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTs); Russian Science Citation Index (RSCI); Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Address: «Voprosy Jazykoznanija», editorial office, Vinogradov Institute of the Russian Language, Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 495 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Website: http://vja.ruslang.ru

http://issuesinlinguistics.ru

СОДЕРЖАНИЕ

А. А. Гиппиус, А. А. Зализняк (Москва). Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2015 г. 7

Н. Р. Добрушина (Москва). Конструкции с русским сослагательным наклонением для обозначения хабитуальных ситуаций 18

Е. Л. Березович, О. Д. Сурикова (Екатеринбург). К семантической истории «многоканальных» заимствований: случай *кураж* 35

И. М. Горбунова (Москва). Пространственный дейксис и грамматикализация в атаяльском языке 56

Н. М. Стойнова (Москва). Показатели «движения с целью» и событийная структура: суффикс *-nda* в нанайском языке 86

А. М. Левашов, А. В. Прохоров (Москва). Статистический метод классификации метров неклассического русского стиха (на материале так называемого «белого акцентного стиха» И. Бродского) 112

Критика и библиография

Рецензии

Д. Ф. Мищенко (Санкт-Петербург). *А. Б. Летучий*. Типология лабильных глаголов. М.: Языки славянской культуры, 2013 134

А. В. Циммерлинг (Москва). *I. Bornkessel-Schlesewsky, A. L. Malchukov, M. Richards* (eds.). Scales and hierarchies: A cross-disciplinary perspective. Berlin: Mouton de Gruyter, 2015 144

Научная жизнь

В. П. Захаров, И. С. Николаев, М. В. Хохлова (Санкт-Петербург). Международная научная конференция «Корпусная лингвистика – 2015» 152

CONTENTS

Alexey A. Gippius, Andrey A. Zaliznyak (Moscow). Birchbark letters from Novgorod excavations of the year 2015 7

Nina R. Dobrushina (Moscow). Russian subjunctive as habitual 18

Elena L. Berezovich, Olesia D. Surikova (Ekaterinburg). On the semantic history of "multi-channel" borrowings: The case of *kuraž* 35

Irina M. Gorbunova (Moscow). Spatial deixis and grammaticalization in Atayal 56

Natalia M. Stoynova (Moscow). Markers of "motion-cum-purpose" and event structure: *-nda* suffix in Nanai 86

Alexander M. Levashov, Alexander V. Prokhorov (Moscow). A statistical approach to the classification of Russian non-classical meters (a case study of Joseph Brodsky's so-called "blank accentual verse") 112

Bibliography. Reviews

Reviews

Dar'ja F. Miščenko (St. Petersburg). *A. B. Letuchiy*. Tipologiya labil'nykh glagolov [Typology of labile verbs]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2013 134

Anton Zimmerling (Moscow). *I. Bornkessel-Schlesewsky, A. L. Malchukov, M. Richards* (eds.). Scales and hierarchies: A cross-disciplinary perspective. Berlin: Mouton de Gruyter, 2015 144

Academic life

Victor P. Zakharov, Ilya S. Nikolaev, Maria V. Khokhlova (St. Petersburg). International scientific conference "Corpus Linguistics 2015" 152

2016. № 4 ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ С./Pp. 7—17
Voprosy Jazykoznanija

БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ ИЗ НОВГОРОДСКИХ РАСКОПОК 2015 Г.*

© 2016

Алексей Алексеевич Гиппиус[а, б, @], **Андрей Анатольевич Зализняк**[б]

[а] Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 101000, Российская Федерация; [б] Институт славяноведения РАН, Москва, 119991, Российская Федерация; [@] agippius@mail.ru

Статья представляет собой предварительную публикацию берестяных грамот, найденных в Великом Новгороде в археологическом сезоне 2015 г.

Ключевые слова: берестяные грамоты, Новгород

BIRCHBARK LETTERS FROM NOVGOROD EXCAVATIONS OF THE YEAR 2015

Alexey A. Gippius[a, b, @], **Andrey A. Zaliznyak**[b]

[a] National Research University «Higher School of Economics», Moscow, 101000, Russian Federation; [b] Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119991, Russian Federation; [@] agippius@mail.ru

The article is a preliminary publication of the birchbark letters found in Novgorod during the archeological season of 2015.

Keywords: birchbark letters, Novgorod

В 2015 г. в Великом Новгороде были продолжены работы на Троицком раскопе XV (руководитель работ А. М. Степанов), где исследовались слои XIII в. Грамота № 1064 найдена в слое, который предварительно датируется второй половиной XIII в.

В этом же году был заложен новый раскоп — Троицкий XVI, общей площадью 540 кв. м (руководитель работ В. К. Сингх). В течение сезона снимались в основном верхние напластования XVI—XIX вв. Лишь в юго-западной части раскопа появился темно-коричневый слой с хорошей сохранностью органики. Именно здесь была найдена грамота № 1065. Предварительная датировка слоя — вторая половина XIV — начало XV в.

Еще один раскоп — Козмодемьянский-3 (руководитель О. М. Олейников) — был заложен и исследован в сентябре — ноябре 2015 г. в центральной части Неревского конца Новгорода на участке, отведенном под строительство (ул. Большая Санкт-Петербургская, 2/9). Свое название раскоп получил от средневековой Козмодемьянской улицы, исследованной в западной части раскопа. Площадь раскопа составляет 144 кв. м, мощность культурного слоя достигает 4 м. Влажные насыщенные органикой культурные напластования датируются первой половиной XI — XV вв. На раскопе найдено восемь берестяных грамот, стратиграфически датируемых концом XII в. (№ 1072), XIII в. (№ 1070 и 1073), первой четвертью XIV в. (№ 1069 и 1071) и второй четвертью XIV в. (№ 1066, 1067, 1068).

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 16-04-00331 «Лингвистическое исследование и подготовка публикации берестяных грамот и надписей-граффити из раскопок 2012—2015 гг.».

Принципы записи текста и комментирования — такие же, как в предшествующих публикациях данной серии. Указанные при грамотах стратиграфические датировки носят предварительный характер.

№ 1064. Троицкий раскоп. Документ из двух не смыкающихся фрагментов — срединного и конечного; из них складываются четыре фрагментированных строки и одна сохранившаяся целиком (конечная).

…[а]---…
… [гривна :]оу [:]о·лексе :д҃: коне :и: гривна [:]оу[:] -…
коуно ·и· гривна :оу: ѳлара :е҃: {коу}коуно …
коуно ·и· [г]ривна :оу: теренет(еѧ :) ------- (:-: гри)[в]н[е] :оу с[т]епана :п҃: коун
… [а :]з҃: … … п[о] -----ила | михале :о:ретемеѧ : еване
василе :о:сипе : вареге [:]онисиме лагине нестере

Стратиграфическая дата: 2 пол. XIII в.

Внестратиграфическая оценка: предпочтительно 2—4 четв. XIII в.

В грамоте представлен стопроцентно христианский набор имен основных имен должников: Олекса, Фларь, Терентий, Степан, Михаль, Ортемья, Ёва́н, Василь, Осип, Онисим, Нестер. Такой процент сильно превышает не только средний уровень XII в. (26 %, см. [ДНД$_2$: 213]) и XIII в. (31 %), но даже и уровень XIV в. (73 %). Следовательно, грамота, скорее всего, относится к концу своего внестратиграфического интервала, т. е. ко 2-й половине или к концу XIII в.

Графическая особенность: начальная гласная слова (в том числе слова, только из нее и состоящего: *и*, *оу*) почти везде помечена с обеих сторон двоеточиями (реже просто точками).

В *4 коне* описка: *коне* вместо *коуне*. Строкой ниже автор по ошибке удвоил слог в *коукоуно*. В *теренет*(*еѧ*) первая буква *т* переделана из *и*.

Первая часть грамоты содержит обычный список должников с указанием их долга (или недоимки). Конец грамоты устроен иначе — это простой список имен: Михаль, Ортемья, Ёва́н, Василь, Осип по прозвищу Варяг (предполагать, что Осип в самом деле был варягом, для XIII века нереально), Онисим Лагин и Нестер. Перед началом этого списка стоит редко встречающийся в берестяных грамотах разделительный знак — вертикальная черта. Вероятно, именно к этому перечню из семи человек относится случайно сохранившаяся в начальной части строки изолированная цифра 7. Соответственно, можно предполагать, что отрезок …*ила* перед разделительной чертой — это конец словоформы *заплатила*, где женский род определяется согласованием со словом ‘семь’ в начале фразы. Если это предположение верно, то в конце грамоты перечислялись те, кто, в отличие от должников, уже расплатились, то есть свободны от долгов (или недоимок).

Показательно последовательное использование новгородского диалектного *-е* в И. ед.: *Еване*, *Осипе*, *Вареге*, *Онисиме*, *Лагине*, *Нестере* (в *Михале* и *Василе* такое же *-е*, вероятно, воплощает не ⟨-е⟩, а ⟨-ь⟩).

В слове *Вареге* ‘варяг’ (ударение в эту эпоху еще было на слоге *ва-*) представляет интерес переход [’а] > [’е] между мягкими согласными; см. [ДНД$_2$: § 2.36]. Ср. *на Варескои улици* в младшем изводе [НПЛ] (под 1299 г.), в отличие от *на Варѧжьскои улици* в старшем изводе; ср. также слово *ва́режка* (из ‘варяжская рукавица’) и топоним *Бу́реги* (из **бу́рѧги*). Заметим, что грамота № 1064 написана не позднéе даты 1299, к которой относится летописная запись *на Варѧжьскои улици*, а скорее несколько раньше ее — и тем не менее уже содержит более поздний фонетический вид слова.

В имени *Еване* начальное *е-* не является заменой *и-* в *Иване*: это закономерная передача греческого *Іо-* в виде [jo-], т. е. эту новгородскую форму следует передавать как Ёва́н или, может быть, даже как Йова́н.

Лагине — отчество от прозвища, ср. *ла́га* ‘балка’ [СРНГ, 16: 223].

№ 1065. Троицкий раскоп. Три фрагмента, образующие вместе средние части двух срединных строк письма.

…ѹ [п]ос[а](д)и ма гн҃е на лу=
(ѹа)нинов҃ѣ · м҃ѣстѣ …

Стратиграфическая дата: 2 пол. XIV — начало XV в.

Внестратиграфическая оценка только широкая: предпочтительно 2 пол. XIV — 1 пол. XV в.

Перевод: ‘Посади меня, господин, на участке лучанина (*или*: лужанина)’. Перед этим, вероятно, стояло: ‘Челобитье от такого-то к …у’.

Это фрагмент типичной для XIV—XV вв. крестьянской челобитной. Автор просит «посадить» его на земельном участке, который, по-видимому, освободился после смерти (или перехода в другое место) некоего выходца из Лук (будущих Великих Лук) или, может быть, из какой-то местности по реке Луге.

№ 1066. Козмодемьянский-3 раскоп, мостовая Козмодемьянской улицы. Две средние строки документа, утратившие правый край.

внѹцат[ъі] а мнѣ ть и моимъ дѣтьмъ · ·в҃· со[х]ѹ …
та псать · и правда взѧть а бѹдет[е] …
т- - - - - - - - - - - - …

Длина утраченной правой части неизвестна, но она не могла быть короче, чем примерно 15 букв.

Стратиграфическая дата: 2 четв. XIV в.

Внестратиграфическая оценка: 1340-е —1410-е гг., предпочтительно до 1400.

Перевод (с конъектурами):

‘… (первую соху Х-у) с внуками, а мне-то и моим детям вторую соху … (и нужно грамо)ту писать и по справедливости получить. А если вы…’

Для строки 3 допустима предположительная реконструкция *т*[*обѣ то л*]*ю*[*бо*] *т*…

Соха — единица податного обложения. В письме шла речь о распределении между двумя кланами каких-то прав или функций, осуществляемых в рамках сохи. Автор письма заявляет, что договор об этом следует закрепить в виде грамоты, зафиксировав таким образом справедливое распределение. Далее обсуждался какой-то иной возможный поворот дела.

Для сочетания *мнѣ ть* ‘мне-то’, со свободной частицей *ти* (*ть*) в относительно позднюю эпоху, аналогом может служить *ѧс ти* в грамоте № 131 (1370-е — нач. 1380-х гг.); разница между *ти* и *ть* в этих двух примерах легко объясняется контекстом: *ти* выступает после согласной, *ть* — после гласной.

Цифра в значении порядкового, а не количественного числительного в древнерусских памятниках встречается редко, но всё же возможна: ср., например: *м*ᶜ*ца иоулиѧ въ .в҃. дьнь* и т. п.

Для выражений (*грамо*)*та псать* и *правда взѧть* ср., в частности: *А сѧ нам* <u>*грамота писати*</u> *и в докончалную грамоту* (перемирная грамота князей можайского Ивана Андреевича и верейского и белозерского Михаила Андреевича с великим князем Василием Васильевичем, 1447 г. [ДДГ: 141]); *Таѩ* <u>*правда оузѧти*</u> *роусиноу оу ризѣ и на готескомъ березе* (договорная грамота Смоленска с Готским берегом, 1229 г. [СГ: 22]). О самом обороте «именительный падеж объекта + инфинитив» в древненовгородском диалекте см. [ДНД$_2$: § 4.2].

№ 1067. Козмодемьянский-3 раскоп, мостовая Козмодемьянской улицы. Целый ярлычок. В верхней и нижней части ярлычка имеются маленькие дырочки — очевидно, для прикрепления его к чему-либо.

ѧ цена

Стратиграфическая дата: 2 четв. XIV в.

Перевод: ‘Я щенок’. Это запись (вероятно, детская), вполне аналогичная надписи при рисунке зверя в онфимовской грамоте № 199: ѧ звѣрє. Возможно, ребенок действительно вешал этот ярлычок на шею своему любимому щенку.

Выше этой надписи имеется еще два знака, напоминающие буквы *зо*; но начинал ли тут автор писать какое-то слово или это просто проба пера, неясно.

№ 1068. Козмодемьянский-3 раскоп. Пять строк документа: от одной строки ничтожный остаток, две строки с лакунами и две полные конечные. Приводим документ с конъектурами, а именно, с заполнением лакун в строках 2 и 3.

-а-[ск]о…
за д гривы ѻс(*мь десѧтъ кадьць жита*) за трицѧть пѧтьнацѧть кадь=
ць ѻвса за три грвы по[л](*ъ трет*)[и]ю гривъны оу тимошки цьтырь катци ржи
за дви гривны оу дитьи на березі кожю за полъ гривны полотна десѧть ло=
котъ холоста веретицьь за полъ гривны пѧть ѻвцино мѧтыхъ

Стратиграфическая дата: 2 четв. XIV в. В том же слое найдена печать архиепископа Давида (1309—1325).

Внестратиграфическая оценка: 1280-е —1390-е гг., предпочтительно 1280-е —1310-е.

Перевод (с наиболее вероятным разбиением на фразы):

‘… (У Х-а нечто) за 4 гривны, вос(емьдесят кадец ячменя) за тридцать [гривен], пятнадцать кадец овса за три гривны [и деньгами] две с половиной гривны.

У Тимошки четыре кадцы ржи за две гривны, у [его] детей в деревеньке (или на речке) Берёза за полгривны — кожу, полотна десять локтей, холста отрез, за полгривны — пять овчин промятых’.

Очевидно, это отчетный документ сборщика налога. Налог выражался в гривнах, но можно было вместо гривен уплатить натурой (т. е. предлог *за* здесь в значении ‘вместо’). В некоем селе был большой клан, плативший не менее 39,5 гривен налога, и был Тимошка, плативший 2 гривны налога, с детьми, жившими на деревеньке (или речке) Берёза, на которых приходилась еще одна гривна налога. Дети кое-как наскребли эту гривну всем, чем могли, — кожей, полотном, холстом, промятыми овчинами.

Соединение денежных и натуральных выплат — такое же, как, например, в грамоте № 665 (2 пол. XII в.), где сказано, в частности: *възьми оу Р*[*а*](*ть*)*шь шьсть гривьнъ*, *а оу Наболь три кадьчь и гривьна.*

Для слова *веретище* [Слов. XI—XVII, 3: 87] дает значение ‘толстая грубая ткань (холст, рогожа), всё сшитое из нее’. Но реально в берестяных грамотах и во всех прочих деловых документах это слово означает не ткань как таковую, а выступает в исчисляемом значении ‘известной величины отрез такой ткани’ или ‘подстилка, мешок и т. п. из такой ткани’. Ср. в берестяной грамоте № 65: *вывези ми 2 медведна, да веретиша, да попонь*; в № 354: *да пошли 2 кози, корѧкулю, пѧтенъ, полъсти, веретища, михи и медвидно*; также *5 веретищь*, *2 веретища* в примерах из [Слов. XI—XVII]. Почти всегда в исчисляемом значении выступает и церковнославянский коррелят данного слова — *врѣтище.* Вообще в семантической сфере тканей и одежды суффикс *-ище* систематически дает значения исчисляемого типа, в частности: *полотнище*, *рубище*, *портище* ‘отрез ткани’, *платище* ‘кусок ткани’ (ср. исходные слова более общего значения: *полотно*, *рубъ*, *портъ*, *платъ*).

Соответственно, в грамоте № 1068 отрезок *полотна десѧть локотъ холоста веретищ*⟨*е*⟩ следует понимать как ‘полотна десять локтей, холста отрез’.

Что касается большой лакуны в строке 2, то она с высокой степенью уверенности заполняется на основании расчета цен.

Поскольку 15 кадец овса стоят 3 гривны, то при сумме в 30 гривен отрезок *вос*… явно должен быть восстановлен как ‘80’ (не как ‘8’ или ‘18’); т. е. в тексте стояло *вос*(*емьдесѧтъ кадьць*). Но 80 кадец овса стоили всего (3:15) × 80 = 16 гривен; а 80 кадец ржи стоили целых (2:4) × 80 = 40 гривен. И то и другое далеко от суммы в 30 гривен.

Решение находится с учетом данных из [Ключевский 1990: 81]:

> От последнего года XV в. дошел до нас ряд данных, которые могут послужить точкой отправления при изучении хлебных цен в XVI в. В известной окладной книге Вотьской пятины 1500 г. хлебный оброк, какой платили в казну оброчные крестьяне, сидевшие на казенной государевой земле, иногда заменяется денежным. Узнаем, что **коробья ржи стоила 10 тогдашних новгородских денег**, пшеницы — 14 денег, **ячменя — 7 денег**, **овса — 5 денег**.

Если, исходя из этих данных, принять цену ячменя (по-новгородски *жита*) за 0,7 цены ржи, то 80 кадец ячменя составят 28 гривен. Эта цифра достаточно близка к указанной в грамоте сумме в 30 гривен; различие безусловно находится в пределах допустимого, учитывая разницу источников и времени[1].

Таким образом, большая лакуна восстанавливается как ѻс(*мь десѧтъ кадьць жита*).

Документ представляет собой важное пополнение того ограниченного списка древних источников, которые содержат прямые указания на цены товаров.

№ 1069. Козмодемьянский-3 раскоп. Средняя строка документа.

…пѣги коробь жита

Стратиграфическая дата: 1 четв. XIV в.

Это фрагмент обычного реестра чего-то взятого или подлежащего взятию: ‘(у …)пѣги коробья ячменя’.

В *коробь* либо просто недописано *ѧ*, либо это новгородский И. ед. ⟨*коробе*⟩ от *коробъ* (термин более редкий, чем *коробья*).

Прозвище могло быть, в частности, или *толпѣга* [Даль]: ‘бестолковый, грубый, неотёсанный человек’ Орл., Каз., Перм.), или *сопѣга* ([СРНГ, 39: 329] ‘о носе’ Костром., ‘о том, кто громко плачет, громко кричит’ Вят.), или каким-то другим производным с суффиксом *-ѣг-а*. Есть современные фамилии *Толпегин* и *Сопегин* (у Тупикова [1903] есть фамилия *Толпигинъ*). Ср. также польск. *Sapiega*.

№ 1070. Козмодемьянский-3 раскоп. Левые части пяти строк документа.

ю - -[н]е- -…
поудоу · а тоби · [м]…
бье · целомо · ѳо[м]…
ороудие · с то…
ю

Предположительная стратиграфическая дата: начало XIII в.

Внестратиграфическая оценка: 1300-е —1350-е гг., предпочтительно 1300-е —1310-е.

Представленное в грамоте выражение «бьет челом» (или «ударил челом») впервые появляется в [Ипат.] под 1287 г., в берестяной грамоте № 140 (1310—1330-е гг., внестратиграфически не ранее 1320), все прочие уже не раньше 1340—1360, а всего в 31 грамоте; в псковской летописи под 1341 г., а всего 81 раз, в [НПЛ] под 1348 г.

Таким образом, расхождение между стратиграфической и внестратиграфической оценкой заставляет предполагать, что грамота по какой-то причине попала в слой ниже своего первоначального положения.

Поудоу — вероятно, конец от *полъ поудоу* (*полъ третьѧ поудоу* и т. п.) или *ни поудоу.*

После *а тоби*, возможно, стояло *моемоу гн҃у*; в этом случае текст мог быть связным: *а тоби м*(*оемоу гн҃у*)| *бье целомо Ѳом*(*а*).

[1] Ср. разницу в соотношении цен овса и ржи в окладной книге 1500 г. (1:2) и в грамоте № 1068 (2 четв. XIV в.) — 1:2,5.

Ороудие с то(*бою*) — ‘дело с тобой’.

Предположительный перевод (с конъектурами): ‘… пуда. А тебе, м(оему господину) бьет челом Фома: (у него) дело с то(бой) …’.

№ 1071. Козмодемьянский-3 раскоп. Целый ярлычок.

д: [р]жа

Стратиграфическая дата: 1 четв. XIV в.

Перевод: ‘4. Ржа(ное)’. Это ярлычок при одном из нескольких мешков, или ящиков, или даже целых секций склада, где хранились разные виды зерна или муки.

По структуре документ сходен с № 143 (40-е — 70-е гг. XIII в.): :е: заволочкое (ярлычок для 5-й секции из ряда каких-то секций, относящихся к разным регионам).

№ 1072. Козмодемьянский-3 раскоп. Целый документ из пяти строк.

степанова полутори илие по=
ло гривнъı тимоци поло гри=
внъı полутори олисею василю
сьмница ѹшку семница вхого
д: золотнко и дви серебра

В строке 3 начальное *в* переправлено из *с*. В строке 5 в слове *золотнко* нет *и* после *тн* (простой пропуск буквы или род сокращения).

Стратиграфическая дата: конец XII в.

Внестратиграфическая оценка: 1180-е — 1250-е гг., предпочтительно первое сорокалетие XIII в.

Перевод: ‘Степановы полторы [гривны]. Илье полгривны. Тимошке полгривны. Полторы Олисею. Василю семница. Ушку семница. Всего 4 [гривны] золотников и две [гривны] серебра’.

Это реестр сумм, которые выданы (или должны быть выданы [или возвращены]) разным лицам.

Документ предельно лаконичен; слово *гривна*, как самоочевидное, опущено везде, кроме уже практически слившегося в единство *полъгривны*. Эллипсис имеет место и в сочетании *4 золотнко*, которое, без предположения об ошибке, может быть интерпретировано только указанным выше образом — значение ‘4 золотника’ было бы выражено сочетанием числительного с формой И. мн.: 4 *золотник*⟨*ѣ*⟩; ср. именно это сочетание в грамоте № 644.

Странная на первый взгляд форма женского рода в словоформе *Степанова* в действительности совершенно правильно согласована с подразумеваемым словосочетанием *полутор*⟨*ѣ*⟩ (*гривны*), см. [ДНД$_2$: § 4.11, конец].

Относительно *полуторѣ* из [полъ wторѣ] см. [ДНД$_2$: § 2.45].

Грамота представляет собой исключительно ценный документ для изучения древнерусской финансовой системы. Итоговый подсчет названных в грамоте сумм: ‘Всего 4 [гривны] золотников и две [гривны] серебра’ — содержит те же цифры, которые получаются при суммировании по отдельности перечисленных гривен (1,5 + 0,5 + 0,5 + 1,5 = 4) и семниц (1+1). Предельно маловероятно, чтобы это совпадение было случайным. Это ведет нас к заключению, что гривны, которых в первой части грамоты насчитывается четыре, названы в этом подсчете гривнами золотников, а семницы — гривнами серебра.

И то и другое выглядит крайне неожиданным. Сочетание *гривна золотникъ* ранее в источниках не фиксировалось; что же касается термина *семница*, то его значение, хотя и не было твердо установлено, определялось совсем иначе. Известное лишь из берестяных грамот, это слово было до сих пор надежно представлено двумя документами XIII в. (№ 218 и 349) и еще в двух (№ 219 и 355) опознавалось предположительно, при этом прямых указаний на его значение ни один из четырех контекстов не содержал. В. Л. Янин [1970: 166; 2009:

327] первоначально допускал, что этим термином «могла обозначаться ногата — седьмая часть гривны или же сама гривна из 7 ногат». Эта трактовка основывалась на сочетании «гривна по 7 ногат», прочитанном в грамоте № 410. Однако, как выяснилось впоследствии, такое сочетание в грамоте отсутствует: слова *по б* (а не 7!) *ногато* относятся к стоящему за ними слову *намъ*, называя норму процента. В работе [Янин, Рыбина 2011: 112] *семница* трактуется просто как седьмая часть гривны; со знаком вопроса то же значение указано и в [ДНД$_2$]. Оно действительно кажется вполне подходящим к контексту грамоты № 218, упоминающей *по семнице намъ* ‘процент по семнице’: размер процента 1:7 (14 %) выглядит вполне реалистично. Интерпретировать сочетание *по семнице намъ* исходя из эквивалентности семницы гривне серебра вряд ли возможно: непонятно, по отношению к какой единице ставка процента могла бы составить столь значительную сумму — как правило, она выражается в кунах, резанах или ногатах на гривну. С другой стороны, столь же бесперспективной выглядит и подстановка значения ‘седьмая часть гривны’ в «уравнение» грамоты № 1072 — оно, как уже было сказано, имеет смысл лишь при допущении указанной эквивалентности.

Преодолеть это противоречие можно, предположив, что *семница* выступает в обоих случаях как обозначение не седьмой части (гривны), а просто числа 7 в его предметном выражении, то есть как своего рода «семерик». При этом в грамоте № 218 имеется в виду норма 7 резан на гривну [= 50 резан], составляющая те же 14 %, что и одна седьмая гривны (ср. надежно реконструируемое в грамоте № 293 сочетание *намъ по 7 рѣзанъ* [ДНД$_2$: 478]). В комментируемом же документе *семница* должна, очевидно, пониматься как семь гривен. Эквивалентность ее гривне серебра означает в таком случае, что во время написания грамоты стоимость последней была равна стоимости семи гривен кун. Это соотношение, резко отличающееся от фиксируемой в XII в. нормы «гривна серебра = 4 гривны кун», близко к сформулированному в статье «А се бесчестие», встречающейся среди дополнений к «Русской правде» и обычно датируемой XIII в.: «а за гривну сребра пол осме гривне» [ПР: 316, 341, 391]. Сходное соотношение извлекается и из разночтения между старшим и младшим изводами Новгородской первой летописи [НПЛ] в известии о ценах на хлеб в голодном 1230 г. В старшем изводе (Синодальном списке) читаем: *и коуплѧхомъ по гр҃внѣ хлѣ*(*б*) *и по болшю, а ржи 4-ю ча*(*с*) *кади коуплѧхомъ по гр҃внѣ серѣбра*. В младшем изводе этому соответствует: *И купяху по полугр҃внѣ хлѣбець, а кадь ржи 4-ю часть по 7 гривнѣ и поболши* (так в Комиссионном списке, в Академическом: *по семи гривенъ*). Поскольку чтение Синодального списка обнаруживается также в Тверском сборнике, а чтение младшего извода — в летописях Новгородско-Софийской группы, первое нужно признать первоначальным, а второе — результатом пересчета денежных единиц, произведенного составителем общего протографа младшего извода и Новгородско-Софийской группы, работавшим, по-видимому, в конце XIV в.; ср. [Гимон 2006: 118; Гиппиус 2011: 18]. На этом фоне эквивалентность гривны серебра «семнице» кунных гривен выглядит адекватной своему времени. Неясно только, следует ли объяснять отличие этой нормы от зафиксированной в статье о бесчестье (7, а не 7,5 гривен кун за гривну серебра) отражением двух близких, но тем не менее различных стадий инфляции гривны, или же под семницей могла подразумеваться сумма в семь с половиной гривен, округленная до целого числа.

Слово *золотникъ* в древнерусских текстах известно в двух значениях: как обозначение золотой монеты (впервые — в договорах Руси с Византией в составе Повести временных лет) и как обозначение единицы веса (впервые — в берестяной грамоте № 644, нач. XII в.). Ясно, что в нашем случае о монетах речь не идет. Как весовая единица золотник соотносим с гривной, понимаемой, однако, в весовом, а не в денежном смысле. Позднедревнерусская «гривенка» весом в 204,75 г. составляла половину фунта (409,5 г.) и делилась на 48 золотников (4,26 г.). Не могло ли число золотников служить также мерой серебряного эквивалента гривны как денежной единицы? Это было бы естественно, учитывая, что та же половина фунта составляла и теоретический вес древнерусской гривны серебра (204,5 г.). Поскольку

гривна «Русской Правды» была четвертой частью гривны серебра, ее серебряный эквивалент составлял 12 золотников (на это прямо указывал Н. П. Бауэр [2015: 193])[2].

Понятие «гривна золотников» подразумевает противопоставление какой-то другой разновидности гривны. Какой же именно? Может показаться, что в этом качестве в грамоте выступает гривна серебра. Но это маловероятно, ведь последняя, как следует из вышесказанного, также является кратным золотника. Остается предположить, что определение *золотниковъ* противопоставляет гривны, фигурирующие в начале реестра, тем, которые присутствуют в составе двух семниц. Действительно: в отличие от гривны «Русской Правды» вес гривны статьи «А се бесчестие» (204,5 г. : 7,5 = 27,27 г.) не выражается в целом числе золотников, составляя 6,4 золотника[3]. И можно понять почему.

Как показал А. В. Назаренко [2001], гривна из статьи о бесчестье возникла не на основе гривны «Русской Правды», ориентированной на западноевропейский фунт Карла Великого весом в 409 г., но на базе другого денежного счета, имевшего в своей основе византийскую серебряную литру (327 г.), находившуюся с Карловым фунтом в отношении 4:5. Этот денежный счет подразделял гривну не на 25 кун, из которых складывалась гривна «Русской Правды», но на 40 кун. Такая «гривна-сорочок» первоначально соответствовала ¼ византийской литры и весила 81,8 г. (19,2 золотника). Гривна статьи «А се бесчестие» (27,27 г.) составляет от этой величины ровно третью часть. Назаренко видит в ней результат прошедшей в два этапа девальвации гривны-сорочка XI в. Отвлекаясь от деталей, заметим, что кратность сорочка кун золотнику отсутствует на всех стадиях этого процесса.

Сказанное не означает, что упоминаемые в грамоте «гривны золотников» — это гривны «Русской Правды». Если бы это было так, четыре гривны составляли бы гривну серебра, которую естественно было бы сложить с еще двумя, представленными «семницами», получив в итоге три гривны серебра. Поскольку это сделано не было, надо полагать, что имеются в виду какие-то другие, очевидно, более дешевые «золотниковые» гривны, возникшие из гривен «Русской Правды» в результате поэтапной девальвации, параллельной той, какой подверглась гривна-сорочок.

«Ритм» этой девальвации обнаруживается, если взять за основу такой показатель, как число кун в гривне серебра. Для «Краткой Правды» он составляет 100 (25 × 4), для «Пространной Правды» — 200 (50 × 4). Для статьи «А се бесчестие» — при трактовке ее гривны как сорочка — этот показатель оказывается равным 300 (40 × 7,5). Наконец, вес куны договора Новгорода с немцами 1259 г., вычисленный Н. П. Бауэром [2015: 307] на основе сопоставления с немецкими источниками (0,49 г.), находится с гривной серебра в отношении 1: 400[4].

При шаге девальвации 100 кун на гривну серебра и стартовой величине куны 1/100 гривны серебра серебряный эквивалент 25-кунной гривны всегда оказывается кратным золотнику, составляя, соответственно, 1/4, 1/8, 1/12 и 1/16 полуфунта.

---

[2] Нужно заметить, что измерение в золотниках серебряного содержания древнерусской гривны и ее подразделений было в ходу у ученых XVIII—XIX вв. начиная с В. Н. Татищева, однако дававшиеся ими конкретные оценки грешили произвольностью; сомнения вызывала и правомерность экстраполяции состава позднего русского фунта в домонгольское время. Тот же Н. П. Бауэр, фиксируя упоминания золотника как единицы веса лишь в текстах XIV в. и более поздних, в собственных подсчетах к нему почти не обращался. Лишь в последнее время золотник, надежно засвидетельствованный для этого периода берестяной грамотой № 644, стал понемногу возвращаться на страницы нумизматической литературы (см., в частности, [Комар 2011: 139—140]).

[3] Не дает целого числа и буквальное понимание семницы как 7 гривен: вес гривны оказывается в таком случае 6,85 золотника (204,5 г. : 7 = 29,21 г.; далее 29,21 : 4,26 = 6,85).

[4] Следует пояснить, что у Н. П. Бауэра в качестве стандарта гривны серебра выступает не теоретический вес полуфунта (204,5 г.), а вес соотносимой с ним скандинавской марки (197 г.); соответственно, за стандарт первоначальной гривны принимается не 51,16 г., а 49,25 г. Приводимые им цифры нужно воспринимать с этой поправкой.

Как видим, предложенная трактовка грамоты № 1072 влечет за собой довольно значительные следствия для понимания общего устройства древнерусской денежно-весовой системы. Она является выразительным свидетельством параллельного бытования в Новгороде в начале XIII в. двух разновидностей гривны, из которых одна, насчитывавшая 25 кун, происходила из гривны «Русской Правды», а вторая, насчитывавшая 40 кун, — из гривны-сорочка XI в. Неудивительно, что определение первой разновидности как «гривны золотников» до сих пор в источниках не встречалось. Как правило, гривна из 40 кун называлась просто сорочком, а гривна из 25 кун — просто гривной. Потребность в уточняющем определении возникала лишь там, где в одном контексте встречались обе разновидности гривенного счета. Именно это мы и наблюдаем в грамоте № 1072.

Более подробному обоснованию и развитию изложенных положений будет посвящена специальная статья А. А. Гиппиуса.

№ 1073. Козмодемьянский-3 раскоп. Целый документ из двух строк.

ѿ граврили ко канадратоу
поиди симо

Стратиграфическая дата: 4 четв. XIII в.

Внестратиграфическая оценка: предпочтительно 20-е — 50-е гг. XIII в.

Перевод: ‘От Гаврилы к Кондрату. Пойди сюда’.

В имени *Граврили* первое *р* — результат предвосхищения второго. Эта описка, возможно, проливает свет на происхождение имени *Гаврия*, встретившегося в грамоте № 503 и до сих пор не получившего объяснения. Учитывая, что адресатами этого письма являются монахини, можно предположить, что перед нами записанное с таким же предвосхищением *р* имя *Гаврия*, полученное, с усечением суффикса и изменением рода, из *Гавриил.* Практика наречения монахинь при постриге мужскими именами распространена и в настоящее время. Еще проще было бы трактовать *Гаврия* как женский коррелят к *Гаврий* — редкому библейскому имени, известному из Книги Товита (4:20). Отсутствие этого имени в месяцесловах не составляет препятствия к такой трактовке: в них нет и имени *Рагуил*, распространенного в Новгороде в XI—XII вв. и, несомненно, имеющего библейское происхождение (см. о нем [Гиппиус 2003]). Поскольку, однако, свидетельств существования древнего славянского перевода книги Товита не имеется (по-славянски она впервые появилась в составе Геннадиевской Библии, переведенная с латыни), эта версия кажется маловероятной.

В имени *Канадратоу* (вместо *Конъдратоу*) огласовка *а* в первых двух слогах — вероятно, результат такого же предвосхищения гласной *а* из слога *дра*. Но нельзя исключать также и того, что здесь могла проявиться характерная для Новгорода мена гласных *а* и *о* (как в ту, так и в другую сторону) в заимствованных именах; ср. *Онтанъ* при исходном *Антонъ*, *Симанъ* при исходном *Симонъ* и т. п.

Предельная краткость и простота грамоты подкрепляет уверенность в том, что законченным документом является также и грамота № 942, где основной текст письма почти такой же: *поидь симь какъ стоꙗ.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Бауэр 2015 — Бауэр Н. П. История древнерусских денежно-весовых систем. IX в. — 1535 г. М.: Русское слово, 2015. [Bauer N. P. *Istoriya drevnerusskikh denezhno-vesovykh sistem. IX v. — 1535 g.* [History of the Old Russian monetary and weighing systems. The 9th century — 1535]. Moscow: Russkoe Slovo, 2015.]

Гимон 2006 — Гимон Т. В. Редактирование летописей в XIII—XV вв.: разночтения между списками Новгородской первой летописи // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 57. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 112—125. [Gimon T. V. Editing of chronicles in the XIII—XV centuries: Differences between copies of the Novgorod First Chronicle. *Trudy otdela drevnerusskoy literatury*. Vol. 57. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. Pp. 112—125.]

Гиппиус 2003 — Гиппиус А. А. Рагуилъ. Страница из истории русского именослова // Русистика. Славистика. Лингвистика. Festschrift für Werner Lehfeldt zum 60. Geburtstag. Kempgen S., Sweier U., Berger T. (Hrsg.). München: Verlag Otto Sagner, 2003. S. 144—154. [Gippius A. A. Raguil. A chapter from the history of the Russian list of names. *Rusistika. Slavistika. Lingvistika. Festschrift für Werner Lehfeldt zum 60. Geburtstag*. Kempgen S., Sweier U., Berger T. (eds.). München: Verlag Otto Sagner, 2003. Pp. 144—154.]

Гиппиус 2011 — Гиппиус А. А. «До Александра и Исакия»: к вопросу о происхождении младшего извода Новгородской первой летописи // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2011. № 1(43). С. 18—30. [Gippius A. A. «To Aleksandr and Isakiy»: The origin of the Novgorod First Chronicle younger recension revisited. *Drevnyaya Rus': voprosy medievistiki*. 2011. No. 1(43). Pp. 18—30.]

Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. СПб.; М.: Издание товарищества М. О. Вольф, 1903—1909. [Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. Vol. 1—4. St. Petersburg; Moscow: Izdanie Tovarishchestva M. O. Vol'f, 1903—1909.]

ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. / Подг. Черепнин Л. В. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. [*Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udel'nykh knyazey XIV—XVI vv.* [Testament and contract documents of the XIV—XVI centuries' great princes and appanage princes]. Prepared by Cherepnin L. V. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1950.]

ДНД$_2$ — Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt* [Old Novgorod dialect]. 2nd ed. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004.]

Ипат. — Полное собрание русских летописей. Том второй. Ипатьевская летопись. М.: Изд-во АН СССР, 1962. [*Polnoe sobranie russkikh letopisei. Tom vtoroi. Ipat'evskaya letopis'* [The complete collection of Russian chronicles. Vol. II. Hypatian Chronicle]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1962.]

Ключевский 1990 — Ключевский В. О. Русский рубль в его отношении к нынешнему // Ключевский В. О. Сочинения в девяти томах. Т. 8. Статьи. М.: Мысль. С. 59—119. [Klyuchevskiy V. O. The Russian rouble in its relation to the current rouble. Klyuchevskiy V. O. *Sochineniya v devyati tomakh*. Vol. 8. *Stat'i*. Moscow: Mysl'. Pp. 59—119.]

Комар 2011 — Комар А. В. Древнерусская денежно-весовая система X в. на перекрестке путей: хазарский тупик // Хазарский альманах. Т. 9. Киев; Харьков: Международный Соломонов университет, 2010—2011. С. 131—184. [Komar A. V. The Old Russian X century monetary and weighing system on the crossroads: Khazar dead-end. *Khazarskiy al'manakh*. Vol. 9. Kiev; Khar'kov: International Solomon University, 2010—2011. Pp. 131—184.]

Назаренко 2001 — Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. М.: Языки русской культуры, 2001. [Nazarenko A. V. *Drevnyaya Rus' na mezhdunarodnykh putyakh* [Ancient Rus' on the international ways]. Moscow: Yazyki Russkoy Kul'tury, 2001.]

НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. Насонова А. Н. М.; Л.: Наука, 1950. [*Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov* [The Novgorod First Chronicle of the older and younger recension]. Nasonov A. N. (ed.). Moscow; Leningrad: Nauka, 1950.]

ПР — Правда Русская / Под ред. Грекова Б. Д. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1940. [*Pravda Russkaya*. Grekov B. D. (ed.). Vol. 1. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1940.]

СГ — Смоленские грамоты XIII—XIV вв. / Подг. Сумникова Т. А., Лопатин В. В. М.: Изд-во АН СССР, 1963. [*Smolenskie gramoty XIII—XIV vv.* [Smolensk documents of the XIII—XIV centuries. Prepared by Sumnikova T. A., Lopatin V. V. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1963.]

Слов. XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—. М.: Наука, 1975—. [*Slovar' russkogo yazyka XI—XVII vv.* [A dictionary of the XI–XVII centuries Russian language]. No. 1—. Moscow: Nauka, 1975—.]

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1—. М.; Л.: Наука, 1965—. [*Slovar' russkikh narodnykh govorov* [A dictionary of Russian folk dialects]. No. 1—. Moscow; Leningrad: Nauka, 1965—.]

Тупиков 1903 — Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1903. [Tupikov N. M. *Slovar' drevnerusskikh lichnykh sobstvennykh imen* [A dictionary of Russian personal proper names]. St. Petersburg: Tip. I. N. Skorokhodova, 1903.]

Янин 1970 — Янин В. Л. Берестяные грамоты и проблема происхождения новгородской денежной системы XV в. // Вспомогательные исторические дисциплины. III. Л.: Наука, 1970. С. 150—179. [Yanin V. L. Birchbark letters and the problem of the origin of the XV century Novgorod monetary system. *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny*. III. Leningrad: Nauka, 1970. Pp. 150—179.]

Янин 2009 — Янин В. Л. Берестяные грамоты и проблема происхождения новгородской денежной системы XV в. // Янин В. Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки денежной системы средневекового Новгорода. М.: Языки славянской культуры, 2009. С. 308—342. [Yanin V. L. Birchbark letters and the problem of the origin of the XV century Novgorod monetary system. Yanin V. L. *Denezhno-vesovye sistemy domongol'skoy Rusi i ocherki denezhnoy sistemy srednevekovogo Novgoroda*. Moscow: Yazyki Slavyanskoy Kul'tury, 2009. Pp. 308—342.]

Янин, Рыбина 2011 — Янин В. Л., Рыбина Е. А. Денежные термины в новгородских берестяных грамотах // От палеолита до средневековья. Сборник научных трудов. М.: Изд-во МГУ, 2011. С. 108—115. [Yanin V. L., Rybina E. A. Money terms in Novgorod birchbark letters. *Ot paleolita do srednevekov'ya. Sbornik nauchnykh trudov*. Moscow: Moscow State Univ. Publ., 2011. Pp. 108—115.]

Статья поступила в редакцию 12.01.2016.

С./Pp. 18—34 ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ 2016. № 4
Voprosy Jazykoznanija

КОНСТРУКЦИИ С РУССКИМ СОСЛАГАТЕЛЬНЫМ НАКЛОНЕНИЕМ ДЛЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ ХАБИТУАЛЬНЫХ СИТУАЦИЙ*

© 2016
Нина Роландовна Добрушина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 101000, Российская Федерация
nina.dobrushina@gmail.com

Статья посвящена проблеме использования сослагательного наклонения в универсальных условно-уступительных придаточных типа *Кто бы ни пришел, всех пускали*. Показано, что употребление сослагательного наклонения в этих придаточных не может быть объяснено через ирреальность, так как универсальные условно-уступительные придаточные часто синонимичны аналогичным конструкциям с индикативом и обозначают реальные ситуации. На обширном корпусном материале продемонстрировано, что сослагательное наклонение в этих придаточных служит для обозначения нереферентности хабитуальных ситуаций. Важным доказательством служит выбор видовых форм: если придаточное содержит индикатив, то предикат не может стоять в форме прошедшего времени совершенного вида, в то время как сослагательное наклонение снимает это ограничение.
Ключевые слова: вид, глагол, ирреальность, морфология, наклонение, сослагательное наклонение, условно-уступительные придаточные, хабитуальность

RUSSIAN SUBJUNCTIVE AS HABITUAL

Nina R. Dobrushina

National Research University Higher School of Economics, Moscow, 101000, Russian Federation
nina.dobrushina@gmail.com

This study considers the use of the subjunctive in universal conditional concession (UCC) clauses of the type *Kto by ni prishel, vsekh puskali* (‘Whoever would come was admitted’). In these contexts, the use of the subjunctive cannot be explained by the irrealis component of its semantics, because it can be substituted with the indicative and apparently introduces real situations. A corpus analysis of this type of subordinate clauses suggests that here the subjunctive designates non-referential, habitual situations. The claim is supported by the evidence from the choice of aspect — in indicative UCC clauses, the predicate cannot be perfective whereas the use of the subjunctive removes this constraint.
Keywords: aspect, conditional-concessive clauses, habitual, irrealis, mood, morphology, subjunctive, verb

Введение

Сослагательное наклонение часто встречается в условно-уступительных придаточных, которые вводятся сочетанием одного из местоименных слов *кто*/*что*/*когда*/*где*/*куда*/*откуда*/*какой*/*как*/*сколько*/*чей* (в терминологии [Апресян 2015] и [Иомдин 2010], «*к*-местоимением») и частицы *ни*:

* В статье использованы результаты проекта «Тенденции развития языка в корпусном отражении», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016 г.

Автор благодарен за советы и замечания, высказанные анонимными рецензентами, В. Ю. Апресян, А. Б. Шлуинским и особенно С. С. Саем. Все ошибки и недочеты на совести автора.

(1) ***О чем бы*** *Маша* ***ни говорила****, ей не верили.*

Эти придаточные относятся к типу универсальных условно-уступительных предложений по классификации М. Хаспельмата и Э. Кёнига [Haspelmath, König 1998]. В «Русской грамматике» они называются предложениями с обобщенно-уступительными отношениями [РГ 1980], в работах В. С. Храковского [1999; 2004] — генерализованными.

Условно-уступительные предложения совмещают семантику условия с семантикой уступки. С одной стороны, они задают отношения условия. Ситуация, названная в главной части, сопоставлена с реальностью ситуации, названной в зависимой части: Маше не верили, если она говорила об X, Y, Z и так далее. С другой стороны, они содержат уступительный компонент смысла, поскольку ситуация главной части нормальным образом не должна следовать из ситуации зависимой части, то есть происходит не вследствие, а вопреки ей: естественные ожидания таковы, что Маше должны поверить, если она говорит об X, Y, Z и так далее.

Универсальные условно-уступительные придаточные предложения означают, что ситуация, названная в главной части, верна при любом положении дел из тех, которые названы в зависимой части: (для всех x) (если p_x то q). В результате ситуация протазиса, как правило, не единична, она повторяется: либо в разное время (2)[1], либо с разными участниками (3), либо разными способами (4). Это свойство значения протазиса универсальных условно-уступительных придаточных мы будем называть его хабитуальностью.

(2) ***Когда ни зайди****, у Гусейна шашлыки из осетрины* [Ольга Некрасова. Платит последний (2000)].

(3) *Нужны деньги, но* ***к кому я ни обращалась*** *за помощью, никто не помог* [Российский фонд помощи (2002) // «Домовой», 2002.11.04].

(4) *Этого никто не может понять,* ***как ни объясняй*** [Юрий Трифонов. Предварительные итоги (1970)].

Значение повторения, или множественности вариантов, может модифицироваться в значение интенсивности. Так, в предложении *Как бы много он ни ел, все равно не наедался*, поверхностный смысл протазиса состоит в том, что были разные варианты того, как много он ел: он ел и много, и очень много, и очень-очень много, однако реально такие конструкции интерпретируются говорящим в значении ‘Хотя он ел очень много’. Это явление характерно для местоименных слов со значением степени — *как*, *какой*, *сколько*. Предложение *Сколько ни езди на море, все равно хочется еще* интерпретируется как ‘даже если ты ездишь на море много, все равно хочется еще’. Нередко допустима разная интерпретация, как в предложении *Сколько кандидатов ни выставить, второго тура не будет*. Возможно, здесь идет речь о том, что даже если выставить много кандидатов, второго тура не будет, возможно — о том, что его не будет ни в том случае, если их выставить пять, ни в том случае, если их выставить четыре.

Таким образом, универсальные условно-уступительные конструкции типа «местоимение + *ни*» имеют две семантические разновидности. Эти разновидности подробно рассматриваются в работах В. С. Храковского [2004] и В. Ю. Апресян [2015]. К первому типу принадлежат конструкции, обозначающие «повторяющиеся положения дел» [Храковский 2004: 21], они же, в терминологии Апресян, конструкции «любого варианта» (*Кого ни просил, никто не помогал*). Ко второму типу, который бывает только со словами *как ни*, *какой ни*, *сколько ни*, относятся конструкции, «в которых обозначаются единичные положения дел и выражен специфический общий смысл ‘признак/действие в ЗЧ [зависимой части] осуществляется с максимальным превышением условной нормы, т. е. или интенсивно, или длительно’» [Храковский 1999: 118], в терминологии Апресян — выражающие собственно

[1] Здесь и далее примеры из [НКРЯ].

уступку (*Как ни просил, никто не помогал*). В разделе 3 обсуждается, релевантно ли это различие для использования в придаточном предложении сослагательного наклонения.

В любом случае, протазис универсальных условно-уступительных конструкций содержит три семантических компонента:

— условность;
— уступительность (противопоставление ситуации, обозначенной аподозисом, той, которая обозначена в протазисе);
— повторение, множественность вариантов (хабитуальность).

Из этого списка видно, что универсальные условно-уступительные предложения не содержат тех компонентов, которые чаще всего выражаются русским сослагательным наклонением: контрфактивности или желания.

Задача этой статьи — объяснить, какую роль играет сослагательное наклонение в протазисе универсальных условно-уступительных придаточных. В статье будет показано, что сослагательное наклонение является наиболее частой формой в этих конструкциях, но не обозначает, что ситуация ирреальна, т. е. не принадлежит прошлому или настоящему. Употребление сослагательного наклонения объясняется хабитуальностью ситуаций протазиса универсальных условно-уступительных конструкций. «В отличие от эпизодического употребления, описывающего конкретную, имеющую место в определенный момент времени ситуацию, хабитуальное употребление в любом из конкретных хабитуальных значений являет собой некоторую абстракцию, не засвидетельствованную в реальности» [Шлуинский 2005: 159]. Хабитуальная ситуация нереферентна: предикат относится к целому классу случаев, а не к одному конкретному случаю, и потому можно говорить о присутствии ирреального компонента в семантике хабитуалиса [Плунгян 2004]. Наличие ирреальной семантики создает возможность использования форм, которые обычно обозначают ирреальные ситуации, для обозначения хабитуальных ситуаций, в том числе, как показано в этой статье, в протазисе универсальных условно-уступительных конструкций.

Материалом для настоящего исследования служат примеры из Национального корпуса русского языка, используется подкорпус письменных текстов, созданных начиная с 1970 г. Все приведенные подсчеты были сделаны на выборках, обработанных вручную автором статьи.

В разделе 1 будет показано, какие формы предиката характерны для русских универсальных условно-уступительных придаточных. В разделе 2 будут рассмотрены те случаи, когда предикат универсальных условно-уступительных придаточных выражен сослагательным наклонением, в разделе 3 обсуждаются формы предиката главной клаузы универсальных условно-уступительных конструкций, в разделе 4 рассматриваются два подтипа этих придаточных, а в разделе 5 подведены итоги и показано, какие типологические параллели имеет это явление.

1. Формы предиката в протазисе универсальных условно-уступительных конструкций

Универсальные условно-уступительные придаточные допускают все финитные формы глагола, однако наиболее характерны такие, которые обозначают нефактивные ситуации. Анализ примеров (см. табл. 1) показал, что наиболее распространенной формой придаточного является сослагательное наклонение, затем будущее время, императив и прошедшее время несовершенного вида. Наиболее фактивная форма — прошедшее время совершенного вида — является наименее частотной. Такое распределение форм в придаточных универсального типа значительно отличается от среднего распределения форм в корпусе: частотность форм прошедшего сов. в. и прошедшего несов. в. примерно одинакова и в 10 раз превышает частотность императива (по корпусу со снятой омонимией).

Таблица 1

Распределение форм в протазисе условно-уступительных конструкций в подкорпусе с 1970 г.

Форма предиката в протазисе	Частотность в процентах и абсолютное число			
	кто[2]... *ни*	*где... ни*	*как... ни*	*сколько... ни*
сослагательное наклонение[3]	78 % (495)	93 % (464)	58 % (1728)	38 % (484)
будущее время	8 % (50)	2 % (10)	1 % (28)	2 % (24)
императив	7 % (42)	2 % (11)	7 % (221)	21 % (263)
инфинитив	(2)	1 % (4)	1 % (24)	2 % (20)
настоящее время	2 % (13)	(2)	2 % (63)	6 % (70)
прошедшее несов. в.	5 % (31)	2 % (8)	6 % (177)	31 % (396)
прошедшее сов. в.	(4)	(2)	(1)	(4)
именное сказуемое с нулевой связкой[4]	0	0	25 % (733)	(2)
Всего	*637*	*501*	*2974*	*1263*

Таким образом, протазис универсальных придаточных тяготеет к тому, чтобы быть выраженным нефактивными формами, среди которых наиболее частотной является сослагательное наклонение: 78 % случаев протазиса с вопросительным местоимением *кто*, 93 % — с местоимением *где*, 58 % — с местоимением *как*, 38 % — с местоимением *сколько*.

2. Роль сослагательного наклонения в протазисе универсальных условно-уступительных конструкций

В этом разделе будет показано, какие именно конструкции с сослагательным наклонением характерны для универсальных условно-уступительных придаточных, будет рассмотрена функция сослагательного наклонения и показано, что оно не имеет контрфактивного смысла, а участвует в выражении хабитуального значения.

2.1. Форма предиката в придаточных с частицей *бы*

В тех случаях, когда универсальные условно-уступительные придаточные содержат частицу *бы* (*б*), в них используется почти исключительно форма прошедшего времени и лишь изредка — инфинитив[5] (примеры 5—9).

(5) *Айсберг,* ***сколько бы он ни плавал****, все равно растает, а краски окажутся в воде* [«Техника — молодежи», 1975].

[2] Местоимение *кто* может стоять в формах косвенных падежей.

[3] Под сослагательным наклонением понимаются любые сочетания с частицей *бы (б)*.

[4] В эту группу вошли случаи типа *Как ни парадоксально, ему отказали*; *Как ни банален этот совет, учитесь*; *Как ни привязан он к маме, нужно идти в школу*. Было принято решение посчитать их отдельно от глаголов в настоящем времени, поскольку их распределение в разных конструкциях протазиса заметно различается.

[5] В настоящей работе принято решение называть форму на *-л* (в терминологии [РГ 1980: 625]) формой прошедшего времени (такое же решение принято в работах [Брехт 1985; Мельчук 1997: 158]). Сочетание инфинитива с частицей *бы* (*б*) считается формой сослагательного наклонения; см. об этом [Добрушина 2014].

(6) *Но могу точно сказать:* ***какая бы ни была*** *война, мне страшно* [«Вестник США», 2003.06.25].

(7) ***Как бы ни относиться*** *к позиции Солженицына по тем или иным вопросам, самая высокая оценка его творчества должна остаться незыблемой, и еще далеко не все им сказано* [А. Д. Сахаров. О письме Александра Солженицына «Вождям Советского Союза» (1974)].

(8) *Девиз его жизни: «****Где бы ни поспать****, лишь бы поспать»* [«Техника — молодежи», 1976].

(9) *Действия не отличались высокой моралью, воровство оно и есть воровство, какие бы оправдания* ***ни приводить*** [Даниил Гранин. Зубр (1987)].

Встретились также отдельные примеры использования в протазисе прилагательного без связки (10), существительного без связки (11) и глагола в форме настоящего времени (12):

(10) *В нашей земле высокими строились лишь церкви — а церковь,* ***как бы ни велика****, внутри таит еще больший простор, куполом достающий Бога* [Александр Терехов. Коммуналка (1995—2005)].

(11) *Этот отход очень ему не нравился:* ***какие б*** *там ни* ***тактические соображения****, а считай отступление* [А. И. Солженицын. Адлиг Швенкиттен (1998)].

(12) *Я —* ***как бы*** *это идиотически* ***ни звучит*** *— незаконный внук Михаила Ивановича…* [Александр Пятигорский. Вспомнишь странного человека (1997)].

Во многих придаточных предложениях инфинитив и прошедшее время распределены по кореферентности: инфинитив используется тогда, когда совпадает субъект главного и подчиненного предложений (*Он уходит, чтобы не мешать*/*Он уходит, чтобы ему не мешали*). Однако в универсальных условно-уступительных предложениях это не так: инфинитив связан не с кореферентностью, а с нереферентностью субъекта. Как и в условных придаточных предложениях, инфинитив используется тогда, когда субъект является обобщенным, ср.:

(13) а. ***Как бы*** *я*/*ты*/*он ни* ***старался,*** *пятерки не получить*;

б. ***Как бы*** *ни* ***стараться,*** *пятерки не получить*.

В табл. 2 представлена абсолютная частотность различных конструкций этого типа (запрос «местоимение + *бы* на расстоянии 1—3 слова от *ни*»). Из подсчета исключены частотные выражения «местоименное слово + *бы* + *то*/*там* + *ни было*» (*что бы то ни было*, *как бы там ни было* и др.).

Таблица 2

Типы предиката
в условно-уступительных конструкциях с частицей *бы* в подкорпусе с 1970 г.

	Глагол в прошедшем времени («форма на *-л*»)	**Инфинитив**	**Прилагательное/ причастие/ существительное без связки**	**Глагол в настоящем времени**	***Всего***
как бы ни	1753	31	3	1	*1788*
что бы ни	1583	3	0	0	*1586*
какой бы ни	1485	12	1	0	*1498*
кто бы ни	490	4	1	0	*495*
сколько бы ни	482	4	0	0	*486*
где бы ни	460	8	0	0	*468*

Продолжение табл. 2

	Глагол в прошедшем времени («форма на *-л*»)	**Инфинитив**	**Прилагательное/ причастие/ существительное без связки**	**Глагол в настоящем времени**	***Всего***
куда бы ни	284	0	0	0	*284*
когда бы ни	68	0	0	0	*68*
откуда бы ни	27	0	0	0	*27*
чей бы ни	19	0	0	0	*19*
отчего бы ни	1	0	0	0	*1*
Всего	*6652*	*62*	*5*	*1*	*6714*

Из табл. 2 следует, что протазис универсальных условно-уступительных конструкций с частицей *бы* почти исключительно выражается формой прошедшего времени, инфинитив для него нехарактерен.

2.2. Сослагательное наклонение и значение контрфактивности

Тот факт, что для протазиса универсальных условно-уступительных предложений характерно сослагательное наклонение, мог бы объясняться условным компонентом значения этих придаточных. Однако условие содержат все условно-уступительные придаточные предложения (примеры 14а—в), а сослагательное наклонение характерно только для одного типа — универсальных придаточных.

(14) а. *Даже если ты* ***примешь*** *лекарство, оно не тебе не поможет*;

б. ***Примешь*** *ты лекарство или нет, оно тебе не поможет*;

в. ***Пусть*** *ты* ***примешь*** *лекарство — оно все равно тебе не поможет*.

Все условно-уступительные придаточные, как указывают М. Хаспельмат и Э. Кёниг, сходны с обычными условными придаточными предложениями в том отношении, что они могут иметь разный статус реальности и оформляться соответствующими формами. Пример (15а) имеет гипотетический статус и выражается в русском языке индикативом, пример (15б) имеет контрфактивный статус и выражается сослагательным наклонением (перевод английских примеров из [Haspelmath, König 1998: 565]):

(15) а. *Какое лекарство ты ни* ***примешь****, оно тебе не поможет*;

б. *Какое* ***бы*** *лекарство ты ни* ***принял****, оно* ***бы*** *тебе* ***не помогло***.

Сослагательное наклонение в обычных условных конструкциях употребляется почти исключительно для создания контрфактивности, т. е. для обозначения ситуации, которая не имела места в действительности, не имеет и не будет иметь. Если протазис содержит сослагательное наклонение, то и аподозис почти наверняка имеет сослагательное наклонение:

(16) ***Если бы*** *отец* ***уехал*** [= ‘не уехал’], *она* ***бы*** *его* ***нашла***.

Ни то ни другое не верно для универсальных условно-уступительных конструкций. Как будет показано дальше, градации (ир)реальности в предложениях с условно-уступительным протазисом выражаются с помощью форм аподозиса, а не протазиса. Сослагательное наклонение в протазисе не коррелирует с ирреальностью ситуации. В примере (17) протазис подразумевает, что ситуация имела место в реальности много раз:

(17) Куда **бы** отец **ни уехал** [= ‘уехал’], она его **находила** везде.

Для создания контрфактивного значения необходим аподозис в сослагательном наклонении:

(18) Куда **бы** отец **ни уехал** [= ‘не уехал’], она **бы** его **нашла** везде.

Тем самым, хотя универсальные условно-уступительные придаточные могут иметь градации по ирреальности, это значение выражается не протазисом, а аподозисом. Сослагательное наклонение в протазисе универсальных условно-уступительных предложений не имеет контрфактивного значения и не коррелирует с тем, оформлен ли аподозис сослагательным наклонением или нет. Между тем в других условно-уступительных конструкциях сослагательное наклонение не может употребляться только в протазисе, потому что вся конструкция с сослагательным наклонением имеет контрфактивное значение:

(19) а. **Даже если **бы** он **приехал**, он **не зашел** поздороваться*;

б. *Даже если **бы** он **приехал**, он **не зашел бы** поздороваться.*

Несмотря на то, что контрфактивность выражается лишь аподозисом универсального условно-уступительного предложения, в протазисе контрфактивных универсальных предложений не может быть никакой другой формы, кроме сослагательного наклонения:

(20) а. *Куда бы отец **ни уезжал**, она **бы** его **нашла** везде*;

б. **Куда отец **ни уезжал**, она **бы** его **нашла** везде*;

в. **Куда **ни уезжай**, она **бы** тебя **нашла** везде.*

Таким образом, сослагательное наклонение в протазисе универсальных условно-уступительных конструкций не выражает контрфактивного значения. Какова роль сослагательного наклонения в этих придаточных?

2.3. Семантика универсальных условно-уступительных придаточных с сослагательным наклонением в протазисе

Употребление сослагательного наклонения в протазисе универсальных условно-уступительных конструкций не коррелирует с реальностью ситуации. Конструкции с сослагательным наклонением в универсальных условно-уступительных придаточных могут иметь фактивное значение, то есть иметь референцию к реальной ситуации, точнее — к классу реальных ситуаций. Во многих таких контекстах сослагательное наклонение может быть заменено на индикатив, в том числе индикатив прошедшего времени:

(21) *Куда **бы** отец ни **уезжал**, она его находила везде = Куда отец ни **уезжал**, она его находила везде.*

Поскольку сослагательное наклонение может быть заменено на индикатив без изменения смысла, приписать особое значение сослагательному наклонению в таком контексте невозможно, но можно описать условия, при которых его употребление более или менее предпочтительно, и объяснить, почему сослагательное наклонение оказывается в числе средств оформления таких придаточных.

Сослагательное наклонение встречается при референции ситуации к будущему, настоящему и прошлому, время ситуации чаще всего обозначается в главном предложении:

(22) *Большинство девочек, работающих в швейном цехе, не станут швеями, но, **где бы** они **ни работали**, они **будут сравнивать** организацию труда «там» и «здесь», а труд швей «Чайки» организован на самом современном уровне* [«Техника — молодежи», 1974].

(23) *...**Где бы ни была** сейчас мама, она **думает** обо мне, и надо только немного подождать — она уже спешит домой* [Виктор Слипенчук. Зинзивер (2001)].

(24) ***Что бы*** *я* ***ни сказал****, организаторы* ***выслушивали*** *с заинтересованным видом...* [Олег Зайончковский. Счастье возможно: роман нашего времени (2008)].

Однако наиболее характерными являются вневременные ситуации, которые имеют место постоянно:

(25) *Впрочем, в Голландии «сельская местность» — понятие относительное:* ***где бы ты ни находился****,* ***всегда видно*** *какое-нибудь городского вида строение* [Сергей Штерн. Ниже уровня моря // «Звезда», 2003].

Во всех приведенных примерах сослагательное наклонение обозначает ситуацию, которая представляется говорящему реальной. В примере (22) девочки будут работать, в примере (23) мама где-то находится, в примере (24) герой высказывания нечто говорил. Однако во всех случаях это не единственная, конкретная ситуация, а целый класс таких ситуаций. Тем самым ситуация протазиса не является референтной.

Сослагательное наклонение оказывается уместным в протазисе универсальных условно-уступительных конструкций потому, что оно способно обозначать нереферентные ситуации. Подтверждением этого является следующая зависимость вида глагола от наклонения: протазис универсального условно-уступительного предложения имеет форму совершенного вида почти только в комбинации с частицей *бы*:

(26) *Где* ***бы*** *она* ***ни нашла*** *этого немытого Вовку, она сама его нашла* [Галина Щербакова. Армия любовников (1997)].

Форма совершенного вида индикатива прошедшего времени для протазиса универсальных условно-уступительных придаточных нехарактерна, потому что эта форма обычно обозначает реальную однократную ситуацию:

(27) ?*Где она ни* ***нашла*** *этого немытого Вовку, она сама его нашла.*

Примеры с прошедшим временем совершенного вида индикатива в протазисе редки и обычно создают впечатление недостающей частицы *бы*:

(28) *А точно, говорят: на вас* ***кто ни взглянул*** **[кто бы ни взглянул]***, тут и влюбился* [В. П. Катаев. Алмазный мой венец (1975—1977)].

(29) *...Неизменные мужские шуточки, какими сопровождается выпивка****, где*** *она* ***ни случилась*** **[где бы она ни случилась]** *— в заблеванной пивной на Зацепе или в «Уолдорф Астории»* [Анатолий Азольский. Монахи // «Новый Мир», 2000].

В табл. 3 представлено соотношение форм прошедшего времени совершенного вида и прошедшего времени несовершенного вида в протазисе конструкций с индикативом и с сослагательным наклонением.

Таблица 3

Распределение видовых форм прошедшего времени в протазисе универсальных условно-уступительных конструкций в подкорпусе с 1970 г.[6]

	Прошедшее время индикатива		**Сослагательное наклонение**	
	сов.	**несов.**	**сов.**	**несов.**
когда	0	(1)	54 % (37)	46 % (31)
откуда	0	0	26 % (7)	74 % (20)
кто	12 % (4)	88 % (29)	20 % (99)	80 % (391)
где	20 % (2)	80 % (8)	13 % (61)	87 % (395)

Продолжение табл. 3 на с. 26

[6] Не учитывались идиомы *куда ни попало*, *куда ни шло*, *что ни попало.*

Продолжение табл. 3 со с. 25

	Прошедшее время индикатива		**Сослагательное наклонение**	
	сов.	**несов.**	**сов.**	**несов.**
куда	13 % (1)	87 % (7)	42 % (40)	58 % (56)
что	3 % (1)	97 % (38)	29 % (456)	71 % (1119)
сколько	1 % (4)	99 % (396)	16 % (77)	84 % (403)
как	1 % (5)	99 % (480)	6 % (95)	94 % (1591)
какой	(0)	(4)	3 % (166)	97 % (5412)

Из табл. 3 видно, что есть заметная разница между конструкциями с сослагательным наклонением и конструкциями с прошедшим временем индикатива. Если при сослагательном наклонении допустим совершенный вид (хотя обычно он встречается реже, чем несовершенный, составляя от 3 % до 54 %), то конструкции с индикативом его практически не допускают.

(30) а. ***Кто бы ни победил**, власть остается внутри одного круга, куда посторонних не пускают* [Александр Генис. Довлатов и окрестности (1998)].

б. ?***Кто ни победил**, власть остается внутри одного круга.*

(31) а. *Пожалуйста, позвони мне, попроси меня, **кто бы ни подошел** к телефону, или позвони в галерею, или Таньке* [Александр Кабаков. Последний герой (1994—1995)].

б. **Попроси меня, **кто ни подошел** к телефону.*

При этом ограничения на совершенный вид характерны только для прошедшего времени индикатива. Будущее время и императив могут быть использованы в протазисе в совершенном виде (32—35).

(32) *— Значит, **кто меня ни спросит**, — мрачно сказал Начальник Охраны, — заходи и жди!* [Фазиль Искандер. Кролики и удавы (1982)].

(33) ***Куда ни пойдешь**, с **кем ни заговоришь** — Зона, Зона, Зона…* [Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Пикник на обочине (1971)].

(34) ***Как ни назови**, а все люди знают: там идет война* [«Новая газета», 2003.01.23].

(35) *Но **сколько ни вложи** в провинциальное издание денег и литературы, результат один: текст, воплощаясь в книгу, обретает небытие* [Ольга Славникова. Капсула времени // «Октябрь», 2001].

Это объясняется тем, что сослагательное наклонение, будущее время и императив сами по себе уже являются ирреальными формами и совершенный вид не меняет референциального статуса ситуации.

Интересно, что В. Ю. Апресян пришла к несколько иным выводам относительно корреляции вида и типа универсальной условно-уступительной конструкции: «Интерпретация ‘любого варианта’ тяготеет к формам СОВ, а уступительная — к формам НЕСОВ. Это имеет семантическое объяснение: уступительность градуирует, задавая высокую степень интенсивности действия, в то время как интерпретация ‘любого варианта’ задает перебор возможных вариантов осуществления действия» [Апресян 2015: 152]. Напомним, что уступительное значение характерно для конструкций со словами *сколько*, *как* и *какой*. Цифры, представленные в табл. 3, не свидетельствуют о преобладании форм совершенного вида в конструкциях «любого варианта». Кроме конструкций с вопросительным местоимением *когда*, в которых наблюдается незначительное преобладание совершенного вида

(54 % случаев), во всех остальных конструкциях преобладает несовершенный вид. Реже всего совершенный вид встречается у конструкций со словами *как* и *какой* (6 % и 3 %), что соответствует наблюдениям Апресян, однако конструкция со словом *сколько*, которая тоже часто имеет уступительное значение, не отличается от других универсальных условно-уступительных конструкций с точки зрения пропорции форм совершенного и несовершенного вида. Причина расхождения приведенных здесь данных и данных Апресян в том, что она рассматривает вид всех форм в целом. Между тем если рассматривать только форму индикатива прошедшего времени, то видно, что совершенный вид нехарактерен для всех индикативных универсальных условно-уступительных конструкций, а в конструкциях с сослагательным наклонением совершенный вид встречается заметно реже, чем несовершенный.

Итак, с точки зрения оформления протазиса условные конструкции с сослагательным наклонением отличаются от конструкций с индикативом тем, что в первых встречается форма совершенного вида, хотя и нечасто, а во вторых — практически нет. Форма индикатива прошедшего времени совершенного вида обозначает наиболее фактивную ситуацию из всех возможных, и поэтому индикатив прошедшего сов. в. плохо совмещается с нереферентностью ситуации протазиса условно-уступительных конструкций. Напротив, сослагательное наклонение имеет нефактивное значение даже в том случае, если оно выражено формой совершенного вида, поэтому совершенный вид не запрещен в этих конструкциях.

Таким образом, сослагательное наклонение в протазисе универсальных условно-уступительных придаточных предложений употребляется потому, что обозначенные в нем хабитуальные ситуации нереферентны.

3. Форма предиката в аподозисе условно-уступительных конструкций

В этом разделе будут рассмотрены типичные способы оформления аподозиса универсальных условно-уступительных предложений. Будет показано, что особенности оформления аподозиса универсальных условно-уступительных придаточных тоже свидетельствуют в пользу того, что употребление сослагательного наклонения в зависимой части обусловлено множественностью ситуаций.

3.1. Прошедшее время в аподозисе

В разделе 2 было показано, что совершенный вид нехарактерен для протазиса, оформленного прошедшим временем индикатива, и допустим, если протазис оформлен сослагательным наклонением. В аподозисе ситуация обратная. Индикативные условно-уступительные конструкции могут содержать прошедшее время совершенного вида (36—40).

(36) *Позже можно будет сказать, что я* ***не прижился*** *нигде,* ***куда*** *меня* ***ни пристраивали*** [Мариам Петросян. Дом, в котором... (2009)].

(37) *И он вспомнил, что и тогда еще, во время его первого сидения и позорного провала, когда он* ***подписал*** *все, что* ***ни подсовывали****, тоже присутствовала такая же женщина* [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 3 (1978)].

(38) ***Как*** *отец* ***ни отговаривал****,* ***что ни делал****, сын* ***женился*** *на ней* [Фазиль Искандер. Сандро из Чегема (Книга 3) (1989)].

(39) *За эскалатором начинается какая-то железная стена, не могла поднять,* ***сколько ни стучала****, никто* ***не открыл*** [Дмитрий Глуховский. Метро 2033 (2005)].

(40) ***Как ни*** *старалась мама, но, кроме фасоли, на зиму больше ничего* ***не запасла*** [Людмила Гурченко. Аплодисменты (1994—2003)].

Для предложений с протазисом, оформленным сослагательным наклонением, аподозис с прошедшим временем совершенного вида не характерен:

(41) **Я **не прижился** нигде, куда **бы** меня **ни пристраивали***;

(42) **Он **подписал** все, что **бы** ему ни **подсовывали***;

(43) ***Сколько бы** она **ни стучала**, никто **не открыл***;

(44) ***Как бы ни старалась** мама, но, кроме фасоли, на зиму больше ничего **не запасла***.

Предложения становятся значительно более приемлемыми, если совершенный вид поменять на несовершенный:

(45) *Я **не приживался** нигде, куда **бы** меня **ни пристраивали***.

(46) *Он **подписывал** все, что **бы** ему ни **подсовывали***.

(47) ***Сколько бы** она **ни стучала**, никто **не открывал***.

Несовершенный вид в аподозисе с прошедшим временем меняет статус ситуации с конкретной на обобщенную, родовую: так происходило во всех ситуациях этого типа.

В табл. 4 представлены результаты подсчета количества форм совершенного и несовершенного вида прошедшего времени в аподозисе разных универсальных условно-уступительных конструкций. Исключены конструкции с императивом в протазисе, так как с большой вероятностью они имеют сильный ирреальный оттенок и должны быть рассмотрены отдельно. Видно, что прошедшее время совершенного вида нехарактерно для всех универсальных условно-уступительных придаточных, кроме тех, которые вводятся местоимением *как*. Чаще, чем в других, оно встречается в придаточных со словами *сколько* и *как*, если протазис не имеет сослагательного наклонения. Кроме того, видно, что несовершенный вид в аподозисе встречается чаще, если протазис выражен сослагательным наклонением, чем если он выражен индикативом прошедшего времени.

Таблица 4

Вид форм прошедшего времени в аподозисе универсальных условно-уступительных предложений

	Прош. несов.	**Прош. сов.**
где ни + индикатив	100 % (6)	0 % (0)
где бы ни	96 % (176)	4 % (7)
сколько ни + индикатив	64 % (222)	36 % (124)
сколько бы ни	83 % (90)	17 % (18)
кто ни + индикатив	73 % (19)	27 % (7)
кто бы ни	81 % (93)	19 % (34)
как ни + индикатив	50 % (536)	50 % (532)
как бы ни	75 % (271)	25 % (88)

3.2. Сослагательное наклонение в аподозисе универсальных условно-уступительных придаточных

В аподозисе универсальных придаточных предложений может быть сослагательное наклонение. В этом случае вся конструкция приобретает контрфактивное значение, т. е. означает, что ситуация не имела места в действительности.

(48) *Разумеется,* ***сколько бы*** *Браун* ***ни рассказывал*** *своим друзьям и знакомым об этом событии, ему* ***бы*** *никто* ***не поверил*** [Чудо-юдо // «Знание — сила», 2003].

(49) *Убежден,* ***сколько бы*** *потом* ***ни пыталась*** *она ерничать по поводу своего прототипа, у нее ничего* ***бы не получилось*** [Морис Симашко. Пятый Рим. Главы из книги (2000) // «Октябрь», 2001].

(50) *Но* ***что бы ни было****, все* ***было бы*** *лучше вашей бездарной власти* [Владимир Войнович. Москва 2042 (1986)].

Кроме того, сослагательное наклонение в аподозисе может употребляться в желательном значении. В этом случае ситуация протазиса не является контрфактивной.

(51) *Я все равно рада,* ***где бы она ни была****, только* ***бы жила*** [Светлана Алексиевич. Цинковые мальчики (1984—1994)].

(52) *А мне все равно,* ***что бы ни травили****,* ***лишь бы*** *заработок* ***был*** *хороший — у меня семья* [Владимир Чивилихин. «Моя мечта — стать писателем», из дневников 1941—1974 гг. (2002)].

Если аподозис оформлен сослагательным наклонением, то в протазисе обычно бывает либо сослагательное наклонение, либо императив.

(53) *Сейчас* ***бы****… и внимания* ***не обратили****,* ***сколько ни*** *клейми* [Юрий Феофанов. Кто хозяин корриды. Заметки юриста (2001) // «Известия», 2001.09.12].

(54) *Места там мало: три могилы на четырех квадратных метрах, и, значит,* ***сколько ни*** *исхитряйся, все время* ***пришлось бы*** *ходить по чьему-то праху* [Владимир Шаров. Воскрешение Лазаря (1997—2002)].

Форма сослагательного наклонения снимает ограничение на прошедшее время совершенного вида: сослагательное наклонение в аподозисе может иметь форму любого вида:

(55) а. **Сколько бы она ни стучала, никто* ***не открыл***;

б. *Сколько бы она ни стучала, никто* ***бы не открыл****.*

В любом случае, сослагательное наклонение редко встречается в аподозисе универсальных условно-уступительных предложений, а если встречается, то его значение ничем не отличается от обычных контекстов сослагательного наклонения.

4. Два типа универсальных условно-уступительных конструкций

Как было сказано в начале статьи, исследователями выделяется два типа универсальных условно-уступительных конструкций — со значением любого варианта (56а) и со значением уступки (56б):

(56) а. *Кого ни просил, никто не помог = Просил многих, и никто из них не помог*;

б. *Как ни просил, никто не помог = Хотя просил, никто не помог.*

Интерпретация конструкции часто зависит от контекста, в одно и то же предложение может вкладываться несколько разный смысл. Тем не менее, как указано в работах В. С. Храковского и В. Ю. Апресян, чисто уступительное значение в целом характерно для конструкций со словами *как ни*, *какой ни* и *сколько ни*, т. е. для тех, которым свойственно значение

интенсивности признака. Конструкция со словами *какой ни* бывает универсальной, обозначающей множественный выбор (57), и бывает уступительной (58).

(57) ...***Какая бы ни была*** *в России власть, а истинным интересам страны служит прежде всего честный ученый* [Дмитрий Быков. Орфография (2002)] [= В России может быть разная власть, и при любой из них истинным интересам страны служит ученый].

(58) ***Какая бы хорошая палатка ни была****, она имеет свойства портиться, гнить, — заметил президент* [«Известия», 2002.10.09] [= Хотя палатка может быть хорошая, она все равно портится].

Уступительные конструкции могут иметь полностью фактивный характер:

(59) ***Как ни бились*** *правоохранительные органы, так и не смогли обнаружить пропажу* [«Уральский автомобиль» (Миасс), 2004.02.03] [= Хотя правоохранительные власти бились над этим, пропажу обнаружить не смогли].

Есть ли корреляция между значением конструкции (множественный выбор или уступка) и употреблением сослагательного наклонения? В. С. Храковский считает, что лишь в конструкциях со значением чистой уступки протазисы с частицей *бы* и без нее не являются синонимичными [Храковский 2004: 21], приводя примеры:

(60) а. *Как бы я ни старался решить задачу, она у меня не получится*;

б. **Как бы я ни старался решить задачу, она у меня не получилась*.

Как было показано в разделе 3.1, конструкция типа (60б) является неграмматичной потому, что прошедшее время совершенного вида в аподозисе вообще нехарактерно для конструкций, где протазис выражен сослагательным наклонением.

Заметим, однако, что если модифицировать пример (60б), заменив совершенный вид в аподозисе на несовершенный, то конструкция станет вполне приемлемой и с сослагательным наклонением, притом что уступительное значение она сохранит:

(61) *Как бы я ни старался решить задачу, она у меня не получалась = Хотя я старался решить задачу, она у меня не получалась*.

Укажем также, что замеченное Храковским ограничение на употребление сослагательного наклонения в фактивных универсальных конструкциях не является абсолютным. В корпусе есть такие примеры:

(62) *Тщательно все обдумав, я прихватил и их, надеясь со временем изучить язык (забегая вперед, должен признаться, что,* ***сколько бы*** *раз впоследствии* ***я ни брался*** *за книги,* ***понять языка*** *так и* ***не смог*** [Митьки. Папуас из Гондураса (1987)] [= Хотя я брался за книги много раз, понять языка не смог].

(63) *Косясь, я приглядывалась, но,* ***сколько бы ни смотрела****, так и* ***не увидела****: ни разу она не разняла сложенных рук, не положила креста* [Елена Чижова. Лавра // «Звезда», 2002].

(64) *И, о чем бы я ни писал,* ***какую бы*** *привлекательную форму* ***ни находил*** *для своих писаний, я в них* ***не достиг****, очевидно, всей глубины творческой свободы* [Анатолий Ким. Мое прошлое (1990—1998) // «Октябрь», 1998].

Представляется, что жесткой связи между семантическим типом универсальной условно-уступительной конструкции и возможностью употребления сослагательного наклонения нет. Есть, однако, корреляция на количественном уровне. Как видно из табл. 5, конструкции с союзными словами *как* и *сколько*, не имеющие сослагательного наклонения в протазисе, в два-три раза чаще, чем другие условно-уступительные конструкции, имеют форму прошедшего времени совершенного вида в аподозисе.

Таблица 5

Формы аподозиса универсальных условно-уступительных конструкций

	Прош. несов.	**Прош. сов.**	**Наст.**	**Буд. несов.**	**Буд. сов.**	**Другие формы**	***Всего* примеров (100 %)**
где	22 % (8)	0 % (0)	49 % (18)	5 % (2)	11 % (4)	14 % (5)	*37*
где бы	39 % (176)	2 % (7)	41 % (186)	5 % (21)	8 % (36)	6 % (29)	*455*
сколько	30 % (231)	16 % (124)	32 % (242)	5 % (39)	15 % (111)	2 % (12)	*759*
сколько бы	19 % (90)	4 % (18)	46 % (217)	7 % (32)	20 % (94)	4 % (20)	*471*
кто	21 % (24)	7 % (8)	56 % (64)	0 % (0)	14 % (16)	2 % (2)	*114*
кто бы	20 % (93)	7 % (34)	47 % (217)	6 % (27)	11 % (52)	9 % (43)	*466*
как	23 % (541)	24 % (560)	46 %(1085)	1 % (32)	5 % (120)	1 % (19)	*2358*
как бы	16 % (271)	5 % (88)	56 % (932)	75 % (7)	14 % (227)	4 % (69)	*1675*

5. Ирреальное наклонение в универсальных условно-уступительных придаточных: выводы

В этой статье были проанализированы причины употребления сослагательного наклонения в протазисе универсальных условно-уступительных предложений. Было показано, что в русском языке сослагательное наклонение в этих придаточных используется вследствие их хабитуального значения. Следующие аргументы были приведены в пользу этого соображения.

Во-первых, сослагательное наклонение регулярно встречается только в универсальных условно-уступительных предложениях, а в других условно-уступительных или уступительных придаточных оно возможно лишь окказионально для выражения контрфактивного значения. Тем самым невозможно связать сослагательное наклонение со значением уступки или условия.

Другим примером языка, где сослагательное наклонение употребляется в протазисе универсальных условно-уступительных конструкций, но не употребляется в других уступительных конструкциях, является армянский. Примеры, любезно предоставленные автору В. Хуршудян, показывают, что сослагательное наклонение (subjunctive в терминологии [Dum-Tragut 2009]) используется в универсальных условно-уступительных придаточных, но не используется в таких, где протазис имеет референцию к единичной ситуации:

(65) *uɾ* *ēl* (*voɾ*) *iɾ* *hajɾ-ə* *gn-aɾ*
куда только COMPL сам.GEN отец-DEF уходить-SUBJ.PST.3SG
na *nɾan* *gtn-um* *ēɾ* *amenuɾ*
он он.DAT найти-IPF AUX.PST.3SG везде
‘Куда бы отец ни уезжал, она его находила везде’.

(66) *et^{h}e* *na* *nujnisk* *gnac^h-el* *ē* *na* *nɾan* *k-gtn-i*
если он даже уходить-PFV AUX.3SG он он.DAT COND-найти-3SG
‘Даже если он уехал, она его найдет’.

По-видимому, в армянском субъюнктив в универсальных условно-уступительных придаточных тоже мотивирован хабитуальностью ситуаций.

Во-вторых, сослагательное наклонение в универсальных условно-уступительных придаточных не выражает контрфактивности (как оно делает это в условных придаточных). Было показано, что контрфактивность способна выражаться главной клаузой условно-уступительной конструкции, но не придаточным.

В-третьих, универсальные условно-уступительные придаточные с сослагательным наклонением часто синонимичны индикативным условно-уступительным придаточным. Это говорит о том, что сослагательное наклонение не выражает в них ирреального смысла.

В-четвертых, употребление сослагательного наклонения в универсальных условно-уступительных придаточных коррелирует с видом глагола в придаточном, а именно, если глагол стоит в форме сослагательного наклонения, то он может быть совершенного вида. Индикатив прошедшего времени совершенного вида в универсальных условно-уступительных придаточных почти не употребляется, поскольку эти придаточные обозначают повторяющуюся (хабитуальную) ситуацию, а форма прошедшего сов. в. часто обозначает единичную завершенную ситуацию и не склонна обозначать хабитуальность.

В-пятых, употребление сослагательного наклонения в универсальных условно-уступительных придаточных коррелирует с видом глагола в главном предложении. Если в придаточном использовано сослагательное наклонение, то в главном предложении редко встречается сказуемое в прошедшем времени совершенного вида. В то же время если в придаточном использован индикатив, то вероятность формы прошедшего сов. в. в главном предложении выше. Сослагательное наклонение в протазисе накладывает ограничения на форму прошедшего времени совершенного вида в аподозисе потому, что сослагательное наклонение усиливает нереферентность ситуации, а единичное действие в прошлом является высокореферентным.

Таким образом, сослагательное наклонение в русских универсальных условно-уступительных конструкциях способствует созданию хабитуально-генерического статуса этих предложений. Такое употребление сослагательного наклонения возможно потому, что хабитуальные ситуации не являются референтными. Корреляция между ирреальными и хабитуальными формами хорошо известна в типологии. По мнению Т. Гивона, модальный статус хабитуалиса неоднозначен: он не обладает важным свойством реальных суждений — обозначать определенные события, происходящие в определенный момент («specific events occurring at some specific time» [Givón 2001: 305]). В разных языках есть примеры того, что хабитуальные ситуации обозначаются ирреальными формами. Так, Дж. Эллиот сообщает о фактах оформления хабитуальных ситуаций ирреальными маркерами в ряде австралийских и австронезийских языков, объясняя это явление тем, что «the non-specific nature of the events… leads to the use of irrealis» [Elliott 2000: 79]; много примеров можно найти в статье [Cristofaro 2004]. В работе С. Фляйшман о корреляции между несовершенным видом и ирреалисом также рассматриваются такие случаи [Fleischman 1995]. Краткое обсуждение этой корреляции можно найти также в работе [de Haan 2012].

Использование ирреальной формы в универсальных условно-уступительных придаточных для выражения хабитуальности, насколько нам известно, еще не отмечалось. Напротив, в известном исследовании того, какие средства характерны для условно-уступительных придаточных, ирреальным наклонениям приписана другая функция [Haspelmath, König 1998]. В этой статье справедливо указано, что во многих языках для маркирования условно-уступительных придаточных используются различные единицы со значением желания (ср. русский союз *хотя*). Эти единицы выражают значение свободного выбора или произвольности (free choice or arbitrariness). В эту группу авторы помещают не только лексические средства, такие как русский союз *хотя*, но и грамматические, такие как оптатив или императив. В самом деле, во многих языках эти формы используются в условно-уступительных придаточных, в том числе и в русском (***Пусть*** *он* ***придет*** *поздно, главное, что придет*; см. [Dobrushina 2008]). Среди прочих примеров авторы рассматривают несколько случаев употребления ирреального наклонения типа субъюнктива; эти случаи тоже считаются примером значения free choice на том основании, что субъюнктив во многих языках характерен для конструкций с оптативным значением. Приведенный выше анализ данных русского языка, однако, показывает, что в универсальных условно-уступительных придаточных ирреальное наклонение может иметь другие причины использования, а именно выражать хабитуальность.

По-видимому, в некоторых языках использование ирреалиса в универсальных условно-уступительных придаточных мотивировано значением свободного выбора (free choice), а в других, как в русском и армянском, оно коррелирует с хабитуальностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Апресян 2015 — Апресян В. Ю. Уступительность: механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке. М.: Языки славянской культуры, 2015. [Apresjan V. Yu. *Ustupitel'nost': mekhanizmy obrazovaniya i vzaimodeistviya slozhnykh znachenii v yazyke* [Concession: Mechanisms of formation and interaction of complex meanings in language]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2015.]

Брехт 1985 — Брехт Р. Д. О взаимосвязи между наклонением и временем: синтаксис частицы *бы* в русском языке // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV: Современная зарубежная русистика. М.: Прогресс, 1985. [Brecht R. D. On the interrelationship between mood and tense: Syntax of the particle *by* in Russian. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. No. XV: *Sovremennaya zarubezhnaya rusistika*. Moscow: Progress, 1985.]

Добрушина 2014 — Добрушина Н. Р. Сослагательное наклонение. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики // http://rusgram.ru (на правах рукописи). М., 2014. [*Soslagatel'noe naklonenie*. *Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki* [Subjunctive mood. Materials for the project of corpus-based description of the Russian grammar]. Available at: http://rusgram.ru (as manuscript). Moscow, 2014.]

Иомдин 2010 — Иомдин Л. Л. Синтаксические фраземы: между лексикой и синтаксисом // Апресян Ю. Д. (ред.). Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 141—190. [Iomdin L. L. Syntactic phrasemes: Between vocabulary and syntax. *Teoreticheskie problemy russkogo sintaksisa: Vzaimodeistvie grammatiki i slovarya.* Apresjan Yu. D. (ed.). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2010.]

Мельчук 1997 — Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. II. М.: Языки русской культуры; Вена: Wiener Slawistischer Almanach, 1997. [Mel'čuk I. A. *Kurs obshchei morfologii. T. II.* [A course in general morphology. Vol. II]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury; Vienna: Wiener Slawistischer Almanach, 1997.]

НКРЯ — Национальный корпус русского языка // http://www.ruscorpora.ru. [*Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: http://www.ruscorpora.ru.]

Плунгян 2004 — Плунгян В. А. Введение // Ландер Ю. А., Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю. (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность. М.: Гнозис, 2004. С. 9—27. [Plungian V. A. Introduction. *Issledovaniya po teorii grammatiki. Vyp. 3: Irrealis i irreal'nost'*. Lander Yu. A., Plungian V. A., Urmanchieva A. Yu. (eds.). Moscow: Gnozis, 2004. Pp. 9—27.]

РГ 1980 — Русская грамматика: В 2 т. Т. 2 / Гл. ред. Шведова Н. Ю. М.: Наука, 1980. [*Russkaya grammatika* [Russian grammar]: in 2 vol. Vol. II. Shvedova N. Yu. (ed.). Moscow: Nauka, 1980.]

Храковский 1999 — Храковский В. С. Универсальные уступительные конструкции. Вопросы языкознания. 1999. № 1. С. 103—122. [Xrakovskij V. S. Universal concessive constructions. *Voprosy jazykoznanija*. 1999. No. 1. Pp. 103—122.]

Храковский 2004 — Храковский В. С. Типология уступительных конструкций. СПб.: Наука, 2004. [Xrakovskij V. S. *Tipologiya ustupitel'nykh konstruktsii* [A typology of concessive constructions]. St. Petersburg: Nauka, 2004.].

Шлуинский 2005 — Шлуинский А. Б. Типология предикатной множественности: количественные аспектуальные значения. Дис. … канд. филол. наук. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2005. [Shluinskii A. B. *Tipologiya predikatnoi mnozhestvennosti: kolichestvennye aspektual'nye znacheniya. Kand. diss*. [A typology of verbal plurality: Quantitative aspectual meanings. Cand. diss.]. Moscow: Lomonosov Moscow State Univ., 2005.]

Cristofaro 2004 — Cristofaro S. Past habituals and irrealis // Ландер Ю. А., Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю. (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность. М.: Гнозис, 2004. С. 256—272. [*Issledovaniya po teorii grammatiki. Vyp. 3: Irrealis i irreal'nost'*. Lander Yu. A., Plungian V. A., Urmanchieva A. Yu. (eds.). Moscow: Gnozis, 2004. Pp. 256—272.]

Dobrushina 2008 — Dobrushina N. R. Imperatives in conditional and concessive subordinate clauses. *Subordination and coordination strategies in North Asian languages*. Vajda E. J. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 2008. Pp. 123—141.

Dum-Tragut 2009 — Dum-Tragut J. *Armenian: Modern Eastern Armenian*. Vol. 14. Amsterdam: John Benjamins, 2009.

Elliott 2000 — Elliott J. R. Realis and irrealis: Forms and concepts of the grammaticalisation of reality. *Linguistic typology.* 2000. Vol. 4. No. 1. Pp. 55—90.
Fleischman 1995 — Fleischman S. Imperfective and irrealis. *Modality in grammar and discourse*. Bybee J., Fleischman S. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1995. Pp. 519—551.
Givón 2001 — Givón T. Syntax: An introduction. Vol. 1. Amsterdam: John Benjamins, 2001.
de Haan 2012 — de Haan F. Irrealis: Fact or fiction? *Language Sciences*. 2012. Vol. 32. Pp. 107—130.
Haspelmath, König 1998 — Haspelmath M., König E. Concessive conditionals in the languages of Europe. *Adverbial constructions in the languages of Europe.* Van der Auwera J. (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter, 1998. Pp. 563—640.

Статья поступила в редакцию 23.11.2015.

2016. № 4 ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ С./Pp. 35—55
Voprosy Jazykoznanija

К СЕМАНТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ «МНОГОКАНАЛЬНЫХ» ЗАИМСТВОВАНИЙ: СЛУЧАЙ *КУРАЖ*[*]

© 2016

Елена Львовна Березович[@], Олеся Дмитриевна Сурикова

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, 620000, Российская Федерация;
[@]berezovich@yandex.ru

В статье изучается история русского галлицизма *кураж*, рассматриваемого на фоне своих аналогов в разных языках Европы (английском, немецком, западно- и восточнославянских). Слово признается многоканальным заимствованием, поскольку оно проникло в разные формы существования русского языка различными путями: во-первых, напрямую из французского языка — в литературный язык; во-вторых, через немецкое посредничество (возможно, через дополнительные западнославянские звенья) — в просторечие, солдатский жаргон, говоры. Именно немецкое посредничество, по мнению авторов, дало толчок существенным смысловым сдвигам в народной речи, в которой представлены разнообразные негативные значения (в том числе связанные с пьянством). Авторы реконструируют обширное словообразовательное гнездо с вершиной *кураж*, выявляют его семантическую структуру, осуществляют этимологическую интерпретацию ряда диалектных слов, входящих в это гнездо, описывают логику контаминационных процессов с их участием.

Ключевые слова: диалектная лексика, контаминация, лингвистическая контактология, русская лексикология, славистика, славянская этимология, словообразовательное гнездо, теория заимствований

ON THE SEMANTIC HISTORY OF “MULTI-CHANNEL” BORROWINGS: THE CASE OF *KURAŽ*

Elena L. Berezovich[@], Olesia D. Surikova

Ural Federal University, Ekaterinburg, 620000, Russian Federation;
[@]berezovich@yandex.ru

This article examines the history of the Russian Gallicism *kuraž* in comparison with its counterparts in various European languages (English, German, Western and Eastern Slavic). This word is recognized as a multi-channel borrowing, because it has penetrated into different registers of the Russian language: on the one hand, directly from the French — into literary language; on the other, through German mediation (possibly via additional West Slavic links) — into colloquial language, soldier’s jargon, dialects. According to the authors, it was German mediation that gave impetus to significant semantic shifts of the word *kuraž* in folk speech, in which a variety of negative meanings (including those associated with alcoholism) are present. The authors reconstruct an extensive word family of the headword *kuraž*, reveal its semantic structure, carry out etymological interpretation of a number of dialect words from this word family, and describe the logic of contamination processes in which they are engaged.

[*] Работа выполнена в рамках реализации программы конкурентоспособности УрФУ (2013—2020), научная группа «Народная языковая традиция как источник историко-культурной информации (Русский Север, Средний Урал, Верхнее Поволжье)». Авторы благодарят Я. Ванякову, Д. М. Голикову, Г. И. Кабакову, Л. Кралика, О. В. Меркулову, Д. Мирич, К. В. Осипову, Г. Поповску-Таборску, Д. В. Спиридонова, И. Янышкову за ценные консультации.

Keywords: contamination, dialect vocabulary, linguistic contactology, Russian lexicology, Slavic etymology, Slavic studies, theory of borrowings, word family

В данной статье речь пойдет о заимствованном слове, которое проникло не в один десяток языков Европы. В этом случае обычно говорят об интернационализмах. Под последними, как известно, понимают «слова, совпадающие по своей внешней форме (с учетом закономерных соответствий звуков и графических единиц в конкретных языках), с полно или частично совпадающим смыслом, выражающие понятия международного характера из области науки и техники, политики, культуры, искусства и функционирующие в разных, прежде всего неродственных (не менее чем трех) языках» [ЛЭС: 197]. Практика использования термина «интернационализмы» привела к тому, что он употребляется обычно по отношению к тем лексическим единицам, которые подвергаются в принимающих языках минимальным изменениям, проникают в них, как правило, в одно время, а также выражают какой-то «новый» (а потому «необходимый» для языков-реципиентов) смысл, имеющий терминологическую определенность. Мы же столкнемся с ситуацией, когда эти условия не соблюдаются: заимствованное слово подвергается адаптации — от незначительной до весьма существенной (по крайней мере, в нескольких из принимающих языков); процесс заимствования происходит в разное время; слово донорского языка не является термином науки, культуры и т. д. и выражает такой смысл, который на момент заимствования реализован в языках-реципиентах другими (своими) лексическими единицами. Значит, в данном случае использование термина «интернационализм» не оправдано.

Изучаемое слово (а речь будет идти о русск. *кураж*) мы условно называем многоканальным заимствованием, поскольку оно проникло, как будет показано далее, в разные подъязыки реципиента — русского национального языка: литературный язык, диалекты, жаргоны. При этом проникновение осуществлялось не по обычному пути (из литературного языка в говоры), а с использованием разных дискурсивных каналов, разных форм заимствования (как письменной, так и устной). Такая ситуация (вкупе с нетерминологическим характером слова и его семантической «избыточностью» для принимающего языка) не могла не привести к существенной смысловой трансформации заимствованной единицы. Отсюда необходимость в пристальном рассмотрении социокультурных условий и обстоятельств заимствования. Присутствие слов, восходящих к тому же источнику, во многих языках заставляет проводить такой анализ на широком сопоставительном фоне.

О многоканальных заимствованиях пока очень мало известно, поскольку исследование заимствований осуществляется обычно фрагментарно, по отношению к какому-либо одному идиому / хронологическому периоду / языку, при этом комплексное исследование трудозатратно, а его результаты зависят от предельно конкретных обстоятельств контактирования, что мешает типологизации. В то же время рассмотрение заимствований такого рода значимо для воссоздания целостной и одновременно детализированной картины языковых контактов.

Слово *кураж* рассматривается нами в контексте лексических единиц, имеющих тот же источник, в ряде других языков — славянских и германских. Задачи статьи — охарактеризовать социокультурный фон и дискурсивные условия, способствовавшие заимствованию слова, уточнить тем самым обстоятельства заимствования, реконструировать основные пути семантического развития лексических единиц, принадлежащих соответствующему словообразовательному гнезду, предложить этимологические решения для «темных» элементов этого гнезда.

* * *

Слово *кураж* появилось в русском языке в начале XVIII в. [ЭСРЯ, II/8: 450]. Установление источника русского слова, на первый взгляд, не составляет проблемы. Им является франц. *courage*.

1. *Courage* во французском языке. По данным последнего издания Словаря Французской Академии, изучаемое слово имеет следующие значения: 1) ‘моральное качество, позволяющее совершать сложные шаги и смелые поступки, а также переносить страдания и преодолевать опасность’; 2) ‘энергичность, рвение, усердие, пыл’; 3) ‘человек, отличающийся благородством и сильным характером’; 4) ‘междометие, призывающее к стойкости, терпению’: *Allons, courage, mes amis! Bon courage! Du courage, nous arrivons!* и т. д. [DAF-9][1].

Во французском языке лексема *courage* фиксируется с XI в. [Ibid.]. Слово образовано от *cœur* ‘сердце’ — и связь с мотивирующей лексемой ощутима в его значениях. Можно сказать, что *courage* — это сила и энергия сердца, душевный подъем, смелость, проявляющаяся особенно в тех ситуациях, когда от человека требуется мобилизация всех его возможностей — физических, эмоциональных, интеллектуальных и др.

Французские словари не дают для изучаемого слова негативных оттенков значений, кроме одного: ‘проявление чрезмерной жесткости, жестокости, способной ранить; цинизм, бесчувственность’ [TLFI]. Но в этом случае к слову *courage*, как правило, добавляются определения вроде *грустный*, *исключительный*, ср. выражение: *avoir le* (*triste*) *courage de* ‘иметь (печальную) смелость для’. Вот показательный контекст: «Quoi qu’il arrive, il faut que vous ayez, mon Révérend Père, un singulier *courage*, pour venir attrister par vos paroles lugubres et vos conjectures désolantes ces infortunés catholiques» Lamennais. «L’Avenir», 1831 (Что бы ни случилось, преподобный отец, вы должны иметь *исключительную смелость* (= *жестокость*), чтобы печалить этих несчастных католиков такими мрачными словами и скорбными пророчествами. Ламенне. «Будущее», 1831) [Ibid.].

Французское слово было заимствовано во многие европейские языки. Представим выборочный обзор значений в ряде языков, который нужен нам как в контактологических целях (выявление возможных влияний на русский), так и в типологических.

2. Так, основное значение слова *courage* в **английском языке** (заимствованного еще в среднеанглийский период [Klein, 1: 362]) определяется как ‘моральная сила или сила помыслов для противостояния опасности, страху, трудностям’ [LDEL][2]. Значение английского

---

[1] Здесь и далее перевод с французского Д. М. Голиковой; с других языков наш. — *Е. Б.*, *О. С.*
Представим также основные значения, которые приводит «Trésor de la Langue Française»:

— ‘*устар.* настрой, отношение к жизни или к какому-то делу, идущее от сердца (сердце — благородный орган, очаг внутренней жизни, хранитель моральных установок и т. д.)’, ‘*метон.* само сердце или сам человек, рассматриваемый через призму его характера, его страстей’; ♦ *homme de courage* (= *homme de cœur*) ‘честный человек, верный в своих поступках зову сердца и голосу морали’, ‘смелый человек’;

— ‘энергия, сила воли, проявленная во время утомительной работы’;

— ‘«твердость сердца», душевная сила, проявляющаяся в трудных ситуациях, когда необходимо принять решение, сделать выбор, либо перед лицом опасности или страдания’, ‘качество, которое инстинктивно проявляется у некоторых людей перед лицом физической опасности’, ‘стойкость, появившаяся в результате привычки к трудным ситуациям и опасности’; ‘*метон.* смелый человек, с жаром защищающий какую-либо идею, политический идеал и т. п.’; ♦ *courage d’opinion* (смелость мнения) ‘смелость открыто выражать свое мнение и не отступать от него, несмотря на враждебное отношение окружающих’;

— ‘черта характера, позволяющая человеку принимать верное решение в трудной с точки зрения морали ситуации’; ♦ *courage personnel, courage d’esprit* (личная смелость, смелость разума) ‘самообладание, позволяющее вести себя спокойно, сдержанно’;

— ‘преодоление себя, усилие, направленное на то, чтобы пройти через какое-то испытание, преодолеть нежелание что-то делать или признать нелицеприятную правду’, ‘сила духа, позволяющая подхватывать и поддерживать смелые, дерзкие идеи’ и др. [TLFI].

[2] Вот более подробный перечень значений, сформулированных по возможности кратко: 1) ‘*устар.* сердце как вместилище чувств, побуждений; дух’; 2) ‘*устар.* побуждения, интенции, наклонности человека’; 3) ‘жизненная сила, бодрость, энергия’; 4) ‘черта характера, определяющая способность сталкиваться с опасностью, побеждая чувство страха; смелость, отвага’ [OED, 3].

слова, как и французского, предполагает «укорененность» *courage* в глубинах человеческого духа; это качество не напускное, не внешнее: человек обнаруживает *courage* не только на поле боя, но и вне ситуации риска, вне публичных ристалищ, оставаясь один на один со своими несчастьями; в этом плане наиболее точным аналогом в русском языке является *мужество* (об англ. *courage* на фоне его внутриязыковых и межъязыковых синонимов — польских и русских — см. в [Wierzbicka 2012]).

Вместе с тем развитие значений английского слова пошло и по другой линии. На основе семантики силы духа → устремлений, желаний в литературном английском отмечается (по крайней мере, в XVI—XVIII вв.) значение ‘сексуальное желание, сексуальная «прыть»’: «…by which time his (the stallion’s) *courage* will be pretty well cooled» (к этому времени его (жеребца) кураж уже подостынет) [OED, 3; EDD, 1: 748]. В говорах этот мотив подхватывают такие образования, как *courage-bag* (мешок для «куража») ‘мошонка’, *couragebater* (тот, у кого ослаблен «кураж») ‘кастрат’ [EDD, 1]. Таким образом, английский язык демонстрирует возможность не только сохранения, но и «снижения» значения французского слова.

Попало слово и в славянские языки. В южнославянских заимствованная лексема, по всей видимости, не испытывает существенного семантического сдвига (некоторые смысловые изменения обнаружены нами в сербском, см. ниже), в то время как западнославянские и (особенно) восточнославянские языки, помимо значений, совпадающих со значением французского слова, дают весьма любопытные трансформации, толчком для которых становится главным образом «овнешнение» того качества, которое обозначено интересующей нас лексемой.

3. Западнославянские языки. В чешском, польском и словацком слова, восходящие в конечном счете к франц. *courage*, отмечены в народной языковой традиции — в разговорном стиле литературного языка и в говорах. При этом в современном польском литературном языке слово *kuraż* считается устаревшим, оно употребляется преимущественно в составе конструкции *dla kurażu* [SJPD, 3: 1303]. Во всех трех языках заимствования считаются прямыми (из французского), по крайней мере, указание на посредничество нам не встретилось [Rejzek 2015: 356—357; WFPJP: 174; SSSJ, 1: 1101]. Время заимствования трактуется источниками так: самая ранняя фиксация словац. *guráž* относится к концу XVII в. (1696 г.) [HSSJ, 1: 387]; чеш. *kuráž* — к началу XVIII в. (1707 г.) [LDHČ][3]; в польском языке *kuraż* отмечается со второй половины XVIII в. [WFPJP: 174].

Среди значений западнославянских лексем есть такие, которые соответствуют французскому источнику: чеш. устар. *kuráž* ‘мужественный настрой, сердечная сила’ [Jungmann, 2: 228], разг. ‘смелость, отвага’ [PSJČ, 2: 453], диал. (морав.) *guráš*: «To je ale *guráš* člověka, íť sám proti pěti chłapom» (Это отважный человек, если он идет против пятерых) [Bartoš 1906: 86]; словац. разг. *guráž* ‘пренебрежение опасностью, смелость, отвага, решительность’ [SSSJ, 1: 1101], диал. *guráž* ‘отвага, смелость; энтузиазм, подъем, желание что-л. делать’ [SSN, 1: 524], польск. *kuraż* ‘смелость, отвага, воодушевление, подъем, задор’ [SW, 2: 639] и др. Однако даже в этих значениях намечается некоторое смысловое расхождение: французское слово (как и английское) означает именно внутреннее качество человека, которое, как говорилось выше, может реализоваться вне ситуации риска, требующей «минутной» храбрости. В контекстах к западнославянским лексемам встречаются указания на проявление «куража» как раз в условиях риска, когда человек пренебрегает опасностью, причем делает это иногда демонстративно и провокационно: чеш. «Byl to *kurážný* a provokační čin» (Это был «куражный» и провокационный поступок) [PSJČ, 2: 453].

Отсюда другие смысловые новации в семантическом пространстве западнославянских слов и их дериватов. Так, отмечается значение напускной смелости, бравады: польск. *kurażować* ‘изображать (выдавать себя за) смелого, отважного, бравого, бравировать’: «Nie

[3] В новом издании словаря Ю. Рейзека указано, что слово впервые появилось в чешском языке в XIX в. [Rejzek 2015: 356—357]. Однако материалы [LDHČ] позволяют внести коррективы в эту датировку. Авторы благодарят И. Янышкову, отметившую данный факт.

kurażuj, boś tchórzem podszyty» (Не бравируй, ведь ты трусоват) [SW, 2: 639][4]. Бравада, лихость может получить отражение во внешнем виде своего «носителя» — в манере надевать шляпу, в усмешке: чеш. народн. *mít klobouk* (*čepici*) *na kuráž* (*guráž*) ‘носить шляпу вызывающе сдвинутой на бок как знак отваги, смелости’ [Zaorálek 1963: 196; Bartoš 1906: 86; картотека PSJČ], словац. *gurážne usmievať sa* («куражно» усмехаться) [SSSJ, 1: 1101]. «Куражное» поведение может выражаться в пении, танцах: польск. диал. *kuraźny* ‘любящий танцевать’ [Karłowicz, 2: 530], словац. разг. *gurážne spievať* («куражно» петь) [SSSJ, 1: 1101].

Часто встречаются указания на такую причину «куражного» состояния, как спиртное: польск. *napić się*, *palnąć*, *wychulić kieliszek* (*wina*, *wódki*) *dla kurażu* (напиться, выпить, хлопнуть рюмку для куража) [Scorupka, 1: 368—369], диал. *pić na kuraś* (пить для куража), «*Kuraś!*» — восклицание при выпивке, *kuraśny* ‘молодцеватый, бравый, под хмелем’ [Karłowicz, 2: 529—530], *kuraśny* ‘проявляющий охоту, рвение, полный воодушевления — в том числе после принятия спиртного’ [SGZO: 171], чеш. народн. *mít kuráž* (иметь кураж) ‘быть в подпитии’, *udělat si kuráž* (*guráž*) (устроить себе кураж) ‘придать себе отваги, как правило, с помощью выпивки’ [Zaorálek 1963: 196], *pít* / *napít se na kuráž* (о человеке неуверенном в себе, боязливом перед рискованным, ответственным делом) ‘пить, напиться алкоголя, чтобы получить уверенность в себе и отвагу’ [SČFVS: 329], словац. *vypiť si dačo na guráž* (напиться чего-нибудь для куража) [SSSJ, 1: 1101], диал. *dodať si guráš* (придать себе кураж) ‘напиться’, *pid’ na guráš* (пить для куража) ‘придавать себе смелости с помощью спиртного’ [SSN, 1: 524] и др.[5] «Алкогольные» коннотации оказываются настолько сильными, что изучаемое слово в чешском просторечии становится непосредственным обозначением спиртного, ср. чеш. *kuráž* ‘водка, самогон’: «Koupiti si *kuráž*» [Kott: 778].

Наконец, говоря о смысловых сдвигах в западнославянских языках, следует отметить и «любовные» коннотации «куража» в польских говорах: у польск. диал. *kuraźny* отмечено значение ‘о девушке, которая любит парней’ [Karłowicz, 2: 529—530], а в некоторых контекстах говорится о «кураже» как о половом влечении, ср. «Ni mioł juz *kurasiu* ku dziéwkom» (У него не было уже «куража» к девушкам) [SGZO: 171]. Логика таких семантических «флуктуаций» была нами описана для английских данных (на основе значения сильных желаний). В польском случае стоит предусмотреть еще одну возможность: притяжение *kuraż* (диал. *kuraś*) ‘кураж’ к простореч. *kuras*, *kuraś* ‘penis’ (← ‘большой, крупный петух, каплун’) [SW, 2: 639].

4. Украинский и белорусский языки. В украинском языке изучаемое слово и его производные не получили широкого распространения: во многих авторитетных лексикографических трудах (в их числе 11-томный «Словник української мови» (1970—1980 гг.), словари Б. Гринченко, П. Билецкого-Носенко и др.) они не фиксируются. Среди редких фиксаций в литературном языке и просторечии можно отметить, к примеру, такие: укр. *кураж* ‘напускная храбрость, развязность; игриво приподнятое состояние духа’, *куражитися* ‘вести себя дерзко, развязно, хвастаться; издеваться, глумиться над кем-либо; вести себя манерно, проявлять несговорчивость’ [ВТСУМ: 598]. Что касается времени фиксации слова, то, судя по доступным источникам, это XIX в., ср., к примеру: «На сей раз, проти свого звичаю, писатиму коротко, бо не вмію писати, не отримавши відповіді на попередній лист, — “*куражу*”

[4] Подобное развитие значений отмечено и для серб. *кура́жити се* — ‘храбриться, бодриться, выставлять себя героем’: «Опет се они раздрељише, *куражећи* се и разјарујући псовком» (Опять они разодрались, куражась и разражаясь бранью) [РСКНЈ, 11: 63].

[5] Ср. также сербские контексты: *кураѐжија* ‘храбрость, отважность, смелость’: «Оно ⟨вино⟩ тье намъ дати свободу и *куражію*, да учинимо над ним освету» (Оно ⟨вино⟩ даст нам решительность и кураж, и мы отомстим ему) [РСКНЈ, 11: 62]; *кȕражно* ‘храбро, одважно, смело’: «Он је ... цио дан код куће помало пијуцкао, да се “*куражније*” узмогне држати на концерту» (Он целый день дома немного выпивал, чтобы смелее держаться на концерте) [Там же: 63]. В сербском языке «пьяные» ассоциации не проявляются, кажется, непосредственно в значениях слов из гнезда *кураж-*, но заметны на уровне контекстной семантики.

якось не стає!»[6] Леся Українка. Из переписки. 1892. *Кураж* и его дериваты отмечаются также в говорах: *ку́раж* ‘влечение, охота’: «Ой, *кураж*, брате, *кураж* / До баби старої. / Коло баби вітер віє, / Як на Чорногорі» [Негрич 2008: 102], *куражиться* ‘проявлять беспокойство, «зарываться», лезть в драку’ [Чабаненко, 2: 232], *куражитися* ‘выглядеть молодцеватым, проявлять отвагу и др., будучи в подпитии’ [Сабадош 2008: 155—156] и т. д.

В белорусском языке засвидетельствован глагол *куражыцца* ‘важничать, держаться с фанаберией’ [ТСБМ]. При этом в говорах, кажется, соответствующие вторичные заимствования не отмечены.

Белорусский глагол *куражыцца* считается французским заимствованием через русское посредничество [ЭСБМ, 5: 164], в то время как украинские источники о языке-посреднике ничего не говорят [ЕСУМ, 3: 150], что, конечно, не отрицает такой вероятности.

Этот краткий обзор значений слова в родственных языках ставит перед нами существенную проблему: каким образом, на какой почве сформировались сдвиги в семантике «куража», затронувшие как минимум западно- и восточнославянские языки, но не наблюдающиеся в языке-источнике? Слово появилось в русском языке и в западнославянских практически одновременно (конец XVII — нач. XVIII в.), «пьяные» коннотации стали отмечаться сравнительно быстро (так, русск. *в куражѣ* (*под куражем*) *быть* ‘навеселе, в подпитии’ фиксируется в XVIII в.), при этом они охватили народные языковые традиции (просторечие и говоры), что мешает думать об «очаговом» зарождении смысловых сдвигов в каком-то одном славянском языке и «цепочечном» распространении их в другие.

Стоит представить себе социолингвистический контекст, в котором могло произойти освоение изучаемого заимствования в славянских языках в XVIII в. Принадлежность слова к группе лексики, обозначающей поведение воина (на фоне активных боевых действий, которые велись в Европе в это время), и его «народный» характер заставляют предполагать, что оно могло быть «привязанным» к воинскому дискурсу. Это объясняло бы масштабность и скорость распространения смысловых сдвигов, а также (предположительно) устный характер языковых контактов (письменный путь в ту эпоху вряд ли обеспечил бы такой результат). Европейский воинский дискурс XVIII в., имевший влияние на славян, невозможно представить без участия немецкой речевой среды. Отсюда догадка, что развитие значения слова в славянских языках могло происходить с участием немецкого языка.

5. Обращение к **немецким данным** показывает, что нем. *Courage* ‘мужество, смелость, отвага’ было заимствовано из французского языка в конце XVI в. [EWD, 1: 248; Kluge: 175], при этом слово считается пришедшим в язык солдат [EWD, 1: 248]. Военная история (присоединение Австрией Венгрии в XVII в.) заставляет думать о необходимости проверить и венгерский язык. И действительно, венгерское слово *kurázsi* ‘кураж, мужество’, отмеченное в 1663—1711 гг., признается французским заимствованием, которое проникло в венгерский язык через немецкое посредничество. При этом в этимологической литературе указывается, что в венгерский оно попало как «слово солдатского языка» [MNTES, 2: 677][7].

Что касается семантики немецкого слова, то в знаменитом словаре братьев Гримм (XIX в.) указывается значение ‘дух; воодушевление, мужество’ [DWB: 637], а в современной версии [DUDEN] — ‘смелость, решительность, мужество, бесстрашие; физическая сила’ (см. также [Wortschatz]); среди устойчивых выражений, в которых фигурирует это слово, можно назвать, к примеру, *besitzen die Courage* ‘набраться духу, смелости’. Для нашего исследования важно, что слово фиксируется в народной речи. Так, в верхнесаксонских говорах *Courage* (*Korahsche*, *Karáhsche*) отмечается в значениях ‘сила’, ‘мужество, сила, дух’ (первое редкое, второе устаревшее) [WOM: 373]. Фиксируется изучаемое слово (*Kuräsche* ‘смелость’) и в австро-баварском диалекте [WBÖ: 1618].

---

[6] Здесь слово фигурирует в значении ‘запал, азарт’, отсутствующем в приведенных выше словарных материалах.

[7] Возможно, немецкое или венгерское посредничество повлияло и на сербское заимствование *ку̏раж*.

Наиболее интересный для нас смысловой сдвиг обнаруживается в говорах Судет: *Courage-wasser* (вода для храбрости) ‘шнапс, водка’ [SdWb, 3: 17]. Если учесть, что Судеты были немецко-чешско-польской контактной территорией, то логично предположить, что чеш. *kuráž* ‘водка, самогон’ (приведенное выше) является немецким заимствованием. В этих лексических фактах отражено представление о выпивке «для поднятия боевого духа», ср. русск. *сто грамм для храбрости*. Пристрастие немцев к спиртному в «боевых» целях стало заметной составляющей их внешнего стереотипа, ср., к примеру, англ. *Dutch courage* (немецкий / голландский кураж) ‘смелость во хмелю; кураж; уверенность, стимулированная алкоголем’; ‘алкоголь, принимаемый для храбрости’ [ABBYY]. Показателен и французский контекст: «*Le courage* de l’Italien est un accès de colère, *le courage* de l’Allemand un moment d’ivresse, *le courage* de l’Espagnol un trait d’orgueil» Stendhal. «De l’Amour», 1822 (Храбрость итальянца — вспышка гнева, храбрость немца — миг опьянения, храбрость испанца — прилив гордости. Стендаль. «О любви») [TLFI].

Думается, немецко-чешское (и шире) контактирование не ограничивается только значением ‘водка’. Такое значение не могло сформироваться как результат случайного спонтанного сдвига, для него должна быть подготовлена почва. По всей видимости, в немецкой народной языковой стихии (особенно в солдатской речи) слово *Courage* имело смысловой оттенок пьяной удали — если не в ассертивной зоне значения, то, по крайней мере, на уровне контекстной семантики. В XVII—XVIII вв. Европу сотрясали масштабные войны (Тридцатилетняя война, Семилетняя война и др.) с участием многих стран, в том числе Франции, России, Речи Посполитой, Австрии, Пруссии и др., время от времени объединявшихся в коалиции с разной «конфигурацией» участников. Армейский дискурс разных стран в таких условиях должен был сформировать некоторое число общих элементов, определенный межъязыковой лексический фонд. Ясно, что такой фонд включал главным образом специальную военную терминологию, но, по всей видимости, туда могли попадать и нетерминологические элементы. Вероятно, элементом этого фонда был и «кураж», особенно если представить, что восклицания типа «*Courage, mes amis!*», «*Courage, soldats!*» (Смелее, друзья! Смелее, солдаты!)[8], которые могли звучать у французов перед боем, были известны носителям других языков (о знакомстве немцев с выражением «*Bon courage!*» и использовании его в качестве французского вкрапления в немецкий см. в [Wortschatz]; об употреблении соответствующего междометия русскими см. далее). Логично думать, что коннотации заимствованной лексемы в различных языках могли приобретать сниженный характер, отражая негативное отношение к противнику, с которым ассоциировалось данное слово (конечно, это было не единственной причиной смысловых сдвигов; о других причинах см. ниже).

Выборочный обзор значений слов, восходящих к франц. *courage*, в языках Европы следует заключить таким выводом. «Кураж» заимствовался в различные языки в разное время, при этом попадал, в силу особенностей своего значения, не только в литературные (книжные) традиции принимающих языков, но и в народную речь — особенно в такой ее пласт, как армейский дискурс. Присутствие слова в нем облегчало процесс заимствования, поскольку армия была той средой, которая в наибольшей степени склонна к перемещениям и межъязыковому контактированию. По всей видимости, одним из важных «ретрансляторов» слова стал немецкий язык, что обусловлено, в числе прочего, значимой ролью войск тех стран, где использовался немецкий, в истории Европы XVII—XVIII вв. Этот «ретранслятор» мог способствовать проникновению изучаемой лексемы в народную стихию западнославянских языков и русского — вероятно, устным путем[9]. По крайней мере, «пьяные» ассоциации у «куража» в этих языках, скорее всего, появились благодаря немецкому влия-

[8] Эти восклицания отмечены в ранних изданиях Словаря Французской Академии — 1694 и 1762 гг. (http://artflx.uchicago.edu/cgi-bin/dicos/pubdico1look.pl?strippedhw=courage).

[9] Кстати, на устный путь заимствования болг. *кура́ж* указывают болгарские этимологи, считающие, что слово, будучи французским заимствованием, попало в болгарский через европейских поселенцев в Турции или через румынский язык [БЕР, 3: 143].

нию (разумеется, для каждого языка надо реконструировать индивидуальную траекторию лексико-словообразовательного развития).

6. В **русском языке** заимствование, очевидно, было «двойным»: через французский канал в «высшие» языковые сферы и через немецкий (возможно, с западнославянским посредничеством) — в «низшие». Как уже отмечалось выше, впервые «русский» *кураж* фиксируется в начале XVIII в. — в 1705 г. (а в 1708 г. — в женском роде: *куражь*) [СлРЯ XVIII в., 11: 81]. В этот период свежее французское заимствование, употребляющееся в «высокой» деловой письменности и речи представителей высшего света[10], еще сохраняет смысл, присущий слову в языке-источнике: ‘смелость, бодрость, готовность к действию’ — «Неприятель… у салдат *куражи* не отнял» (Петр Великий) — и даже используется в функции междометия, призывающего не робеть: «Ге, *кураж*, не буди слаб, но побивай неприятеля» [Там же]. В начале своей семантической истории русский *кураж* проявляет и «дезидеративное» значение ‘охота, желание’, свойственное слову в языке-источнике, — «Они себя разоряют и почитай весьма *куражу* не имѣют к тому купечеству» (1711—1716); на основе этой семантики (через звено ‘заинтересованность’) формируется значение ‘польза, выгода’ — «Повелѣно было брать в казну… на держателях ⟨беглых работников⟩ за прием по 1000 рублей.., так и принимать за тѣм, не имѣя в оном *куража* ни кто не будет» (1749—1753) [Там же].

Иноязычный облик вкупе с семантической «избыточностью» — наличием в русском языке исконных и общенародных слов того же смыслового ряда (*мужество*, *храбрость*, *смелость*) — обеспечили *куражу* судьбу варваризма. «На заре» своей истории в русском языке — в первой трети XVIII в. — это слово нередко требует подбора русского эквивалента, ср. хотя бы: «Довольно есть *куражу или смѣльства*» (1705), «*без добраго бо куражу*, *без сердца уповательнаго* советы не помнятся, искусство правителей помрачается, учение воинское забывается» (1722, Ф. Прокопович) [Там же]. И в середине XVIII в., и в первой половине XIX в. — когда заимствованию уже больше столетия — *кураж* продолжает осознаваться как яркий галлицизм (симптоматично в этом отношении отсутствие его в «Словаре Академии Российской» и Словаре 1847 г.). Ср. в «Сатире господина Ломоносова на Тредиаковского» (в известном смысле — одного из первых русских «западников»): «Все ревут тебе: “*Кураж*, Тресотин, угодник наш!”» (1757)[11]. Показательно употребление изучаемого слова в макаронических стихах И. П. Мятлева[12]: «Как люблю я римлян племя, / Как люблю всё это время / Героизма, *дю кураж*! / Миновалось, се домаж!», «Дружба, фрейндшафт, л’амитье — / Точно будто бы в мытье / Полинявшая матерья, / Как на шляпках наших перья / Марабу пандан л’ораж; / Самобытность, *ле кураж* / Опустились и повисли; / Ни одной высокой мысли, / Ни порыва не блеснет!» (1840).

Иронический характер употребления лексемы *кураж* в XIX в. во многом определило наследие Отечественной войны 1812 г., а именно сформировавшееся после нее насмешливое и презрительное отношение к французам. Ср. раблезианские строки в «Монахе» А. С. Пушкина — русско-французского билингва, конечно, хорошо представлявшего стилистический регистр слова *courage* во французском языке: «Монах на все взирал смятенным оком: / То на стакан он взоры обращал, / То на девиц глядел чернец со вздохом, / Плешивый лоб с досадою чесал — / Стоя, как пень, и рот в сажень разинув. / И вдруг, в душе почувствовав

[10] По данным [СлРЯ XVIII в., 11: 81], слово *кураж* появляется в письмах и бумагах Петра I и Екатерины II, а также в текстах деловых актов Сената и государственных законов: в «Докладах и приговорах, состоявшихся в Правительствующем сенате в царствование Петра Великого», «Полном собрании законов Российской империи» и др.

[11] Здесь и далее недокументированные контексты из художественной литературы извлечены из [НКРЯ].

[12] Эти стихи написаны языком, «представляющим удачное подражание тому смешению французского с нижегородским, которое в то время господствовало в русском обществе» [ЭСБЕ: *Мятлев Иван Петрович*].

кураж / И набекрень, взъярясь, клобук надвинув, / В зеленый лес, как белоусый паж, / Как легкий конь, за девкою погнался» (1813)[13].

Появляется в семантическом развитии *куража* и другая линия, речь о которой уже шла выше (при описании семантики слова в славянских языках), — тоже снижающая пафос французского первоисточника, но не связанная напрямую с событиями 1812 г.: линия пьянства. По всей видимости, впервые «пьяный» *кураж* фиксируется в мемуаристике — «Записках» Андрея Тимофеевича Болотова (1789—1816), офицера, участника Семилетней войны, прекрасно знавшего немецкий язык, несколько лет служившего в Кенигсберге и учившегося в Кенигсбергском университете: «Некоторые из господ были очень *под куражем*» (‘навеселе, в подпитии’) [СлРЯ XVIII в., 11: 81]. Вероятней всего, возникновение этого значения обусловлено посредничеством немецкого «куража», и болотовский *кураж* — не совсем то же, что *кураж* Прокоповича или Мятлева (заимствованный напрямую из французского языка).

Именно «немецкий» (а не «французский») «пьяный» *кураж*, занесенный, скорее всего, участниками европейских войн или наемными иностранными офицерами в реформированной петровской (и послепетровской) армии, закрепился в русском просторечии и ушел дальше — в народные говоры. Ср. здесь простореч. *быть в* (*на*) *кураже*, *под куражом* ‘быть навеселе, под хмельком’ [ССРЛЯ, 5: 1855], *в кураже* ‘кто-либо находится в состоянии опьянения, навеселе’ (XIX в.) [Федоров 2012: 325], без указ. м. *кура́жный* ‘задорливый, хмельной’ [Даль, II: 224], моск. стар. *кура́жное* ‘выпивка’ [Елистратов 2004: 299], карел. *ходить под куражко́м* ‘находиться в нетрезвом состоянии’ [СРГК, 3: 62], беломор. *кура́ж* ‘опьянение, захмеление от выпитого вина’ [Дуров 2011: 199], пск. *кура́жество* ‘веселье, пьянка’ [ПОС, 16: 378], *кура́жить* курск. ‘пировать’, без указ. м. ‘поить вином’ [СРНГ, 16: 109; Даль, II: 224], самар., влад. *кура́житься* ‘веселиться в состоянии охмеления’ [СРНГ, 16: 109], влг., олон. *закура́жить* ‘зашуметь (в голове): об ощущении опьянения’ [СРНГ, 10: 177; Дилакторский 2006: 154], бурят. *закура́женный* ‘слегка пьяный’ [СРГС, 2/1: 186] и др.

Было бы, однако, странно предполагать, что «немецкий» и «французский» *кураж*, имея одинаковый облик, параллельно, не взаимодействуя, существовали в языке-реципиенте — в разных его стратах. Безусловно, такое взаимодействие имело место, и известное нам сегодня просторечное слово *кура́ж* ‘задор, смелость, развязность || озорство, ломанье, проявление самодурства’ [МАС, 2: 151] (а также другие единицы изучаемого гнезда в просторечии и диалектах, см. ниже) представляет собой результат сложных семантических процессов, среди которых своеобразное «наложение» значений двух заимствований. Остановимся на этом подробнее.

«Французский» *кураж*, описывающий поведение воина на поле боя (или — шире — человека в критической ситуации), попадает в ряд аксиологических характеристик подобного рода: *мужество*, *храбрость*, *смелость*, *отвага*. Как показал Ю. В. Кагарлицкий, базовым качеством таких слов является своеобразная двуплановость: с одной стороны, они «характеризуют глубинный психический статус», т. е. называют совокупность присущих воину (человеку) черт; с другой стороны, «храбрость и мужество — качества демонстративные, показные ⟨…⟩, их показывают, ими славятся, им дивятся» [Кагарлицкий 2009: 280—281]. Слово *courage* во французском языке называет комплекс положительно оцениваемых психических свойств личности. Заимствуясь в русский и другие славянские языки, «кураж», как отмечалось выше, подвергается «овнешнению» (в том числе — в силу утраты мотивирующей связи с *cœur* ‘сердце’) — начинает обозначать демонстративное пренебрежение

[13] Ср. в «Старой записной книжке» П. А. Вяземского: «Он беспрестанно говорил и писал кому следует: “Я не прошу кавалерии чрез плечо или на шею, а только маленького *анкураже* (*encouragé*) в петличку”. Пушкин подхватил это слово и применил его к любовным похождениям в тех случаях, когда в обращении не капитал любви, а мелкая монета ее: то есть, с одной стороны, ухаживание, а с другой — снисходительное и одобрительное кокетство. Таким образом, в известном кругу и слово *анкураже* пользовалось некоторое время правом гражданства в московской речи» (1830—1870).

опасностью, лихость, браваду, и такой семантический сдвиг (фиксирующий переход от внутреннего плана к внешнему) вполне типологичен.

Однако для того, чтобы понять, как у «русского» *куража* возникла негативная семантика, этого объяснения недостаточно: нужно обратиться к истории представлений о поведении на поле боя и иерархии качеств воина. В XVII—XVIII вв. в связи с реформами русской армии и изменением тактики боевых действий складывается оппозиция «рациональное» — «нерациональное»: воин должен проявлять «разумную» (не слепую) смелость, «свести к минимуму спонтанные реакции ⟨…⟩ и совершать действия, предусмотренные его строевыми обязанностями» [Там же: 292]. «Излишнее» бесстрашие, безрассудная смелость приписываются врагам, чьи достоинства невозможно отрицать, — туркам, полякам, — но в иерархии воинских характеристик располагаются заметно ниже. При этом, по наблюдению Ю. В. Кагарлицкого, слова, называющие воинские добродетели, в этот период различаются в семантическом объеме и имеют разную сочетаемость. Так, *храбрость* и *мужество* выражают безусловно положительную оценку и используются исключительно при описании русских воинов. Лексемам *смелость* и *отвага*, вошедшим в «военный» лексикон только в XVII в., наоборот, присуща оценочная амбивалентность: они часто называют нерациональное поведение, связанное с риском, действиями наудачу, дерзостью и наглостью, и могут характеризовать не только «своих» воинов, но и силы врага; см. подробно [Там же]. Особенно показательна в этом отношении судьба полонизма *отвага*: заимствованный во второй половине XVII в. и долгое время осознававшийся как лексическая инновация, он приобрел известные нам сегодня положительные коннотации только в XIX в.; до этого времени *отвага* связывалась с безрассудством и т. д. (отдельно об этом слове см. в [Кагарлицкий 2012])[14].

Представляется, что заимствование *кураж* утратило на русской почве положительную оценку еще и потому, что стоящее за ним явление очутилось в «вилах» описанной оппозиции воинских добродетелей — с присущим каждой из характеристик воина прагматическим диапазоном. «Кураж», использующийся как призыв к храбрости и отваге в бою, называющий бесстрашие и витальную энергию, да еще звучащий из уст чужеземцев в качестве автохарактеристики, закономерно не попал в военный нарратив (как, кстати, и *отвага* в первые два века своего бытования в русском языке, см. [Там же]) и не смог завоевать устойчивого места в системе именований воинских качеств. Думается, окончательно позиции этого галлицизма в военной среде были подорваны войной 1812 года.

Случившиеся с *куражом* семантическое «овнешнение» и переход из воинского дискурса в «гражданский» обусловили появление таких лексических единиц, как *кураж* ‘важничание, ложная храбрость’ (XIX в.) [Смирнов 1908: 423], *для куражу* ‘для шутки, для потехи’ — «⟨Смекал⟩ *для куражу* объявил им, что в Микѣху точно вселился нечистый» (1798) [СлРЯ XVIII в., 11: 81].

Можно предположить, что отмеченный в конце XVIII в. «немецкий» *кураж* с «пьяным» значением удачно наложился на *кураж* «французский», называющий разного рода выплески энергии — от заинтересованности в чем-либо до задора, лихости и т. п.: выпивка — причина и следствие куража, а поведение пьяного человека — своеобразный его эталон. Вероятно, появление лексико-семантического материала, восходящего к немецкому источнику, изменило коннотативный фон *куража*, обусловило преимущественную принадлежность его к народной языковой стихии (просторечию и диалектам) — и, следовательно, определило широкое распространение этого слова. Кроме того, возникновение «алкогольных» коннотаций, кажется, помогло *куражу* найти свою семантическую нишу: если зона позитивных воинских характеристик оказалась почти непроницаемой для новаций, то сфера негативных

[14] Описывая судьбу слова *отвага* в русском языке XVIII в., Ю. В. Кагарлицкий делает важное для нас замечание о *кураже*: «Само слово *отвага* в то время было сравнительно свежим заимствованием и, вероятно, осознавалось как полонизм или, по крайней мере, как новое слово. Возможно, это заставляло Петра и его современников усматривать в слове *отвага* иронию, снисходительность (ср. в чем-то сходную судьбу слова *кураж* (франц. *courage* ‘мужество’)» [Кагарлицкий 2009: 296—297].

номинаций человека и его девиантных действий явилась наиболее мобильной и открытой для нового заимствования.

В словарях русского литературного языка XX—XXI вв. *кураж* имеет пометы «просторечное» или «разговорное» и получает следующие определения (помимо дефиниции ‘задор, смелость, развязность || озорство, ломанье, проявление самодурства’ из [МАС], приведенной выше): ‘непринужденность, развязность’ [Ушаков, 2], ‘озорство, похвальба, ломанье’ [ССРЛЯ, 5: 1854—1855], ‘непринужденно-развязное поведение, наигранная смелость’ [Шведова 2007: 391; Кузнецов 1998: 481], ‘задор, озорство || развязность’ [Ефремова 2000].

На базе русск. *кураж* ‘(пьяная) развязность’ возникает просторечный глагол *кура́житься* ‘важничать, держаться нагло, заносчиво, безобразничать || хвастаться, хвалиться; храбриться || ломаться’, ‘издеваться, показывая свою власть’ [ССРЛЯ, 5: 1855]. По данным [ЭСРЯ, II/8: 450—451], он впервые отмечается в 1856—1857 гг. («Былое и думы» А. И. Герцена и «Село Степанчиково…» Ф. М. Достоевского). Однако эта информация требует некоторой корректировки. Как свидетельствует [НКРЯ], это слово появляется в художественной литературе несколько раньше — в романе М. Н. Загоскина «Искуситель» (1838 г.): «— Да что ж ты сделал? — *Куражился* больно, сударь! Как посадские побежали, так я вошел в такой азарт, что свету Божьего невзвидел». Глагол быстро становится активным: так, по материалам [Шайкевич и др. 2013: 260], в русской прозе 1850—1870-х гг. слово *кураж* встречается 51 раз, *куражить* — 6 раз, *куражиться* — 64 раза; согласно статистике [НКРЯ], существительное *кураж* появляется в текстах 387 раз (1722—2012 гг.), глагол *куражить*(*ся*) — 311 раз (1838—2010 гг.). Глагол, как и производящее существительное, принадлежит преимущественно сфере просторечия[15].

Вообще слово *кураж* имеет в русском языке высокую словообразовательную активность: кроме глагола *куражить(ся)* и его производных *закуражиться* и *накуражиться* [Кузнецов 1998: 329, 586], в пределах литературного языка в разное время зафиксированы прилагательные *куражный*, *куражливый* ‘спесивый, заносчивый’ [Федоров 2012: 236; ССРЛЯ, 5: 1855] и *куражистый* [СлРЯ XVIII в., 11: 81], существительные *куражность*, *раскураж*, *куражист(ка)*, наречие *куражно* [НКРЯ], а также широко известные лексемы *обескуражить* ‘лишить уверенности в себе, привести в состояние растерянности, озадачить’, *обескураженный* ‘растерянный, озадаченный’ (последние, кстати, не имеют статуса просторечных).

7. Лексические единицы, восходящие к слову *кураж*, широко распространены и в **русских народных говорах**, куда данное слово, вероятно, проникло через городское просторечие и при посредстве армейского (солдатского) дискурса. Надо отметить, что *кураж* для русских говоров — факт «эксклюзивный», поскольку галлицизмов с абстрактной семантикой в них практически нет (см., к примеру, тематическую классификацию западноевропейских заимствований в говорах Русского Севера, представленную в [Ивашова 1999: 177—187]). Диалектные лексемы, образованные от слова *кураж*, во-первых, развивают те смысловые линии, которые представлены в литературном языке и просторечии (и свойственны «куражу» в западнославянских языках), во-вторых, испытывают смысловые трансформации — часто в результате процессов контаминации с элементами других гнезд.

Многие диалектные лексические единицы, входящие в изучаемое гнездо, имеют существенную степень деэтимологизации, что ведет к многочисленным преобразованиям корня,

[15] Симптоматично, что первый взлет активности слов *кураж* и *куражиться* в художественной литературе и публицистике приходится на конец 1850-х — середину 1870-х гг.: период, когда «в зените» было творчество Ф. М. Достоевского, активно включавшего в свои тексты единицы городского просторечия. По данным [НКРЯ], лексемы, принадлежащие гнезду *кураж*, чаще всего встречаются именно у этого писателя. На втором месте В. Астафьев, ориентирующийся на крестьянскую речь; ему практически не уступает Б. Васильев, в произведениях которого также нередко воспроизводится народная языковая стихия, и заметный рост частотности *куража* наблюдается с конца 1960-х до середины 1980-х гг.

выступающего в следующих фонетических вариантах: *кураж-*, *каруж-*, *карюж-*, *коруж-*, *харюж-*, *корюж-* и *курюж-* (некоторые из этих вариантов появляются также вследствие аттракции, о которой подробнее будет сказано ниже).

Представим лексический материал, сгруппированный по основным блокам значений, которые формируются на базе простореч. *кураж* ‘задор, смелость, развязность || озорство, ломанье, проявление самодурства’. Доминантные смысловые линии связаны в первую очередь с негативными значениями[16].

▪ Упрямиться, ломаться, капризничать: *кура́жить(ся)* беломор. ‘капризничать, сердиться’, влг., карел., нижегор., арх., костром. ‘упрямиться, капризничать’, мордов. ‘ломаться, упрямиться’, пск. ‘упрямиться, артачиться’ — «Сережа у нас не хоцет ничего, *куражливый*, *куражится* цасто» (карел.) [Дуров 2011: 199; СВГ, 4: 20; СРГК, 3: 61; ЛКТЭ; СРГМ, 1: 460; Даль, II: 224; ПОС, 16: 378—379; СГРС, 6: 281; СРНГ, 16: 109]; арх., олон., онеж. *кура́жничать* ‘капризничать, куражиться’ — «Ты чего же, милый, важничаешь, / Надо мной, дурак, *куражничаешь*?» [СРНГ, 16: 109]; *закура́житься* влг. ‘стать недовольным, потребовать ухаживания за собой, начать придираться к словам’, пск. ‘начать капризничать’, перм., пск. ‘заломаться, заупрямиться’ [Дилакторский 2006: 154; ПОС, 11: 278; СПГ, 1: 293]; яросл. *куражи́ строить* ‘капризничать’ [ЯОС, 5: 108]; том. *кура́ж навести* ‘раскапризничаться’ [СРНГ, 16: 109]; беломор. *кура́жник* ‘капризный, сердитый’ [Дуров 2011: 199]; краснояр. *куражня́* ‘капризный, заносчивый, наглый человек’ — «*Куражня* не просто капырза, *куражня* нагличат, характер *куражливый* выказыват» [СРГЮК: 169]; карел. *кура́жливый* ‘несговорчивый, упрямый’ [СРГК, 3: 62].

Семантика капризничанья «ответвляется» в сторону детских капризов → детского плача: пск. *кура́жить(ся)* ‘хныкать, капризничать’ — «Рябёнак *куражыцца* чаво-та, бальной, наверна» [ПОС, 16: 378—379]; *раскура́житься* новг., костром. ‘раскапризничаться, раскричаться, расплакаться’ — «Она така была *куражница*, *раскуражится*, свое спрашивает, повалится, начнет реветь» (костром.); влг., морд. ‘расплакаться’ [СРНГ, 34: 147; СВГ, 9: 29; СРГМ, 2: 1056]; влг. *кура́жница* ‘капризная девочка’ [СВГ, 4: 20]; алт., карел., новг., пск., беломор. *кура́жливо(ы)й* ‘капризный’ — «Такой *куражливый* рабёнок в внучки папафшы» (пск.) [Дуров 2011: 199; СРГА, 2/2: 122; СРГК, 3: 62; НОС: 483; ПОС, 16: 379].

Кроме детей, часто капризничают молодые девушки, поэтому *кураж* приобретает семантику жеманства, кокетничанья: пск. *кура́житься* ‘вести себя неестественно, манерничать, жеманиться’ — «А она на старости лет и туды жэ, брючонки какие-то напялила, и вот куражыцца перед зеркалом» [ПОС, 16: 378—379]; арх. ‘капризничать’ — «Иногда девки куражиться начинают, не выходят на круг танцевать» [СГРС, 6: 281]; урал., перм. *кура́жливый* ‘кокетливый’ — «Тамошние девочки важливые, да они сами куражливые» [СРНГ, 16: 109]. Разработанность образа капризной девушки подтверждают многочисленные контексты из свадебного дискурса, в которых речь идет о куражливости невесты: влг. «После сватанья подойдут и спросят: “Ты чего куражишься?”»; пск. «Сватов многа была, так я долга куражылася» и др.

---

[16] Слова, в значениях которых заключена положительная оценка, не так многочисленны. Судя по их семантике, *кураж* может трактоваться как веселье, задор, проявление интереса к чему-л., например: влг. *кура́жить* ‘волновать, интересовать’ — «Лет десять назад жизнь-то *куражила*, а теперь-то уж неинтересно, теперь сила-то не забирает, так всё дома сижу, скучно» [СРГК, 3: 61], пск. *кура́ж не берёт на что-н*. ‘отсутствует интерес к чему-н.’ — «И сыт, и адет, а *кураш ня бяреть ни на што*, миня беды давять» [ПОС, 16: 378], беломор. *кура́ж* ‘в восторге, в опьянении от избытка чувств’ — «Сегодня ему *кураж* — дочку замуж просватал» [Дуров 2011: 199], карел., арх., твер., влад. *кура́житься* ‘веселиться’ — «Девками были, *куражились* много» (карел.) [СРГК, 3: 61; 16: 109], ленингр. *быть* (*не*) *в куражу́* ‘быть в хорошем (плохом) настроении, расположении’ — «*Быть в куражу* — значит в хорошем настроении, а *не в куражу* — это нехорошем настроении, не в духах» [СРГК, 3: 61], печор. *раскура́жить* ‘взбодрить, придать сил’ — «Огонь разжывим, напьёмся (чаю), *раскуражыт* — пушшэ косим», «Покрепце цяй, дак луцьшы *раскуражыт*, будеш такой простой, бодрый» [СРГНП, 2: 206] и др.

Другой «виток» семантики, связанной с капризами, — значение привередливости в еде: влг. *кура́жный* ‘капризный’ — «*Куражная* баба — выделывается: за стол седет и ести не станет» [СГРС, 6: 281; Дилакторский 2006: 224]; *покура́жливо(ы)й* тюмен. ‘привередливый’, ср.-урал. ‘такой, которому трудно угодить; слишком разборчивый’ — «Мужик попался ей *покуражливой*, не всяку еду ишшо станёт ись» [СРНГ, 29: 24; СРГСУ, 4: 78]. Развитие этого значения ведет к появлению семантики брезгования: влг., мурм. *кура́житься* ‘брезговать’ — «Ведь эта пища детска, мы ее не едим, *куражимся*» (мурм.) [КСГРС; СРГК, 3: 61].

▪ Быть заносчивым, наглым, кичиться, издеваться над кем-л.: пск. *кура́житься* ‘вести себя нагло, заносчиво’ — «Вот замуш выйдиш, а мужык и *раскуражыца*, притставляит ис сибя бога, царя, вот тагда скажыш: “Вот мой *куражыцца*”», ‘заноситься, гордиться, кичиться’, ‘издеваться, глумиться над кем-н.’ [ПОС, 16: 378—379]; пск. *кура́ж* ‘непонятное зазнайство’ [Там же]; юж.-урал. *кура́женица*, печор. *кура́женьице* ‘непристойное поведение, глумление, издевательство’ — «Это что за *кураженьице*? / Сделай, милый, одолженьице, / Не натопывай, натопывай ногой да, / Не тебе распоряжаться надо мной» [СРНГ, 16: 109]; ср.-урал., костром. *кура́жной*, *кура́жисто(ы)й*, ‘чванливый, спесивый, заносчивый’ [СРГСУ, 2: 75; ЛКТЭ].

▪ Вести себя беспокойно: пск. *кура́жить* ‘вести себя беспокойно, озорничать’ [ПОС, 16: 378]; *кура́житься* без указ. м. ‘задориться, бушевать’ [Даль, II: 224], смол., влг. ‘нервничать, волноваться’ [СРНГ, 16: 109], ‘бояться кого-, чего-либо’ [СВГ, 4: 20][17]. Признак беспокойства может реализовываться и в значениях слов, обозначающих природные явления, ср. камч. *кура́жежное озеро* ‘неспокойное озеро’ [СРНГ, 16: 109].

Комплекс этих смысловых линий с доминирующими семами ‘ломание’, ‘издевательство’, ‘беспокойное поведение’, зачастую подкрепленный представлениями о пьяном кураже, становится основой для появления у слова *кураж* и его дериватов «деструктивных» значений. Ср., например, следующие указания на девиантное и социально опасное поведение, нередко ведущее к разрушениям: *кура́житься* пск. ‘вести себя буйно, безобразничать’ — «Таперь празьникъф малъ, в гармонь ни дают сыграть, напьюцца пьяными и начьну *куражыцца*» [ПОС, 16: 378—379], урал. казаки ‘ссориться, драться’ [Малеча, 2: 319]; симб. *кура́жить* ‘«ломать, разнообразить»’ [СРНГ, 16: 109]; омск. *накуражи́ть* ‘испортить’ [СРГС, 2/2: 339; СРСГСП, 2: 168]; ленингр. *раску́ражить* ‘попортить, измять’ [СРГК, 5: 452]. В число производных лексемы *кураж*, отражающих представления о деструктивном поведении человека, следует включить влг. *раскура́житься* ‘разгневаться, рассердиться’ [СВГ, 9: 29], а также случаи с метатезой — влг. *кару́жить* ‘проживать не только свое, но и чужое состояние’, влг. *кару́житься* ‘иметь привычку к дурным поступкам (пьянству, картежной игре и т. п.)’ [СРНГ, 13: 107] и влг. *кару́жник* ‘человек, привыкший к чему-либо дурному (пьянству, картежной игре и т. п.)’ [Там же].

Негативная семантика, присущая дериватам слова *кураж*, распространяется и на сферу физического состояния человека (утомление, ослабленность, болезнь): пск. *закура́житься* ‘замучиться, устать’ — «Я спать хачу, *закуражылась* больна» [ПОС, 11: 278], карел. *кура́жный* ‘невеселый, безрадостный’ [СРГК, 3: 62], влг. *закура́жить* ‘*безл.* о состоянии нездоровья’ — «*Закуражило* меня, весь день с постели не встаю» [КСГРС]. Возможна генерализация негативной семантики: влад. *кура́ж* ‘о чем-либо, неискусно сделанном’ [СРНГ, 16: 109].

Негативно-экспрессивная семантика, присущая дериватам слова *кураж*, настолько интенсивна, что она иногда испытывает потребность в воплощении с помощью формальных показателей. Так возникают единицы, образованные в рамках моделей «*без-* + *кураж*» и «*не-* + *кураж*», ср., например, свердл. *бескура́жно(ы)й* ‘не знающий стыда, наглый,

[17] Семантика беспокойного поведения → интенсивного движения развивается в слове, принадлежащем жаргону летчиков, — *кура́житься* ‘крутиться (о самолете, вошедшем в штопор)’ (из личных записей авторов).

бесстыжий’ [СРГСУ, 1: 43], а также случаи с метатезой: влг. *некаружно́й* ‘нехороший’, влг. *некару́жный* ‘некрасивый, неважный с виду’, олон. *бить некару́жно* ‘бить бесчеловечно чем попало’ [СРНГ, 13: 107; 21: 57; СВГ, 5: 94]. Примечательно, что негативирующие префиксы в составе подобных слов лишены семантики отрицания и отсутствия: они только усиливают значение основы[18]. Ср. значения *без*-префиксальных лексем на базе *кураж* (с вариантами), которые продолжают основные смысловые линии, развивающиеся в гнезде: ср.-урал., сиб., перм., свердл., вост.-казах., приирт., алт. *бескура́жно(ы)й*, *бескару́жно(ы)й*, *бескарю́жно(ы)й*, *бескору́жно(ы)й* ‘не знающий стыда, наглый, бесстыжий человек’ [СРГСУ, 1: 43; СРГС, 1: 65; СРНГ, 2: 267—269; ИЭРГА, 1: 154; Даль, I: 64]; *бескару́жник*, *бескору́жник*, *бескарю́жник*, *бескорю́жник*, *бесхарю́жник* сев.-вост., иркут., якут., перм., без указ. м. ‘бесстыдный, бессовестный человек’, сиб., алт. ‘не знающий стыда, наглый, бесстыжий человек’, ср.-урал. ‘грубый, бесстыжий человек’ [Зотов 2010: 68; СРНГ, 2: 267; СРГС, 1: 65; ИЭРГА, 1: 154; СРГСУ, 1: 43; СРНГ, 2: 267, 282; Даль, I: 64]; арх. *бескору́жник* ‘озорник, безобразник’ [АОС, 2: 13]; енис. *бескару́жник* ‘насмешник, зубоскал’ [СРНГ, 2: 267]; прикам. *бескару́жность* ‘безобразие, распущенность нравов’ [СРГЮП, 1: 54][19]; печор. *бескура́жица*, *бескурю́жица* ‘время, когда процветают беззаконие и несправедливость’ [СРГНП, 1: 31; ФСНП, 1: 41]; перм. *бескарю́жить* ‘мучить кого-либо, издеваться над кем-либо’ [СРГСПермК, 1: 92]; перм. *бесхарю́жничать* ‘вести себя нагло, неблагопристойно; бесстыдничать’ [СРНГ, 2: 282].

Интенсивное фонетическое варьирование корня (*калюж-*, *каруж-*, *карюж-*, *коруж-*, *харюж-*, *корюж-*, *курюж-*) присуще более всего именно образованиям с приставкой *без-*, что говорит о высокой степени деэтимологизации таких лексем[20]. Затемнение внутренней формы приводит не только к формальным изменениям, но и к возникновению новых значений (по-прежнему относящихся к негативному полюсу семантики): ср.-урал., перм. *бескарю́жник*, *бескорю́жник*, *бескура́жник* ‘незадачливый, непутевый, безалаберный человек’ [СРГСУ, 1: 43; СРГСПермК, 1: 92; СРНГ, 2: 267—269], перм. *бескалю́жный* ‘безответственный, легкомысленный’ [СПГ, 1: 36], тюмен. *бескору́жно* ‘безответственно, невнимательно’ [СРГЮТО, 1: 54], арх. *бескару́жно* ‘без меры’ [СГРС, 1: 107] и т. д.

Широта негативного смыслового спектра, характерная для диалектного *кураж*а, а также формальное сходство этого заимствования с целым рядом слов разного происхождения

---

[18] Показательно, что в языке XVIII в. слова с приставкой *без-* и корнем *кураж-* сохраняли базовую семантику отсутствия, что свидетельствует о былой сохранности этимологических связей: *безкуражие*, *безкуражность* ‘отсутствие одобрения, поощрения, поддержки чьей-л. деятельности; лишение кого-л. уверенности в себе’ [СлРЯ XVIII в., 1: 210].

[19] Ж. Ж. Варбот возводит прикам. *бескару́жность* — наряду с забайк. *наскару́жник* ‘пересмешник’ и *паскару́жник* ‘зубоскал’ [Элиасов 1980: 235, 287] — к русской основе *-скаруж-* и, далее, к праслав. **skarati* [Варбот 2015: 49]. Последнее находит продолжения, видимо, только в в.-луж. *škarać* и н.-луж. *škaraś* ‘ковырять, мешать, размешивать (угли); подстрекать, возмущать’, а также в словен. *skárati* ‘отчитывать, бранить’ [Там же]. По отношению к слову *бескаружность* это решение вряд ли оправдано: прикам. *бескару́жность* не выбивается из ряда дериватов слова *кураж* ни семантически, ни формально (ср. другие случаи с метатезой). Что касается других предполагаемых производных основы **-скаруж-* — лексем *паскару́жник* и *наскару́жник*, — то сомнения вызывает, по крайней мере, реальность первого из них. Слово *паскару́жник* впервые зафиксировано в [Кривошапкин 1865: 55] с комментарием «употребительнее *безкарусник*». Возможно, лексема представляет собой гапакс или описку — искажение слова *наскару́жник*, в существовании которого сомневаться не приходится: по данным [Кривошапкин 1865: 53; СРНГ, 20: 163; СРГС, 2/2: 356], оно бытует в томских, енисейских, курганских, читинских говорах.

[20] Затемнение внутренней формы вообще не редкость для дериватов слова *кураж*; на это указывает их контаминационная активность (см. ниже), а также возможность развития энантиосемии, ср., например: *бескура́жн(о)ый* влг. (Кичменгско-Городецкий, Никольский р-ны) ‘равнодушный, эгоистичный’ и ‘безотказный, не имеющий своего мнения’ [КСГРС]; *кура́жный* карел. (Медвежьегорский р-н) ‘невеселый, безрадостный’ и ‘веселый, беззаботный’ [СРГК, 3: 62].

на *кур-*, *кар-* и т. д. обеспечили *куражу* **контаминационную активность**. Выскажем предположения относительно некоторых возможных контаминаций.

Популярность варианта корня *каруж-* (особенно в сочетании с приставкой *без-*) можно объяснить, по всей видимости, не только метатезой вследствие деэтимологизации, но и притяжением к диалектным производным от *кара* ‘наказание’ (типа *кара́ть* влг. ‘содержать кого-либо в строгости’ [СГРС, 5: 71], зап.-брян., смол. ‘ругать, хулить’ [СРНГ, 13: 77], пск. *кара́ться* ‘принимать наказание’ [ПОС, 13: 492] и др.). Тогда внутреннюю форму слов типа *бескару́жник* ‘бессовестный человек’ (см. выше) следует прочитать как «тот, кто не знает строгости, живет без наказаний, запретов» (см. аналогичные по мотивации костромские слова *беззагро́зный*, *бесстю́вный* ‘не признающий запретов, непослушный’, проанализированные в [Леонтьева 2015: 278, 298]).

Дериваты сущ. *кураж*, в значениях которых актуализируются семы ‘интенсивное движение’, ‘беспокойное поведение’, взаимодействуют с продолжениями **kura* ‘вьюга, метель’ и **kuriti* ‘кружиться, куриться, мести (о снеге)’ — *кура́*, *курёха*, *кури́ть* и др. (эти слова, помимо семантики, связанной с кружением снега, имеют и другие метеорологические значения: ‘идти дождю при сильном ветре’, ‘бушевать (о ветре)’ и др.). Указанное взаимодействие приводит к возникновению ряда слов с «метеорологической» семантикой: арх. *закура́живать* ‘часто меняться, становиться то хуже, то лучше (о погоде)’ — «Погода опять *закураживает*» [СРНГ, 10: 177]; *закура́житься* сарат., нижегор. ‘затянуться тучами, нахмуриться (о небе)’ — «На небе *закуражилось*, пошли тучки, быть дождю», смол. ‘меняться в худшую сторону (о погоде)’ [СРНГ, 10: 177; ССГ, 4: 78]; пенз. *кура́жить* ‘кружить; бушевать’ — «Ветер, он *куражит*, кругом вертит» [СРНГ, 16: 109]; *кура́житься* смол. ‘портиться (о погоде)’, мордов. ‘покрываться тучами, облаками (о небе)’ [ССГ, 5: 134; СРНГ, 16: 109; СРГМ, 1: 460]; карел. *раску́ражить* ‘стать ясным, прояснеть’ — «Утром *раскуражило*, а теперь опять дождь» [СРГК, 5: 452] и др.[21]

* * *

Таким образом, русское слово *кураж* можно считать многоканальным заимствованием, поскольку оно проникало в русский язык разными путями, подпитывалось разными дискурсивными пластами. Во-первых, оно было заимствовано напрямую из французского языка, попав в «высокие» коммуникативные сферы, в речь образованной элиты, представители которой владели французским языком и знали изучаемое слово «в подлиннике». Во-вторых, оно пришло в русский, по всей видимости, через немецкое посредничество (возможно еще одно опосредующее звено — западнославянские языки, особенно

[21] Вот еще два случая возможных притяжений. Есть смысл предполагать аттракцию *куража* к словам типа арх. *куржи́ться*, свердл. *куржа́ться*, арх., влг. *ку́ржéть*, сев.-русск. *ку́ржа́вéть* и др. ‘покрываться инеем’ [СГРС, 6: 291—293; СРНГ, 16: 123—124] (они восходят, по наиболее распространенной этимологической версии, к прибалтийско-финскому источнику [Аникин 2000: 328—329]). Это притяжение обыграно в вологодском анекдоте: «Мать, посылая сына к теще, говорит: “Ты пойди туда… *покуражьсе* немножко”. В гостях у тещи парень вышел из-за стола и пошел в одной рубашке в лютый мороз на улицу. Когда его нашли, он сильно замерз: “Ты чево убежал?” — “А я, — г(овор)ыт, — *к-к-кура-а-ажусь*” [Морозов, Слепцова 2004: 493]; комический эффект основан на том, что сын перепутал два близких по звучанию слова, «притянувшихся» друг к другу в его языковом сознании (подробнее о метаязыковой ситуации, представленной в этом тексте, см. в [Березович 2014: 351]).

Наконец, еще одно слово, которое могло появиться с участием изучаемой основы, — смол. *хару́жи* ‘срамные, неприличные места тела’ — «Пачитай, што биз штаноў — уси *харужи* наружи» [СОС: 955]. Слово является «темным», имеет статус гапакса. Им следует заниматься отдельно и не здесь, но при этом, думается, есть смысл учесть описанные выше факты других языков: англ. *courage-bag* (мешок для «куража») ‘мошонка’, а также притяжение польск. *kuraż* (диал. *kuraś*) ‘кураж’ к простореч. *kuras*, *kuraś* ‘penis’. Возможно, перед нами лексема неизвестного пока происхождения, «притянувшаяся» к продолжениям *кураж-* (*каруж-* / *харуж-* и др.).

польский, бывший активным источником и посредником для заимствований в русский в конце XVII —XVIII вв.), при этом реципиентом стала народная языковая стихия — просторечие и диалекты.

Известно, что какое-либо слово языка-донора может быть неоднократно заимствовано в язык-реципиент разными путями, через разных посредников. Наши представления об этом складываются обычно на основе примеров типа *чердак — чертог*, *шабаш — суббота*, *асбест — известь*, *ринг — рынок* и др.: оба элемента каждой пары имеют общий этимон, но у каждого из них была своя «траектория» заимствования. При этом в языке-реципиенте они далеко разошлись (отчасти за счет сдвигов в языках-посредниках) и никак не составляют единую лексическую единицу. Случай с *куражом* иной: здесь мы имеем одно и то же слово в лексике языка-реципиента, но семантический объем и деривационные связи этой лексической единицы формировались, как указано выше, в разных дискурсивных сферах, различных формах существования языка. Этот случай трудноуловим, поскольку получаемые в результате заимствования лексико-семантические варианты «сливаются» в одну лексическую единицу.

Многоканальные заимствования такого рода, как уже отмечалось, практически не изучены. Одним из немногих примеров такого описания является работа Д. В. Спиридонова [2012], посвященная франц. *épigone* ‘эпигон’. Автор предполагает, что это слово в разных своих смысловых вариантах является параллельным независимым заимствованием во французский из греческого и из немецкого, причем в последнем случае возможно и обратное семантическое заимствование [Там же: 105]. Ситуация с *куражом* отличается от описанной тем, что в качестве одного из каналов, по которому слово проникает в язык-реципиент, выступает народная речь, диалектная и жаргонная, которая слабо документирована (и это мешает прослеживанию точной траектории слова).

В словарях иностранных слов и в этимологических словарях русского языка слово *кураж* трактуется только как галлицизм — с учетом его «дальнейших» генетических связей. Нам представляется, что необходимо указывать и на немецкое посредничество, поскольку именно таким образом можно объяснить причины сдвигов в семантике слова (это касается и западнославянских языков, особенно чешского, где влияние немецкого источника бесспорно). Кроме того, факт посредничества позволяет уточнить наши представления о существовании в Европе XVII—XVIII вв. (и позднее) особого межъязыкового лексического фонда, который формировался не только «сверху», в ходе политического и культурного взаимодействия государств, но и «снизу» — в первую очередь, в речи солдат (указание на присутствие «куража» в армейском дискурсе встретилось нам лишь в этимологических словарях немецкого и венгерского языков, но это явно можно распространить на более широкий языковой круг). Именно армейская среда была максимально открыта для «низовых» языковых контактов, обнаруживала конкретные социолингвистические условия их протекания, в ней мог стихийно складываться межъязыковой лексикон, к которому принадлежал и «кураж», циркулировавший, по всей видимости, в речи австрийских, прусских, чешских, польских, русских солдат. Возможно, первоначально это заимствование воспроизводило междометие, которым подбадривали себя французы перед боем.

Специфика данного слова заключается еще и в том, что оно de jure представляло собой так называемое «избыточное» заимствование, которое de facto таковым не стало (это касается, наверное, подавляющего большинства «избыточных» заимствований, подвергающихся в языке-реципиенте семантической адаптации, которая переводит их в разряд «необходимых»). Начальный этап жизни слова в русском языке совпал с периодом реформ в русской армии, предполагавших, среди прочего, перестройку аксиологических основ поведения воина в бою. Для воплощения представлений о положительных качествах воина, востребованных в этот период, существовали исконные слова, а заимствованная лексема, облик которой ясно указывал на принадлежность к языку военного противника, обрастала шлейфом негативных коннотаций.

Самой благодатной почвой для дальнейшего развития таких коннотаций стала лексическая система русских народных говоров, куда слово попало из просторечия. Здесь оно, во-первых, максимально изолировано от своих генетических связей, что способствует скорейшей деэтимологизации. Во-вторых, его значение оказывается вписанным в народную аксиологическую систему, связываясь с разнузданным поведением, противопоставляющим «куражливого» человека обществу (а представления о таком поведении можно признать одной из доминант народного кодекса «антиценностей»). В-третьих, наибольшей разработке подвергается глагольная составляющая словообразовательного гнезда, что соответствует ориентации диалектной лексической системы на отражение бытовых ситуаций. В-четвертых, экспрессивные смыслы, занимающие видное место в семантической организации гнезда, испытывают воздействие принципа расширения и генерализации экспрессивной семантики, который особенно активно проявляется в лексике диалектов (вследствие отсутствия нормирующих ограничений). В-пятых, благодаря своему внешнему облику, в котором отражен популярный звукокомплекс, слово подвергается многочисленным аттракциям к другим лексическим единицам. Все это способствует как количественному разрастанию гнезда, так и качественному наращиванию его смыслового потенциала, при этом многие элементы гнезда так отдаляются от вершинного слова, что их интерпретация представляет собой существенную этимологическую проблему (ср. диалектные слова с корневыми *калюж-*, *каруж-*, *харюж-*, *курюж-* и т. п.).

Итак, «куражное» словечко оказывается на перекрестке важных проблем контактологии, семантики, словообразования и этимологии. Важно изучить разнообразные примеры многоканальных заимствований, чтобы уточнить наши представления об этом явлении и вписать его в типологию лексических заимствований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

АОС — Архангельский областной словарь / Под ред. Гецовой О. Г. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980—. Вып. 1—.

Аникин 2000 — Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд., испр. и доп. М.; Новосибирск: Наука, 2000.

БЕР — Български етимологичен речник / Ред. Георгиев В. И. София: Издателство на Българската академия на науките, 1971—. Т. 1—.

ВТСУМ — Великий тлумачний словник сучасної української мови / За ред. Бусела В. Т. Київ, Ірпінь: ВТФ «Перун», 2005.

Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Репр. воспр. изд. 1881 г. М.: Русский язык, 1989—1991. Т. I—IV.

Дилакторский 2006 — Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. / Изд. подгот.: Левичкин А. И., Мызников С. А. СПб.: Наука, 2006.

Дуров 2011 — Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / Отв. ред. Муллонен И. И. Петрозаводск: ИЯЛИ КНЦ РАН, 2011.

Елистратов 2004 — Елистратов В. С. Язык старой Москвы: Лингвоэнциклопедический словарь: Около 7000 слов и выражений. 2-е изд., испр. М.: АСТ; Астрель; Русские словари; Транзиткнига, 2004.

ЕСУМ — Етимологічний словник української мови / Голов. ред. Мельничук О. С. Київ, 1982–2012. Т. 1–6.

Ефремова 2000 — Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. http://www.efremova.info

Зотов 2010 — Зотов Г. В. Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России / Под ред. Соколянского А. А. Магадан: Изд-во СВГУ, 2010.

ИЭРГА — Историко-этимологический словарь русских говоров Алтая / Под ред. Шелеповой Л. И. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007—. Т. 1—.

Кривошапкин 1865 — Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ и его жизнь. СПб.: Изд. Имп. рус. геогр. о-ва, 1865.

КСГРС — Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).

Кузнецов 1998 — Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. 1-е изд. СПб.: Норинт, 1998.
ЛКТЭ — Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского ун-та (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).
ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. Ярцева В. Н. М.: Советская энциклопедия, 1990.
Малеча — Малеча Н. М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Оренбург, 2002—2003. Т. 1—4.
МАС — Словарь русского языка / Под ред. Евгеньевой А. П. М.: Русский язык, 1981—1984. Т. I—IV.
Негрич 2008 — Негрич М. Скарбы гуцульского говору: Березовú. Львів: Ін-т українознавства ім. І. Крип'якевича НАНУ, 2008.
НКРЯ — Национальный корпус русского языка // http://www.ruscorpora.ru.
НОС — Новгородский областной словарь / Изд. подгот. Левичкин А. Н. , Мызников С. А. СПб.: Наука, 2010.
ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Л.; СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1967—. Вып. 1—.
РСКНЈ — Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Београд: Инст. за српскохрв. језик, 1959—. Књ. 1—.
Сабадош 2008 — Сабадош І. Словник закарпатської говірки села Сокирниця Хустьского району. Ужгород: Ліра, 2008.
СВГ — Словарь вологодских говоров / Под ред. Паникаровской Т. Г. Вологда: Изд-во ВГПИ/ВГПУ, 1983—2007. Вып. 1—12.
СГРС — Словарь говоров Русского Севера / Под ред. Матвеева А. К. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001—. Т. 1—.
СлРЯ XVIII в. — Словарь русского языка XVIII века. Л.; Спб.: Наука, 1984—. Вып. 1—.
Смирнов 1908 — Смирнов В. Полный словарь иностранных слов, вошедших в русский язык, с общедоступным толкованием их значения и употребления и со включением отдельных слов и фраз, употребляющихся в устной и письменной речи в их оригинальной иностранной форме. М.: б. и., 1908.
СОС — Смоленский областной словарь / Сост. Добровольский В. Н. Смоленск: Типография П. А. Силина, 1914.
СПГ — Словарь пермских говоров / Под ред. Борисовой А. Н. , Прокошевой К. Н. Пермь: Книжный мир, 2000—2002. Вып. 1—2.
СРГА — Словарь русских говоров Алтая / Под ред. Воробьевой И. А., Иванова А. И. Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 1993—1997. Т. 1—4.
СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. Герд А. С. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994—2005. Вып. 1—6.
СРГМ — Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР (Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия). Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1978—2006. Т. 1—8.
СРГНП — Словарь русских говоров Низовой Печоры / Под ред. Ивашко Л. А. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003—2005. Т. 1—2.
СРГС — Словарь русских говоров Сибири / Под ред. Федорова А. И. Новосибирск: Наука, 1999—2006. Т. 1—5.
СРГСПермК — Словарь русских говоров севера Пермского края / Гл. ред. Русинова И. И. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2011—. Вып. 1—.
СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала / Под ред. Матвеева А. К. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1964—1987. Т. 1—7.
СРГЮК — Словарь русских говоров южных районов Красноярского края / Отв. ред. Рогова В. Н. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988.
СРГЮП — Подюков И. А., Поздеева С. М., Свалова Е. Н., Хоробрых С. В., Черных А. В. Словарь русских говоров Южного Прикамья. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2010—2012. Вып. 1—3.
СРГЮТО — Словарь русских старожильческих говоров юга Тюменской области / Под ред. Беляковой С. М. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2014. Т. 1—2.
СРНГ — Словарь русских народных говоров / Отв. ред. Филин Ф. П., Сороколетов Ф. П., Мызников С. А. М.; Л.: Наука, 1965—. Вып. 1—.
СРСГСП — Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья / Под ред. Садретдиновой Г. А. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992—1993. Ч. 1—3.
ССГ — Словарь смоленских говоров / Отв. ред. Бояринова Л. З., Иванова А. И. Смоленск: СГПИ/СГПУ, 1974—2005. Вып. 1—11.

ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка. М.; Л.: Наука, 1948—1965. Т. 1—17.
ТСБМ — Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1977—1984. Т. 1—5.
Ушаков — Толковый словарь русского языка / Под ред. Ушакова Д. Н. М.: Советская энциклопедия; ОГИЗ, 1935—1940. Т. 1—4.
Федоров 2012 — Федоров А. И. Толковый словарь устаревших слов и фразеологических оборотов русского литературного языка: около 20 000 слов и выражений. М.: Восток-Запад, 2012.
ФСНП — Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры / Сост. Ставшина Н. А. СПб.: Наука, 2008. Т. 1—2.
Чабаненко — Чабаненко В. А. Словник говірок Нижньої Наддніпрянщини. Запоріжжя: ЗДУ, 1992. Т. 1—4.
Шайкевич и др. 2013 — Шайкевич А. Я., Андрющенко В. М., Ребецкая Н. А. Дистрибутивно-статистический анализ языка русской прозы 1850—1870-х гг. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2013.
Шведова 2007 — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Шведова Н. Ю. М.: Азбуковник, 2007.
Элиасов 1980 — Элиасов Л. Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М.: Наука, 1980.
ЭСБЕ — Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1890—1907 // http://www.vehi.net/brokgauz/
ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Рэд. Цыхун Г. А. Мінск: Навука і тэхніка, 1978—. Т. 1—.
ЭСРЯ — Этимологический словарь русского языка / Под ред. и рук. Шанского Н. М., Журавлева А. Ф. М.: Изд-во МГУ, 1963—. Т. 1—.
ЯОС — Ярославский областной словарь / Под ред. Мельниченко Г. Г. Ярославль: Изд-во Яросл. гос. пед. ин-та, 1981—1991. Вып. 1—10.
ABBYY — ABBYY Lingvo x 6: двадцать языков. Электронный словарь // www.lingvo.ru.
Bartoš 1906 — Bartoš F. *Dialektický slovník moravský*. Praha: Česká akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění, 1906.
DAF-9 — *Dictionnaire de l'Académie française*. Paris: Imprimerie nationale, Fayard, 1992—. T. 1—. Neuvième édition. Dictionnaire électronique.
DUDEN — *Das große Wörterbuch der deutschen Sprache*. Available at: http://www.duden.de/woerterbuch.
DWB — *Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm*. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1860. Bd. 2.
EDD — *The English dialect dictionary*. J. Wright (ed.). London: Henry Frowde; Oxford; New York: G. P. Putnam's sons, 1898—1905. Vol. 1—6.
EWD — *Etymologisches Wörterbuch des Deutschen*. Pfeifer W. (Hrsg.). Berlin: Akademie-Verlag, 1989. Bds. 1—3.
HSSJ — *Historický slovník slovenského jazyka*. Majtán M., Kuchar R., Skladaná J. (red.). Bratislava: VEDA, 1991—2008. T. 1—7.
Jungmann — Jungmann J. *Slovník česko-německý*. Praha, 1835—1939. D. 1—5.
Karłowicz — Karłowicz J. *Słownik gwar polskich*. Kraków: Nakładem Akademii Umiejętności, 1900—1911. T. 1—6.
Klein — Klein E. *A comprehensive etymological dictionary of the English language*. Amsterdam: Elsevier Publ., 1966—1967. Vol. 1—2.
Kluge — Kluge F. *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache.* Bearb. von E. Seebold. 24 Aufl. Berlin: De Gruyter, 2002.
Kott — Kott F. S. *Česko-německý slovník*. D. VI. Praha, 1890.
LDEL — *Longman dictionary of the English language*. Harlow: Longman, 1984.
LDHČ — *Lexikální databáze humanistické a barokní češtiny*. Available at: http://www.ujc.cas.cz/eletronicke-slovniky-a-zdroje/Lexikalni-databaze-humanisticke-a-barokni-cestiny.html
MNTES — *A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára*. 2. L. Benkő (edt.). Budapest: Akadémiai Kiadó, 1970.
OED — *The Oxford English dictionary*. Oxford: Oxford Univ. Press, 1989. 2nd ed. Vol. I–XX.
PSJČ — *Příruční slovník jazyka českého*. Praha: Státní nakladatelství; Školní nakladatelství; SPN, 1935—1957. D. 1—8.
Rejzek 2015 — Rejzek J. *Český etymologický slovník*. Voznice: Leda, 2015. 3 vyd., nové, upr. a roz.
Skorupka — Skorupka S. *Słownik frazeologiczny języka polskiego*. Warszawa, 1967–1968. T. 1, 2.
SČFVS — *Slovník české frazeologie a idiomatiky*. D. 3: Výrazy slovesné. Čermák F., Hronek J., Machač J. (hl. red.). Praha: Leda, 2009.

SdWb — *Sudetendeutsches Wörterbuch*. München: Universität Giessen, 1988—. Bd. 1—.
SGZO — Zborowski J. *Słownik gwary Zakopanego i okolic.* Oprac. i uzupełn. z materiałów Autora przez Zespół Instytutu Języka Polskiego pod kier. Joanny Okoniowej. Zakopane; Kraków: Wydawnictwo Naukowe DWN, 2009.
SJPD — *Słownik języka polskiego*. W. Doroszewski (red.). Warszawa: Wiedza powszechna, 1958—1969. T. 1—11.
SSN — *Slovník slovenských nářečí*. Bratislava: Veda, 1994—. [T.] 1—.
SSSJ — *Slovník súčasného slovenského jazyka.* Buzássyová K., Jarošová A. (hl. red.). Bratislava: Veda, 2006—. T. 1—.
SW — *Słownik języka polskiego*. Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W. Warszawa: Nakł. prenumeratorów i Kasy im. Mianowskiego, 1900—1927. T. 1—8.
TLFI — *Le Trésor de la Langue Française informatisé*. Available at: http://www.cnrtl.fr.
WBÖ — *Bayerisch-österreichisches Wörterbuch*. I. Österreich: Wörterbuch der bairischen Mundarten in Österreich. Wien, 1983. Bd. 3.
WFPJP — *Wyrazy francuskiego pochodzenia we współczesnym języku polskim.* Red. naukowa Bochnakowa A., oprac. Bochnakowa A., Dębowiak P., Jakubczyk M., Waniakowa J., Węgiel M.. Kraków: Wyd. Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2012.
WOM — *Wörterbuch der obersächsischen Mundarten*. Berlin: Begründet von T. Frings und R. Grosse, 1998. Bd. 1: A—F.
Wortschatz — *Wortschatz*: Universität Leipzig. Available at: http://wortschatz.uni-leipzig.de.
Zaorálek 1963 — Zaorálek J. *Lidová rčení*. Praha: Naklad. ČAV, 1963.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Березович 2014 — Березович Е. Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014. [Berezovich E. L. *Russkaya leksika na obshcheslavyanskom fone: semantiko-motivatsionnaya rekonstruktsiya* [The Russian vocabulary against the Common Slavic background: Semantic and motivational reconstruction]. Moscow: The Russian Education and Science Support Foundation, 2014.]
Варбот 2015 — Варбот Ж. Ж. Уже не гапаксы // Березович Е. Л. (ред.). Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы III Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 7—11 сентября 2015 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 48—51. [Varbot Zh. Zh. No longer hapaxes. *Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiya: Materialy III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Ekaterinburg, 7—11 sentyabrya 2015 g.* Berezovich E. L. (ed.). Ekaterinburg: Ural Univ. Publ., 2015. Pp. 48—51.]
Ивашова 1999 — Ивашова Н. М. Западноевропейские заимствования в говорах Русского Севера. Дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 1999. [Ivashova N. M. *Zapadnoevropeiskie zaimstvovaniya v govorakh Russkogo Severa. Kand. diss*. [West European loan words in the Extreme North idioms. Cand diss.]. Ekaterinburg: Ural State Univ., 1999.]
Кагарлицкий 2009 — Кагарлицкий Ю. В. Позитивные характеристики поведения воина на поле боя и семантические сдвиги в их интерпретации в русской культуре Нового времени // Живов В. М. (ред.). Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 271—314. [Kagarlitskii Yu. V. Positive characteristics of the warrior's behavior in battle and semantic shifts in their interpretation in the Modern Age Russian culture. *Ocherki istoricheskoi semantiki russkogo yazyka rannego Novogo vremeni.* Zhivov V. M. (ed.). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2009. Pp. 271—314.]
Кагарлицкий 2012 — Кагарлицкий Ю. В. *Отвага*: слово и понятие в историко-культурной перспективе // Живов В. М., Кагарлицкий Ю. В. (ред.). Эволюция понятий в свете истории русской культуры. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 75—92. [Kagarlitskii Yu. V. Bravery: The word and concept in the historical and cultural perspective. *Evolyutsiya ponyatii v svete istorii russkoi kul'tury*. Zhivov V. M., Kagarlitskii Yu. V. (eds.). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2012. Pp. 75—92.]
Леонтьева 2015 — Леонтьева Т. В. Модели и сферы репрезентации социально-регулятивной семантики в русской языковой традиции. Дис. … докт. филол. наук. Екатеринбург: Урал. федеральный ун-т, 2015. [Leont'eva T. V. *Modeli i sfery reprezentatsii sotsial'no-regulyativnoi semantiki v russkoi yazykovoi traditsii: Dokt. diss*. [Models and spheres of representation of social regulative semantics in the Russian language tradition. Doct. diss.]. Ekaterinburg: Ural Federal Univ., 2015.]

Морозов, Слепцова 2004 — Морозов И. А., Слепцова И. С. «Круг игры». Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX—XX вв.). М.: Индрик, 2004. [Morozov I. A., Sleptsova I. S. *«Krug igry». Prazdnik i igra v zhizni severnorusskogo krest'yanina (XIX—XX vv.)* [«The circle of game». The holiday and the game in the life of the peasant of the Russian North (XIX—XX centuries). Moscow: Indrik, 2004.]

Спиридонов 2012 — Спиридонов Д. В. О путях лексикализации фр. *épigone* 'последователь, подражатель' (в дополнение к статье Э. Дюпраза и С. Леруа) // Вопросы ономастики. 2012. № 2 (13). С. 96—107. [Spiridonov D. V. On the ways of lexicalization of Fr. *épigone* 'follower, imitator' (in addition to the article by E. Dupraz and S. Leroy. *Voprosy onomastiki*. 2012. No. 2 (13). Pp. 96—107.]

Wierzbicka 2012 — Wierzbicka A. Polskie słowa-wartości w perspektywie porównawczej. Cz. II. Prawość i odwaga. *Etnolingwistyka: Problemy języka i kultury*. Vol. 24. Lublin, 2012. S. 19—46.

Статья поступила в редакцию 15.01.2016.

С./Pp. 56—85 ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ 2016. № 4
Voprosy Jazykoznanija

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ДЕЙКСИС И ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ В АТАЯЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ*

© 2016

Ирина Михайловна Горбунова

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, 125993, Российская Федерация
kmara63@gmail.com

Статья посвящена описанию трех глаголов положения в пространстве в атальяском языке, два из которых представляют собой малоизученный тип дейктиков — дейктические глаголы положения в пространстве. В статье дается анализ дейктической оппозиции этих глаголов и выявляется нетривиальное деление пространства на несколько зон, причем локализация объекта в одной из этих зон не может быть описана при помощи дейктических глаголов. В таких контекстах используется третий, нейтральный предикат. Как показывает полевой материал, использованный в статье, дейктические глаголы положения в пространстве сохраняют свои дейктические свойства в грамматикализованных употреблениях в составе конструкции прогрессива/результатива, что во многом определяет поведение этой конструкции. Пути грамматикализации нейтрального и дейктически окрашенных предикатов в атаяльском языке различны. Поэтому к ситуациям, имеющим место в той зоне пространства, где дейктические предикаты недопустимы, оказывается неприменима конструкция прогрессива.

Ключевые слова: авертив, австронезийские языки, атаяльский язык, грамматикализация, дейксис, прогрессив, результатив

SPATIAL DEIXIS AND GRAMMATICALIZATION IN ATAYAL

Irina M. Gorbunova

Russian State University for the Humanities, Moscow, 125993, Russian Federation
kmara63@gmail.com

This paper is devoted to a typologically overlooked phenomenon, viz. deictic locative copulas, in Atayal, an Austronesian language spoken in northern Taiwan. Three locative copulas (distal, proximal and neutral) in Atayal are considered. In our analysis of the deictic opposition between them a rather complex spatial structure with more than two deictic areas is revealed, one of those areas being inaccessible for both distal and proximal copulas. To express location in this particular area one has to use the neutral copula. According to our data, the deictic properties of the distal and proximal copulas affect their grammaticalized uses (in progressive and resultative constructions) as well. Due to the fact that the neutral copula has grammaticalized differently, the progressive construction is never used to indicate situations located where the deictic copulas cannot be used.

Keywords: Atayal, Austronesian languages, avertive, deixis, grammaticalization, progressive, resultative

* Данное исследование выполнено при поддержке Фонда фундаментальных лингвистических исследований (номер гранта А-29-2015). Автор выражает благодарность информантам, среди которых особенно терпеливо помогали Юкан Масин, Юкан Бута, Лосин Такун, Бакан Юкан и Амай Тая. Автор также глубоко признателен Н. Р. Сумбатовой и П. М. Аркадьеву, которые высказали ряд ценных замечаний к более ранним версиям данной работы, а также участникам научного семинара Института лингвистики РГГУ и анонимным рецензентам журнала «Вопросы языкознания» за вопросы и комментарии. Разумеется, ответственность за все недостатки этой работы лежит на авторе.

Введение

В работах, касающихся пространственного дейксиса, в качестве дейктических элементов чаще всего рассматриваются демонстративы (*тот* ~ *этот*), дейктические наречия (*там* ~ *тут*) и пары дейктических глаголов движения (англ. *come* ~ *go*), см. [Fillmore 1975; 1982; Weissenborn, Klein 1982; Cairns 1991; Perkins 1992; Levinson 1994; Bohnemeyer 2001; Diessel 2013]. Реже рассматриваются дейктические ориентивы — глагольные показатели, маркирующие центростремительное и центробежное движение [Плунгян 2011: 342—345]. Однако существует еще один тип дейктиков — дейктические глаголы положения в пространстве. Пара таких глаголов обнаруживается в атаяльском языке: это глаголы *niux* ‘быть тут’ и *tiux* ‘быть там’. Более того, эта пара глаголов грамматикализовалась в пару показателей прогрессива/результатива, сохранив при этом дейктическую оппозицию и в грамматикализованных употреблениях.

В статье мы рассмотрим, как устроена дейктическая оппозиция лексических и грамматикализованных употреблений данных глаголов, а также каким образом исходное дейктическое значение маркера прогрессива/результатива влияет на употребление этой конструкции в атаяльском языке. Статья состоит из пяти разделов. Сначала будет рассмотрена проблематика пространственного дейксиса в целом; затем будут представлены данные об атаяльском языке, необходимые при анализе последующего материала. Третий раздел посвящен атаяльским глаголам положения в пространстве; в четвертом разделе кратко рассматриваются пути грамматикализации трех таких глаголов; наконец, в пятом описываются дейктические свойства их грамматикализованных употреблений.

1. Пространственный дейксис

Под дейктическим выражением в широком смысле понимается любое языковое выражение, интерпретация которого зависит от контекста, в котором совершается или воспринимается высказывание (ср. [Levinson 1994: 853]). Дейксис в таком широком смысле подразделяется на пространственный, временной и личный. Пространственный дейксис указывает на локализацию (положение) или ориентацию (движение) объекта или ситуации в пространстве относительно «дейктического центра» [Плунгян 2011: 321], который примерно соответствует положению в пространстве говорящего в момент речи[1].

Простейшая система дейктической ориентации представляет собой бинарную оппозицию центростремительного и центробежного дейксиса, где в первом случае присутствует указание на направление к дейктическому центру, а во втором — от него. Такая оппозиция может выражаться лексически (русск. *туда* ~ *сюда*), а может быть грамматикализованной и иметь регулярное выражение в глагольной группе. Грамматикализованные оппозиции такого рода знакомы читателю, в частности, из германских языков (нем. *hin* ‘сюда’ ~ *her* ‘туда’), а также из языков восточной азии (япон. *kuru* ‘двигаться по направлению к говорящему’ ~ *iku* ‘двигаться по направлению от говорящего’, кит. *lai* ~ *qu* ‘то же, что в японском’).

Аналогичным образом, в простейшей системе дейктической локализации наблюдается бинарная оппозиция ближнего (проксимального) и дальнего (экстремального[2]) дейксиса, где проксимальное дейктическое выражение локализует ситуацию или объект вблизи дейктического центра (условно — в зоне говорящего), а экстремальное — вдали от дейктического

[1] «The deictic center, which is also called the **origo**, is roughly equivalent to the speaker’s location at the time of the utterance» [Diessel 2013]. («Дейктический центр, который также называют “ориго”, грубо соответствует положению говорящего в пространстве в момент речевого акта». — перевод наш, *И. Г.*)

[2] Пара терминов «проксимальный»/«экстремальный» используется нами вслед за Ю. Д. Апресяном [1986].

центра. Существуют и более сложные системы, где различается более двух дейктических значений (чаще всего речь идет о трех дейктиках, см. [Ростовцев-Попель 2009]), однако в данной статье будет рассматриваться простейшая, бинарная, система дейктической локализации, поэтому проблему «средних дейктиков», какой бы интересной она ни была, мы оставляем без внимания.

Несмотря на то, что дейктическая локализация, представленная бинарной оппозицией, на первый взгляд выглядит просто, даже при описании конкретно-языковой системы подобного рода могут возникнуть значительные проблемы. В первую очередь, зачастую возникают сложности при определении границы ближнего и дальнего дейксиса. Согласно [Апресян 1986: 282], «в действительности важны не столько фактические физические пространства и времена, сколько способ их восприятия говорящим». Иными словами, пространство, которое говорящий относит к ближнему дейксису, может в действительности быть бесконечно большим или, наоборот, включать только зону видимости говорящего. Это может зависеть как от конкретно-языковой ситуации, так и от конкретного речевого акта, поэтому выявление допустимых границ ближнего и дальнего дейксиса для такой системы является первостепенной задачей.

Кроме того, принято различать первичный и вторичный дейксис: «Первичный дейксис — это дейксис диалога, дейксис нормальной ситуации общения. ⟨…⟩ Вторичный дейксис, называемый также нарративным или дейктической проекцией, не связан непосредственно с речевой ситуацией. Это дейксис пересказа» [Апресян 1986: 276]. Вторичный дейксис не имеет единого устоявшегося термина: его называют также дейктической проекцией, нарративным дейксисом, сдвинутым дейктическим центром (shifted deictic center), смещенным дейксисом (transposed deixis). Однако всегда, когда речь идет о таком нарративном сдвиге, дейктический центр оказывается где-то в пределах воображаемого пространства-времени нарратива и чаще всего «закрепляется» за одним из участников описываемых событий, ср. примеры (1—3). При анализе аналогичного атаяльского материала (см. раздел 5.1) мы будем говорить об этом явлении как о нарративном сдвиге дейктического центра.

(1) *Перемещение преступника удалось проследить до Киева;* ***здесь*** *его след потерялся* [Апресян 1986: 276].

(2) *What should he do* ***here now****, Harry wondered?* [Levinson 1994: 854].

(3) *He arrived in Paris in early May.* ***Now*** *he finally had the time to explore* ***this*** *great city* [Bohnemeyer 2001].

Существует несколько гипотез относительно того, что происходит с дейктическим центром в нарративе (имеет ли место собственно сдвиг дейктического центра, или же дейктический центр нарратива — это особая сущность, порождаемая непосредственно в режиме нарратива и никак не связанная с нарратором). Обсуждение этих вопросов см. в [Segal 1995; Galbraith 1995; Zubin, Hewitt 1995].

В связи с проблемой нарративного сдвига дейктического центра (а также в связи с семантикой немецких демонстративов) Вероника Эрих высказала гипотезу [Ehrich 1982: 49], что пространственный дейксис, равно как и временной дейксис по Г. Рейхенбаху [Reichenbach 1947], строится на трех ориентирах: позиции говорящего (place of speaker, S), точке отсчета (reference space, R) и обозначаемом пространстве (denotation space, D).

В [Падучева 2010: 265—271] также различаются первичный и вторичный дейксис, однако такая оппозиция не имеет отношения к нарративному сдвигу. Оппозиция первичного и вторичного дейксиса по Е. В. Падучевой близка к идее В. Эрих: первичный ориентирован на говорящего (то есть на S в терминах Эрих), в то время как вторичный ориентирован на «наблюдателя» (то есть на R), при этом «наблюдатель» может как быть, так и не быть кореферентен говорящему. «Наблюдатель» проявляется, в частности, в синтаксической проекции, когда вторичные дейктики явно ориентируются на субъект матричной клаузы, как в (4), а первичные — нет (5).

(4) *Он сказал, что вдалеке показались мы с Володей*[3].

(5) *Иван (будучи в Австралии) сказал, что ему там (в Москве) плохо* (говорящий не может находиться в Москве, зато «там» может быть в Австралии).

Мы вернемся к идеям В. Эрих и Е. В. Падучевой при анализе атаяльского материала.

В работах, посвященных дейксису в целом, пространственному дейксису в частности или более узким проблемам дейктической пространственной локализации, в качестве дейктических выражений, относящихся к положению в пространстве (а не к движению), в основном фигурируют только демонстративы (в том числе так называемые дейктические наречия) [Fillmore 1975; 1982; 1997; Levinson 1994; Bohnemeyer 2001; Плунгян 2011: 321—345]. Одно из немногих исключений — указание на особый глагольный маркер экстремального дейксиса в пулар-фульфульде: «в языке пулар-фульфульде представлен особый показатель *-оу-* (называемый альтрилокативом) со значением ‘делать что-л. в другом месте; далеко’» [Плунгян 2011: 344].

В настоящей статье мы обращаем внимание читателя на явление, не попавшее в поле зрения ученых, занимавшихся дейксисом, а именно на дейктические глаголы положения в пространстве (в дальнейшем — дейктические локативные копулы) и их грамматикализованные употребления. Пара таких глаголов обнаруживается в атаяльском языке и имеет как лексические, так и грамматикализованные употребления.

Причины, по которым это явление не привлекло внимание типологов до сих пор, остаются загадкой. Возможно, недостаток внимания объясняется малой изученностью языков, в которых оно наблюдается, или его типологической редкостью. Нам известно о нескольких языках разных семей, где зафиксированы дейктически противопоставленные копулы. Так, помимо атаяльского, аналогичная пара дейктических локативных копул, которая также сохраняет дейктические свойства в функции маркера прогрессива, обнаруживается в близкородственном языке седик (ср. [Tsukida 2013]). Среди не-атаялических австронезийских языков дейктические локативные копулы наблюдаются, к примеру, в себуано (ср. [Tanangkingsing 2009: 151—153]). В качестве копул функционируют демонстративы *këj*/*nëj* ‘быть тут/быть там’ в карибском языке панаре в Венесуэле [Gildea 1993]. В нигеро-конголезских языках кабийе, тем и наудм в Того различные дейктические частицы могут выполнять функции предиката, выступая тем самым в роли копул [Lebikaza 2005: 239]. В языке томмо-со (догон, нигеро-конголезские) зафиксированы локативные копулы *kɔ̂*/*yɔ̂* ‘быть тут/быть там’ с дополнительным дейктическим значением [McPherson 2013: 347].

Тем не менее, все найденные нами случаи дейктически противопоставленных копул либо не имеют грамматикализованных употреблений, сохранивших пространственную дейктическую оппозицию, либо не получили достаточно освещения с точки зрения дейксиса и грамматикализации. Атаяльские локативные копулы представляют интерес в обоих отношениях. Прежде чем перейти непосредственно к этим глаголам, сделаем несколько замечаний относительно строя атаяльского языка.

2. Общие сведения об атаяльском языке

Атаяльский язык — второй по числу говорящих среди австронезийских языков Тайваня. Он принадлежит к атаялической группе австронезийских языков согласно классификации [Blust 2009]. Распространенный преимущественно в горных областях префектур Илань, Наньтоу, Мяоли, Тайджун и Тайбэй, этот язык характеризуется высокой диалектной

[3] Е. В. Падучева понимает термин «дейксис» максимально широко, поэтому такие элементы как «вдалеке» или «показаться», предпогалающие наличие значительного расстояния от ориентира до объекта, а также нахождение (появление) объекта в зоне видимости ориентира тоже включаются в число дейктических. Действительно, без синтаксической проекции клауза *вдалеке показались мы* выглядит более чем странно, поскольку по умолчанию ориентиром для любого дейктика является говорящий.

дробностью. Обычно выделяют две большие диалектные группы (скулик и цоле), из которых первая считается относительно гомогенной, в то время как диалекты второй группы зачастую отличаются друг от друга не меньше, чем от диалектов группы скулик. Наиболее архаичными вариантами атаяльского языка считаются диалекты майринах и скикун (оба относятся к диалектной группе цоле). Наиболее исследованными являются диалекты гоган (диалектная группа скулик) и майринах (диалектная группа цоле).

В настоящей работе используется материал трех вариантов атаяльского языка, распространенных на территории префектуры Илань: варианты каланов[4] Пьянан (диалектная группа скулик, подгруппа мнибу), Сянух (диалектная группа скулик, диалект гоган) и Скикун (диалектная группа цоле, диалект скикун). Примеры, использованные в работе, относятся к одному из двух типов: примеры, полученные методом элицитации или самостоятельно сконструированные носителями в экспедициях 2009 (Пьянан), 2010 (Пьянан) и 2015 (Пьянан, Сянух, Скикун) гг., и фрагменты из корпуса устных текстов, собранного в 2009 г. в калане Пьянан. Фрагменты из текстов используются для иллюстрации нарративного сдвига в разделе 5.1, а также для иллюстрации некоторых форм в данном разделе. Приводимые примеры относятся к первому типу и иллюстрируют варианты диалектной группы скулик, если не указано иное.

Морфосинтаксис атаяльского языка исследован недостаточно[5]. В частности, полного описания аналитических глагольных форм этого языка (или хотя бы одного из его вариантов) на настоящий момент нет. Грамматика [Rau 1992] ограничивается перечислением основных зафиксированных в текстах форм и несколькими примерами их употребления, в то время как прочие работы, так или иначе касающиеся атаяльского морфосинтаксиса, просто обходят вопрос об аналитических формах стороной. Между тем, как будет показано в следующем разделе, в видо-временной системе атаяльского языка аналитические формы преобладают. В числе вспомогательных глаголов, входящих в состав видо-временных форм, подавляющее большинство относится к глаголам движения и положения в пространстве.

Для облегчения восприятия разделов о грамматикализованных употреблениях дейктических глаголов ниже даны некоторые сведения об атаяльском языке, а именно: организация видо-временной системы (преобладание аналитизма, с одной стороны, и необязательность выражения большинства граммем, с другой), порядок слов и проблема «залога».

2.1. Видо-временная система и аналитизм

Видо-временная система атаяльского языка строится вокруг формы фактатива (термин введен в работе [Welmers 1973], типологический обзор см. в [Шлуинский 2012]) — наименее маркированной глагольной формы, которая может выражать любое аспектуальное и темпоральное значение в зависимости от акционального класса предиката и широкого контекста[6]. В частности, фактатив может использоваться для обозначения регулярных ситуаций

[4] «Калан» — атаяльское термин для родовых общин, основной формы атаяльских поселений. Калан объединяют родственные связи и общая охотничья территория, каждый калан прежде управлялся (а в некоторых случаях и до сих пор фактически управляется) советом старейшин во главе с вождем.

[5] Существует две грамматики атаяльского языка: [Rau 1992] и [Huang 2000a]. Различные аспекты атаяльского морфосинтаксиса освещены в работах [Egerod 1965; 1966; 1993; Huang 1989; 1991; 1993; 1994; 1996; 2000b; 2001; 2002; 2006; 2008; 2009; Huang, Davis 1989; Huang, Tali' 2008; Li 1995; Liu 2004; 2005; Starosta 1999; Tseng 1989]. Отдельные вопросы грамматической семантики атаяльского языка освещены в статьях [Горбунова 2014; в печати] и в докладах [Горбунова 2012; 2013; Gorbunova 2014; 2015a; 2015b; 2015c].

[6] В описаниях атаяльского языка обычно не используется термин «фактатив». Эта форма в различных работах называется формой настоящего времени (в [Rau 1992]), имперфектива (в [Zeitoun et al. 1996]), «нейтрального вида» (в [Egerod 1965]).

(6), актуальных состояний или процессов (7), мгновенных смен состояний (8), и иметь референцию к прошлому (6), настоящему (7) или будущему (8).

(6) *ariŋ=ku* *laqi* ***m-ita=ku*** *biru* *gbian* *krriax*
когда=1SG.NOM ребенок AF-читать=1SG.NOM книга вечер ежедневно
'В детстве **я** каждый вечер **читал** книги'.

(7) ***m-naga=ku*** *raŋi=mu*
AF-ждать=1SG.NOM друг=1SG.GEN
'**Я жду** друга'.

(8) ***m-wah*** *suxan* *ssuy=mu* *kneril*
AF-прийти завтра старший.родственник=1SG.GEN женщина
'Завтра **приедет** моя старшая сестра'.

Специфические аспектуальные, темпоральные и модальные значения в атаяльском языке выражаются преимущественно аналитически[7]. Так, для выражения перфекта используется форма со вспомогательным глаголом *wa* (← *wal* ← *wayal*[8] 'уйти'):

(9) ***wal=nia*** ***kt-an*** *kwara* *biru* *qani* *la*
PRF=3SG.GEN читать-LF весь книга DEM.PROX IAM
'Он прочитал всю эту книгу'.

Экспериентив может выражаться при помощи конструкции со вспомогательным глаголом *nbaq* (сверхпрошлое от глагола *baq* 'мочь, знать')[9]:

(10) ***nbaq=su*** ***m-siaq*** *qnxan=su* *qani*
EXP=2SG AF-смеяться жизнь=2SG DEM.PROX
'Ты когда-нибудь в жизни **смеялся**?'

Для выражения деонтической модальности в речи некоторых носителей варианта калана Пьянан атаяльского языка используется аналитическая форма со вспомогательным глаголом *musa* (форма агентивного фокуса глагола *usa* 'идти'); примеры (11) и (12) взяты из устного корпуса:

(11) *ptas-an* *qu* *kneril* *l-ga* ***musa*** ***qsleq-an*** *la*
татуировать-LF DEF женщина IAM-TOP MOD жениться-LF IAM
'После того, как женщина получит татуировку, **она может** (= ей разрешено) **выходить замуж**'.

(12) *laqi* *misu* *qani* *hiya* *ga* ***musa*** ***tqbaq*** *solmha*
ребенок сейчас DEM.PROX он TOP MOD AF.учиться так.называемый
m-in-kahol=ta *inu*
AF-DP-выйти=1PL.INC где
'Нынешние дети **должны учиться** нашей истории и культуре', букв. 'тому, откуда мы вышли'.

Аналитические формы авертива и прогрессива будут рассмотрены подробнее в четвертом разделе данной статьи.

---

[7] Существуют и синтетические формы с ТАМ-семантикой (с инфиксом ⟨*in*⟩ и префиксом *p*-), однако их меньше, чем аналитических, и одна из них (префиксальная) малоупотребительна. О семантике инфиксальной формы см. [Горбунова, в печати; Gorbunova 2015b].

[8] Все три формы — от полной до усеченной — используются в грамматикализованных употреблениях, однако самой частотной является наиболее усеченная форма *wa*.

[9] О конструкциях с вспомогательными глаголами *wa* и *nbaq* см. подробнее в [Горбунова, в печати; Gorbunova 2015b].

В отличие от абсолютного времени, любое из значений которого может быть выражено формой фактатива, относительное время в атаяльском языке маркируется регулярно. Предшествование маркируется комбинацией фразовой частицы *la* (показатель ямитива) с топикализатором *ga* или координатором *ro* (13), или формой с инфиксом ⟨*in*⟩ в относительном предложении; относительное предложение не может оформляться фразовыми частицами, см. пример (14).

(13) ***m-ita*** *biru* *laqi* *qani* ***l=ga*** *m-ʔabi* *la*
AF-смотреть книга ребенок DEM.PROX IAM=TOP AF-спать IAM
‘Ребенок **почитал** книгу и (**затем**) заснул’.

(14) ДИАЛЕКТ СКИКУН
k⟨n⟩yaʔ=mu *kt-ŋarux*
⟨DP.PF⟩стрелять=1SG.GEN PREF-медведь
‘**убитый** мной медведь’

Следование выражается особыми конструкциями при участии отрицания *ini* с континуативом *na* (15) или локативного предлога *yik* с формой проспектива на *p-* (16).

(15) ***ini***=*ta* ***qaneq*** ***na*** *ga* *siga* *m-ima=ta* *qba*
NEG=1PL.INC CNG.есть CNT TOP MOD AF-мыть=1PL.INC рука
‘**Перед** едой (= когда мы **еще не** поели/не едим) нужно (= мы должны) мыть руки’.

(16) ***yik*** ***na*** ***p-qwalax*** *ga* (*lama*) *m-yup* *behuy*
перед GEN PROS-дождь[10] TOP (сперва) AF-войти ветер
‘**Перед тем**, **как пойдет дождь**, (сначала) обычно дует ветер’.

При одновременности та ситуация, которая включает в себя другую (или обе ситуации, если они равны по протяженности), выражается предикатом в форме прогрессива, о которой речь пойдет в разделах 4—5.

Таким образом, видо-временную систему атаяльского языка отличают две характерные черты: атаяльский язык, во-первых, не имеет регулярного выражения (абсолютного) временного дейксиса, а во-вторых, в глагольной парадигме является в большей степени аналитическим, чем синтетическим. При этом выражение многих аспектуальных значений не обязательно, и во многих контекстах некоторые аналитические конструкции свободно заменяются на фактатив без значительной потери смысла.

2.2. Порядок слов и падежное маркирование

Базовый порядок слов в атаяльском языке — VOS, см. (17). В рассматриваемых вариантах атаяльского языка полная именная группа не различает падежей[11] и порядок слов является одним из важнейших средств маркирования актантов.

(17) *m-uliŋ* *qutux* *btunux* *qu* *hya*
AF-бросить один камень DEF он
‘Он бросил этот камень’.

[10] В атаяльском языке существительные подвергаются вербализации без специальных показателей, то есть фактически существительное может быть оформлено как глагол и функционировать как таковой. В данном случае существительное *qwalax* ‘дождь’ выступает в качестве предиката со значением этого природного явления как процесса. Однако в немаркированной форме *qwalax* ведет себя как существительное, поэтому в глоссах мы таким образом его и обозначаем.

[11] Маркер генитива *na* используется только для зависимых имени, но не глагола, причем зависимое не обязано быть именным; в этом смысле данный маркер ближе к китайскому транскатегориальному маркеру атрибутива *de*, чем собственно к падежному показателю.

При этом в языке широко распространена топикализация, за счет которой теоретически любой актант или сирконстант может предшествовать глаголу. Топикализованная группа маркируется показателем *ga* (18), выделяется интонационно и чаще всего отделяется микропаузой.

(18) ***laqi*** ***qasa*** ***ga*** *m-uliŋ* *btunux*
ребенок DEM.DIST TOP AF-бросить камень
‘Тот ребенок бросил камень/бросается камнями’.

Местоимения (которые, в отличие от существительных, различают падеж) чаще всего употребляются в так называемой «связанной» форме (в форме прономинальных клитик). В свободной форме местоимения различают номинатив и локатив, причем в номинативе встречаются крайне редко (в основном при контрастном фокусе). Прономинальные клитики также различают два падежа (традиционно называемых номинативом и генитивом) во всех лицах и числах, кроме второго лица единственного числа (*su*) и первого лица множественного числа инклюзива (*ta*). Связанные формы местоимений занимают позицию после первого ударного слова релевантной клаузы (19—20).

(19) *t⟨m⟩utiŋ=**ku*** *laqi* *krriax*
⟨AF⟩бить=1SG.NOM ребенок ежедневно
‘Я частенько бью ребенка’.

(20) *bsiaq=**ku*** *balay* *t⟨m⟩utiŋ* *ŋli*
долго=1SG.NOM очень ⟨AF⟩бить муха
‘Я очень долго бью/бил мух’.

В конструкциях с аналитическими глагольными формами вспомогательный глагол также «притягивает» прономинальную клитику. При этом вспомогательный глагол не управляет этими клитиками. Так, в примере (9) в разделе 2.1 используется вспомогательный глагол *wal*, который в лексическом употреблении не способен управлять генитивом. Однако генитивом управляет смысловой глагол в (9), а вспомогательный глагол служит для генитивной прономинальной клитики опорным словом. Это свидетельствует о моноклаузальности таких конструкций. В конструкциях с вложенными клаузами клитика при матричном глаголе всегда получает падеж от него, ср. (21) и (22).

(21) *m-asoq=**sami*** *m-qumah* *la*
AF-закончить=1PL.EXC.NOM AF-работать.в.поле IAM
‘Мы закончили работать в поле’.

(22) *suq-un=**mian**/*sami* *m-qumah* *la*
закончить-PF=1PL.EXC.GEN AF-работать.в.поле IAM
‘Мы (почти) закончили работать в поле’.

Таким образом, грамматикализованные употребления глаголов должны «притягивать» клитики из группы смыслового глагола, но не управляют этими клитиками.

2.3. Проблема «залога»

Атаяльский язык принадлежит к филиппинскому грамматическому типу (см. [Сирк 2008; Wouk, Ross 2002]). В частности, его залоговая система включает четыре формы, некоторые из которых маркируют продвижение сирконстантов (таких как место, инструмент, бенефициант и т. п.) в прагматически и синтаксически привилегированную позицию. В отличие от привычного пассива европейских языков, неагентивный залог филиппинского типа предполагает не удаление агенса из числа синтаксических актантов предиката, а лишь понижение его прагматического статуса. Более того, существует ряд аргументов (см., например,

[Chang 2004]) в пользу того, что залоговая конструкция, при которой привилегированную позицию занимает агенс, в языках филиппинского типа менее всего соответствует прототипическим переходным конструкциям по [Hopper, Thompson 1980]. По этой и другим причинам, чтобы отличить филиппинский залог от залога в привычном понимании, его нередко называют «фокусом». В данной статье принята именно «фокусная» терминология, хотя мы признаем, что термин «фокус» едва ли более удачен, чем термин «залог».

В атаяльском языке существует четыре типа фокуса: агентивный (при котором привилегированную позицию занимает активный участник), пациентивный (привилегированную позицию занимает пациенс), локативный и инструментальный. Привилегированной является позиция на правой периферии клаузы (для полноценных именных групп) или маркированная номинативом (для прономинальных клитик). Фокус маркируется синтетически: суффиксально (пациентивный и локативный фокусы), префиксально (инструментальный фокус, а также формы агентивного фокуса для части предикатов) или инфиксально (агентивный фокус у некоторых предикатов). Подпарадигма фактатива[12] в четырех фокусных формах различных предикатов в атаяльском языке выглядит примерно следующим образом (здесь и далее AF — агентивный фокус; PF — пациентивный фокус; LF — локативный фокус; IF — инструментальный фокус), см. таблицу.

Таблица

Фокусные формы некоторых атаяльских предикатов

AF	PF	LF	IF	Значение
⟨m⟩/m-/ø	***-un***	***-an***	***s-***	
g⟨m⟩alu	*	*	*s-galu*	‘жалеть/пожалеть’
m-lukus	*plkus-un*	*	*	‘надевать, одеваться, носить’
m-eq	*ʔbeq-un*	*beq-an*	*	‘давать/дать’
pnet	*pnet-un*	*pnet-an*	*	‘ловить/поймать рыбу’
*	*treq-un*	*	*	‘поймать’
*	*baq-un*	*	*	‘знать’

Ниже приводятся примеры подпарадигм двух приведенных в таблице предикатов. Показательно, что ситуация в (24), более всего отвечающая критериям прототипической переходности, выражается при помощи конструкции пациентивного фокуса, в то время как агентивный фокус в (23) демонстрирует удаление пациенса из падежной рамки.

(23) ***pnet**=ku* *krriax*
AF.удить=1SG.NOM ежедневно
‘Я часто **рыбачу**’.

(24) ***pnet-un**=nia* *qu* *quleh* *qasa*
удить-PF=3SG.GEN DEF рыба DEM.DIST
‘Он **выловил** ту рыбу’.

(25) ***g⟨m⟩alu=ta*** *squleq* *ga* ***s-galu=ta*** *utux* *kayal* *uyi*
⟨AF⟩жалеть=1PL.INC человек TOP IF-жалеть=1PL.INC дух небо тоже
‘Если мы **пожалеем** других, Бог **пожалеет** нас’.

Таблица и примеры к ней демонстрируют, что фокусная система атаяльского языка сильно лексикализована и далеко не так продуктивна, как обычно говорят о залогах филиппинского типа. Существуют предикаты, допускающие только одну фокусную форму, причем

[12] Так как в настоящей статье в основном будут рассматриваться аналитические конструкции, строящиеся на базе фактатива, и собственно употребления фактативных форм глаголов, другие подпарадигмы атаяльского глагола мы оставляем без внимания.

далеко не обязательно эта форма — форма агентивного фокуса. Ни одна из фокусных форм не может трактоваться как морфологически наиболее простая. На основании этих, а также ряда других аргументов С. Староста выдвинул теорию о том, что категория залога (фокуса) филиппинского типа — это деривация, преобразующая актантную структуру, а не перераспределяющая семантические роли между синтаксическими актантами, см. [Starosta 1999; 2002; Huang, Lin 2012]. Конструкции с предикатом в неагентивном фокусе в теории Старосты рассматриваются как прототипически переходные, а агенс в неагентивном фокусе, маркируемый генитивом, анализируется как признак эргативности языка. Формы же агентивного фокуса рассматриваются как антипассив. Теория С. Старосты известна также как гипотеза эргативности.

Оппоненты С. Старосты (например, [Wouk, Ross 2002; Himmelmann 2002]) выступают с гипотезой симметричного залога, согласно которой категория залога в языках филиппинского типа является словоизменительной и не меняет аргументную структуру как таковую. Согласно этому анализу, разные залоговые формы лишь фиксируют различное соотношение семантических актантов и синтаксических ролей вкупе с их прагматическим статусом. Неагентивный залог в языках филиппинского грамматического типа не удаляет агенс из аргументной структуры, а меняет (понижает) его прагматический статус (коммуникативный ранг), однако такая залоговая конструкция все равно вполне может считаться пассивом. Основным аргументом против гипотезы эргативности в целом (и антипассивного анализа форм агентивного фокуса в частности) выступает тот факт, что, если принять эту гипотезу, все одноместные предикаты пришлось бы анализировать как антипассивы, что противоречит интуиции.

В настоящей статье будет представлен материал, для которого оппозиция агентивного и неагентивных фокусов очень важна. Возможно, данные дейктических форм глагола в атаяльском языке дадут новые аргументы в пользу той или иной теории, однако здесь мы лишь обратим внимание читателя на некоторые свойства тех или иных фокусных форм в дейктически маркирванных конструкциях.

3. Атаяльский пространственный дейксис и глаголы положения в пространстве

В атаяльском языке есть целый ряд лексических выражений, претендующих на статус дейктических. В первую очередь это четыре демонстратива (*qani* ‘этот’, *qasa* ‘тот’, *yasa* ‘тот’, *lasa* ‘тот’), из которых первые два образуют основную простую оппозицию (проксимальный vs. экстремальный дейктик), в то время как дейктические свойства остальных двух не исследованы и требуют уточнения[13].

Два базовых демонстратива образуют адвербиальные формы (*sqani*/*sqasa*), которые используются в качестве дейктических наречий в пространственном и временном значениях. Кроме того, в атаяльском языке, по-видимому, существуют отдельно экстремальный локатив (*kia* ‘там’) и проксимальные дейктики, у которых в темпоральном употреблении прослеживается дополнительная оппозиция по положению на оси времени (*soni* ‘ближайшее прошлое’, *kira* ‘ближайшее будущее’).

В системе дейктической ориентации, как кажется, атаяльский язык имеет лишь один глагол для центробежного движения (*wayal* ‘уходить, уйти’), тогда как специального глагола для центростремительного движения в языке, вероятно, нет.

В данной статье, однако, нас интересуют атаяльские глаголы положения в пространстве и, в частности, дейктические локативные копулы.

[13] Стоит обратить внимание на то, что основная оппозиция ближнего vs. дальнего дейксиса в атаяльском языке в некоторой степени коррелирует с оппозицией носового и шумного согласных (/n/ ~ /s/ в демонстративах, /n/ ~ /t/ в локативных копулах; /n/ ~ /c/ в демонстративах и локативных копулах в диалектах цоле). К сожалению, у нас нет данных о том, является ли это случайным совпадением.

3.1. Глаголы положения в пространстве

Глаголы положения в пространстве в атаяльском языке можно условно поделить на глаголы, обозначающие конфигурационное положение в пространстве (то есть учитывающие не только соотношение объекта и ориентира в пространстве, но и такие факторы, как вертикальное или горизонтальное положение объекта, площадь соприкосновения объекта с поверхностью ориентира и т. п.) и неконфигурационное. Глаголы, обозначающие конфигурационное положение в пространстве, характеризуются тем, что не являются стативными предикатами и в форме фактатива не могут обозначать актуальное состояние. Для обозначения актуального положения в пространстве используется форма прогрессива/результатива таких глаголов.

В свою очередь, глаголы конфигурационного положения в пространстве можно разделить на два подкласса: каузативно-результативные глаголы, обозначающие предельный процесс с результирующим состоянием (*quji, pugi*[14] ‘вешать, повесить, висеть’), и инцептивно-стативные предикаты (*srapa* ‘лечь/лежать’, *tama* ‘сесть/сидеть’, *tuleq* ‘встать/стоять’). Ниже иллюстрируется оппозиция фактатива и статива для одного из перечисленных предикатов:

(26) ***tma-un****=mu* *kira*
сесть-PF=1SG.GEN LOC.PROX
‘Я тут **сяду**’.

(27) ***niu****=mu* ***tma-un*** *ttman* *qani*
PRG.PROX=1SG.GEN сесть-PF сидение DEM.PROX
‘Я тут **сижу**’.

Неконфигурационное положение в пространстве может быть выражено в атаяльском языке тремя разными локативными копулами: *(m-)aki*, *niux* и *tiux.* Ниже приводятся примеры на все три предиката, из которых видно, что если *maki* никак не соотносит описываемую ситуацию с положением говорящего в пространстве в момент речевого акта (28), то остальные два предиката чувствительны к дейктической оппозиции: *niux* выражает проксимальное положение в пространстве, а *tiux* — экстремальное, ср. (29) и (30).

(28) ***m-aki*** *muyaw* *kneri=nha*
AF-быть дом женщина=3PL.GEN
‘Их жены были дома’ (пример из корпуса устных текстов).

(29) ***niux*** *muyaw* *laqi=mu*
быть.PROX дом ребенок=1SG.GEN
‘Мой ребенок дома (я тоже)’.

(30) ***tiux*** *tanux* *laqi=mu*
быть.DIST снаружи ребенок=1SG.GEN
‘Мой ребенок на улице (а я дома)’.

Следует заметить, что дейктические локативные копулы по-разному реализуются в разных диалектах. В диалектной группе скулик дейктические локативные копулы — это *niux*/*tiux*, в то время как в диалектной группе цоле — *nial*/*tial*. При этом во всех диалектах как грамматикализованные, так и неграмматикализованные употребления данных лексем допускают потерю конечного согласного (*niu*/*tiu* и *nia*/*tia* соответственно). Кроме того, эти предикаты имеют только одну фокусную форму (в отличие от недейктической локативной копулы, которая имеет две формы: *m-aki* в агентивном фокусе и *kiʔ-an* — в локативном).

[14] Оба предиката обозначают такое положение предмета в пространстве, при котором каким-то образом закреплена лишь его верхняя точка, однако если *quji* обозначает такое положение, когда объект соприкасается с ориентиром по всей плоскости (*картина висит на стене*), то *pugi* обозначает, что объект соприкасается с ориентиром только в верхней, закрепленной области (*одежда висит на веревке*).

При лексическом употреблении предикатов *niux*/*tiux*[15] дейктический центр локализуется в пространстве, в котором мыслит себя говорящий. Проксимальная зона при этом может быть как довольно узкой (как в примере (31), где из проксимальной зоны исключается все, что находится за пределами дома), так и максимально широкой (как в примере (33), где в проксимальную зону включается весь мир); примеры (32)—(35) взяты из корпуса устных текстов.

(31) ***tiux*** (/***niux***) *kia* *na* *lukus=su*
быть.DIST там CNT одежда=2SG.GEN
'Твоя одежда все еще там {висит около дома, где я ее повесил}'.

(32) *baq.aw.ta* *kia* ***tiu*** (/***niu***) *skikun* *hya*
возможно MOD быть.DIST Скикун он
{Сейчас таких амбаров уже не строят, здесь, в Пьянане, такого нет.} 'Возможно, в Скикуне он есть'.

(33) *qani* *ga* *k⟨n⟩alay* ***niux*** (/***tiux***) *qu* *yaba* *utux* *kayal*
этот TOP ⟨DP⟩создать быть.PROX DEF отец дух небо
'В этом сотворенном (мире) есть Бог'.

При этом важно не только физическое пространство говорящего, но и его социальное пространство, а также его положение во времени. Например, в (34) нельзя использовать проксимальный предикат, несмотря на то, что речь идет об общинах, которые жили на том самом месте, где актуализовано данное высказывание. Хотя в плане физического пространства описываемая ситуация локализуется, по крайней мере, не строго за пределами зоны говорящего, за счет временной и социальной дистанции пространство описываемой ситуации оказывается отграничено от пространства говорящего.

(34) *raral* *ga* ***tiux*** (/***niux***) *nanak* *gaga* *tayal*
древний TOP быть.DIST сам закон атаял
'В древности (у них) были свои (= другие) атаяльские обычаи'.

Аналогичным образом, в примере (35), несмотря на то, что речь идет об атаяльцах вообще, то есть о народе, живущем на значительной территории, в том числе далеко за пределами зоны видимости говорящего, используется проксимальный предикат. Выбор ближнего, а не дальнего дейксиса в данном случае определяется тем, что говорящий включает все релевантное пространство в свою социальную зону.

(35) ***niux*** (/***tiux***) *nanak* *solmha* *gaga=ta* *ita* *qa* *tayal*
быть.PROX сам так.называемый закон=1PL.INC мы DEF атаял
'У нас, атаяльцев, свои законы и обычаи'.

Таким образом, фактор визуального контакта в системе дейктических локативных копул в атаяльском языке нерелевантен или, по крайней мере, не является превалирующим. Проксимальный дейксис ориентирован на пространство, в котором мыслит себя говорящий, и величина проксимальной зоны зависит только от того, какой части (физического или социального) пространства противопоставляет себя говорящий.

3.2. Запрет на дейктики

Казалось бы, дейктически нейтральная копула должна появляться лишь в случаях, когда ситуация рассматривается как генерическая и не соотносится с пространством говорящего. При этом теоретически в любом контексте должна быть допустима одна из дейктических

[15] Мы будем обобщенно называть их именно так, имея в виду при этом и разные диалектные варианты, и разные фонетические варианты соответствующих лексем.

локативных копул. Однако существуют контексты, в которых употребление дейктических локативных копул блокируется:

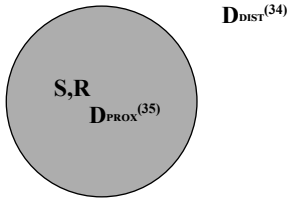
(36) ***m-aki*** (/***niux**/***tiux**)**=ku** *beh* *pyanan* *ga* *iŋat* *squleq*
AF-быть=1SG.NOM около Пьянан TOP NEG.EXIS человек
m-aki (/*niux/*tiux) *ŋasan*
AF-быть дом
{В момент речи говорящий находится дома.} ‘Когда **я был** в Пьянане, дома никого **не было**’.

Это происходит строго в том случае, когда положение говорящего в пространстве в момент речи не совпадает с положением первого лица в описываемой ситуации, как в примере (36). Действительно, речевой акт совершается в калане Сянух, и калан Пьянан находится в экстремальной зоне относительно говорящего в момент речи, поэтому мы ожидали бы в (36) допустимость экстремального дейктика. Однако в описываемой ситуации первое лицо (далее мы будем называть этого участника наблюдателем) находилось в Пьянане, а по отношению к наблюдателю Пьянан находится в проксимальной зоне. Видимо, именно последний фактор блокирует употребление дейктических локативных копул, поскольку в контекстах, где описываемая ситуация находится вне проксимальной зоны говорящего в момент речи и вне зоны наблюдателя, ожидаемый экстремальный дейктик не только допустим, но и обязателен; пример (37) взят из корпуса устных текстов:

(37) *suxan=ye* *baq-un=mu* *l=ma* ***tiu**/***niu*** *utux* *la*
завтра=PTCL знать-PF=1SG.GEN IAM=COMP быть.DIST дух IAM
‘Назавтра я понял, что **там был** дух’. {Там, откуда мне ночью слышался какой-то звук.}

3.3. Анализ дейксиса в локативных конструкциях

Рассмотрим ситуацию, когда говорящий является одним из участников описываемой ситуации. Мы предполагаем, что дейктический центр в атаяльском языке закреплен за зоной говорящего, но не только в момент речи, но и в описываемой ситуации. Иными словами, если мы обозначим положение в пространстве говорящего в момент речи как S, а положение в пространстве наблюдателя (первого лица повествования) — R, то проксимальная зона для локативных копул в атаяльском языке образована двумя центрами — S и R. Если наблюдатель локализован в той же точке пространства, что и речевой акт, или в описываемой ситуации D нет участника первого лица, мы имеем дело с простым на первый взгляд дейктическим центром (рис. 1).



Обозначения: □ — дальний дейксис;
■ — ближний дейксис;
(34) — номер иллюстрируемого примера.

Рис. 1. Структура проксимальной зоны, не ведущая к запрету на дейктики

Однако, если положение наблюдателя не совпадает с местом речевого акта, дейктический центр (и с ним проксимальная зона) раздваивается:

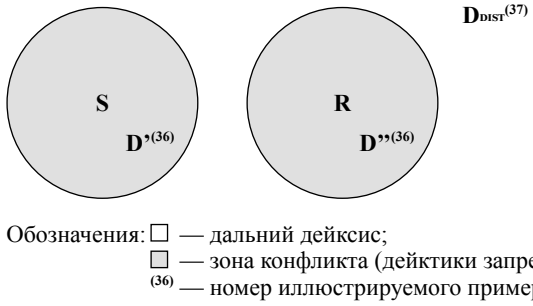


Рис. 2. Два дейктических центра и запрет на дейктики

Проксимальная локативная копула запрещена вне проксимальной зоны, а экстремальная — внутри нее. В примере (37) выше ситуация D локализована за пределами обеих проксимальных зон (S и R) и потому к ней применим экстремальный дейктик. В примере (36), с другой стороны, экстремальный дейктик применительно к ситуации, происходящей в зоне S (‘здесь никого не было’, D’ на рисунке 2), блокирован дейктическим центром S (говорящий в момент речи), а применительно к ситуации, происходящей в зоне R (‘я был в Пьянане’, D” на рисунке 2) экстремальный дейктик блокирован дейктическим центром R (первое лицо повествования). Аналогично, проксимальный дейктик в ситуации, происходящей в зоне R, невозможен, поскольку такая ситуация находится вне зоны S, а в ситуации внутри зоны S проксимальный дейктик невозможен, поскольку такая ситуация расположена вне зоны R. Чтобы выразить сам факт положения в пространстве, говорящий вынужден использовать дейктически нейтральную локативную копулу, хотя ситуация соотносима с пространством речевого акта.

Таким образом, нарративы, где говорящий является одним из действующих лиц повествования, в атаяльском языке демонстрируют раздвоенный дейктический центр. Дейктически окрашенный предикат в таких случаях допустим лишь тогда, когда описываемая ситуация дистантна по отношению к обоим дейктическим центрам. Проксимальный предикат в таких контекстах запрещен, поскольку любая ситуация, происходящая в зоне говорящего, удалена от наблюдателя — и наоборот.

Это не похоже на нарративный сдвиг дейктического центра, по крайней мере, в том виде, в котором о нем принято говорить. Если бы речь шла о нарративном сдвиге, то есть о том, что говорящий мыслит себя в пространстве и времени участника ситуации, с позиции которого ведется повествование, то воображаемая проксимальная зона говорящего совпадала бы с проксимальной зоной выделенного участника ситуации, а значит, никакие запреты на тот или иной дейктик были бы немыслимы.

4. Грамматикализация локативных копул в атаяльском языке

Глаголы движения и положения в пространстве (особенно если речь идет не о специфически конфигурационном положении или движении) типологически часто являются источниками грамматикализации для ТАМ-маркеров (см., например, [Майсак 2005]). В атаяльском языке глаголы движения и положения в пространстве также имеют употребления разной степени грамматикализованности.

В [Heine, Kuteva 2004] для локативных копул зафиксированы следующие пути грамматикализации (ярлыки переведены нами на русский язык с некоторыми упрощениями):

(38) локативная копула → прогрессив/экзистенциальная копула/посессивная копула/экватив ная копула

Дальнейшая грамматикализация экзистенциальной и посессивной копул может идти одним из следующих путей:

(39) экзистенциальная копула → прогрессив/посессивная копула

(40) посессивная копула → экзистенциальная копула/будущее время/обязательность/перфект

Конструкция с модальным значением обязательности может со временем приобретать значение возможности. Таким образом, если свести все указанные пути воедино, получим карту на рис. 3.

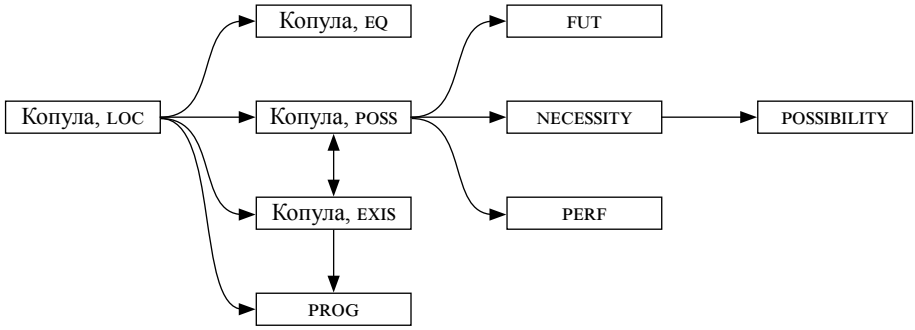


Рис. 3. Пути грамматикализации локативной копулы

Все три локативные копулы во всех рассматриваемых нами вариантах атаяльского языка имеют сильно грамматикализованные употребления, с некоторыми вариациями в путях грамматикализации. Ниже мы остановимся отдельно на дейктически нейтральной копуле *(m-)aki* и паре дейктических копул *niux*/*tiux*.

4.1. Дейктически нейтральный предикат: нестандартный путь грамматикализации

Копула *(m-)aki*, кроме контекстов локализации, используется также в экзистенциальных и посессивных конструкциях (правда, относительная хронология появления этих значений у данной лексемы неясна), что в целом соответствует ожиданиям:

(41) *ariŋ* *s-qu* ***m-aki*** ***sesio*** *l-ga* *uŋat* *kŋ-un* *la*
начать ACC-DEF AF-быть Библия IAM-TOP NEG.EXIS бояться-PF IAM
‘С тех пор как **есть Библия**, бояться нечего’.

(42) ***m-aki*** *qutux* ***hoyil=mu***
AF-быть один собака=1SG.GEN
‘**У меня есть** одна **собака**’.

В диалекте скикун у лексемы *aki* (в форме чистой основы) зафиксирована также ожидаемая модальная функция. В данном диалекте *aki* употребляется как маркер (сильной) эпистемической возможности[16]:

(43) ДИАЛЕКТ СКИКУН
(*baq.aw.ta)* ***aki*** ***tia*** ***tlqiŋ*** *jik* *paʔ*
возможно MOD PRG.DIST AF.прятаться под кровать
‘(**Возможно**), **она прячется** под кроватью’.

Однако в вариантах каланов Сянух и Пьянан дальнейшее расширение функций локативно-экзистенциально-посессивной копулы в атаяльском языке пошло путем, не зафикси-

[16] О модальности в атаяльском языке см. [Chen 2015; Gorbunova 2015a].

рованным выше[17]. В этих вариантах диалектной группы скулик копула *aki* грамматикализовалась в показатель авертива[18] (то есть в показатель, маркирующий назревавшую, но так и не имевшую места ситуацию).

(44) ***aki*** ***m-hoqil*** *qu* *squleq* *qasa*
AVER AF-умереть DEF человек DEM.DIST
(*siktay* *l-ga* *m-qianux* *loyi*)
В.итоге IAM-TOP AF-жить RE
'Тот человек **чуть было не умер** (но он опять ожил)'.

(45) ***aki=saku*** ***m-usa*** *m-lata* *riax* *qasa*
AVER=1SG.NOM AF-идти AF-охотиться день DEM.DIST
(*siktay* *m-behuy* *la)*
В.итоге AF-ветер IAM
'Я **чуть было не пошел** в горы в тот день (но пришел тайфун {и я не пошел})'.

(46) ***aki=mian*** ***suq-un*** *l-ga* *m-qwalaxla*
AVER=1PL.EXC.GEN закончить-LF IAM-TOP AF-охотиться IAM
'Когда мы уже **почти закончили**, пошел дождь {и мы так и не смогли закончить работу}'.

Примеры (44—46) выше были предложены носителями как примеры использования лексемы *aki*. Вторая часть примеров (44—45), взятая в скобки, была предложена как пояснение к ситуации, однако примеры остаются приемлемыми и имеют строго авертивное прочтение даже без этих пояснений. Если бы *aki* в этих вариантах атаяльского языка функционировал как маркер эпистемической модальности, тогда пример (47), который представляет собой пример (44) без пояснения, мог бы означать, что говорящий высоко оценивает вероятность того, что человек умер или умрет (в силу отсутствия регулярного выражения времени допустимым было бы прочтение с любой временной референцией). Однако высказывание вроде (47) возможно только в случае, если говорящий знает наверняка, что человек не умер.

(47) ***aki*** ***m-hoqil*** *qu* *squleq* *qasa*
AVER AF-умереть DEF человек DEM.DIST
'Тот человек **чуть было не умер**/*может быть, умер/*может умереть/*мог умереть (а мог и не умереть)'.

Кроме того, маркер эпистемической (или любой другой) модальности мог бы сочетаться с аспектуальными маркерами (например, прогрессива). Однако такое сочетание для *aki* в вариантах каланов Пьянан и Сянух невозможно, ср. (48)[19]:

(48) ****aki*** ***tiu*** ***m-hoqil*** *qu* *squleq* *qasa*
AVER PRG.DIST AF-умереть DEF человек DEM.DIST
Ожидаемое значение: 'Тот человек, может быть, умирает'.

[17] Следует заметить, что такой путь грамматикализации все же не является абсолютно неожиданным. В [Heine, Kuteva 2004] в качестве одного из источников маркера авертива названа «COPULA» с примерами из финского, румынского и русского, где, как известно, эквативная копула лексически тождественна локативной и экзистенциальной копуле. Поэтому вопрос о том, свойственно ли локативной или экзистенциальной копуле быть диахроническим источником маркера авертива, подлежит уточнению. Здесь мы утверждаем лишь, что для языков, где локативная копула отличается от эквативной (и в частности, для языков, где эквативной копулы нет), грамматикализации конструкций с копулами в авертивную конструкцию зафиксировано до сих пор не было.

[18] Термин введен Т. Кутевой в [Kuteva 2000]; как межъязыковой категориальный тип авертив (под ярлыком ANA) впервые был рассмотрен в [Kuteva 1998].

[19] Заметим, что в варианте калана Скикун такое сочетание как раз возможно, ср. (43) выше.

В качестве «переходного» случая от модальности к авертиву (или обратно) можно зафиксировать также употребление *aki* в качестве маркера аподозиса в контрфактивной условной конструкции. Это значение, на наш взгляд, очень близко к авертиву: действительно, ситуация, которая назревала, но не случилась по неуказанной причине (как в (44) выше), очень близка к ситуации, которая произошла бы, если бы не указанная причина (как в (49) ниже):

(49) *mha* *m-n-wah* *m-lata* *shera* *ga* ***aki=ta*** ***m-aneq***
если AF-DP-идти AF-охотиться вчера TOP AVER=1PL.INC AF-есть
qsinuw *soni* *la*
зверь сегодня IAM
'Если бы он вчера сходил на охоту, сегодня **мы бы поели** мяса'.

Следует пояснить, что контрфактивная условная конструкция отличается от гипотетической условной конструкции только наличием маркера *aki* в аподозисе. Иными словами, пример (50), отличающийся от (49) только отсутствием *aki*, не исключает эпистемическую возможность ситуаций, выраженных в протазисе и аподозисе (лицо субъекта изменено, чтобы пример не казался логически неприемлемым):

(50) *mha* *m-n-wah* *m-lata* *shera* *ga* ***m-aneq*** *qsinuw* *soni* *la*
если AF-DP-идти AF-охотиться вчера TOP AF-есть зверь сегодня IAM
'Если он вчера сходил на охоту, сегодня он ест/будет есть мясо'.

Таким образом, дейктически нейтральная локативная копула грамматикализовалась в маркер модальной зоны.

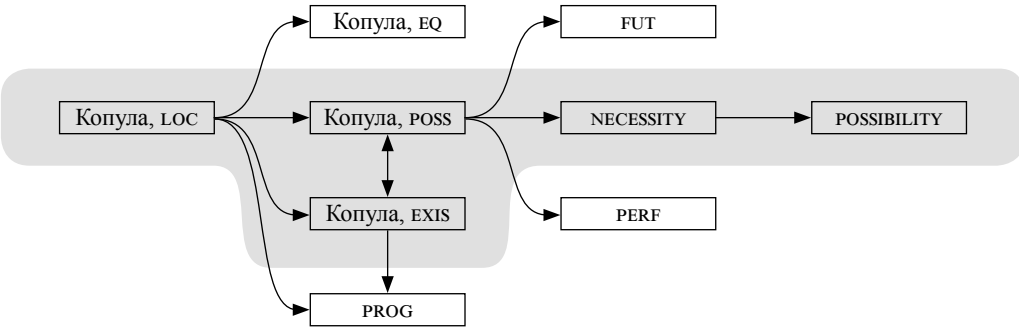


Рис. 4. Функции *aki* на карте грамматикализации локативных копул

С другой стороны, как будет показано в следующем разделе, дейктически окрашенные локативные копулы в атаяльском языке грамматикализовались в аспектуальные маркеры.

4.2. Дейктически окрашенные предикаты: статив (прогрессив и результатив)

Пара дейктических локативных копул *niux/tiux,* как и нейтральная копула *aki*, употребляется в экзистенциальных и посессивных конструкциях, ср. (32—35) в разделе 3.1. Кроме того, эта пара глаголов грамматикализовалась в показатель статива[20]: в зависимости

[20] В [Плунгян 2011: 403] предлагается для обозначения кластера значений прогрессива (или шире, дуратива) и результатива использовать термин «инкомплетив». Термин «статив» мог бы считаться неудачным ввиду того, что данный кластер включает прогрессив, а прогрессив имеет отношение к процессу, а не к состоянию. Кроме того, термин «статив» может использоваться в литературе для определенных акциональных значений. Однако термин «инкомплетив» представляется также неудачным,

от акционального класса предиката, а для некоторых классов и от фокусной формы, вспомогательные глаголы *niux*/*tiux* выполняют функцию маркеров прогрессива (дуратива) (51) или результатива (52).

(51) ДИАЛЕКТ СКИКУН
nia=cuʔ ***pkruw*** *ŋliʔ*
PRG.PROX=1SG.NOM AF.ЛОВИТЬ муха
‘Я **ловлю** муху’.

(52) ДИАЛЕКТ СКИКУН
nia ***pkrʔ-un*** *ŋliʔ* *la*
PRG.PROX ЛОВИТЬ-PF муха IAM
‘**Поймал** (наконец-то) муху’.

Конструкции с локативной копулой, в целом, довольно часто грамматикализуются в конструкцию прогрессива, а совмещение функций прогрессива и результатива у одной конструкции наблюдается в ряде языков (см., в частности, [Ebert 1995; Майсак 2005]). Обобщенно функции *niux*/*tiux* на модифицированной карте грамматикализации локативных копул выглядят следующим образом, см. рис. 5.

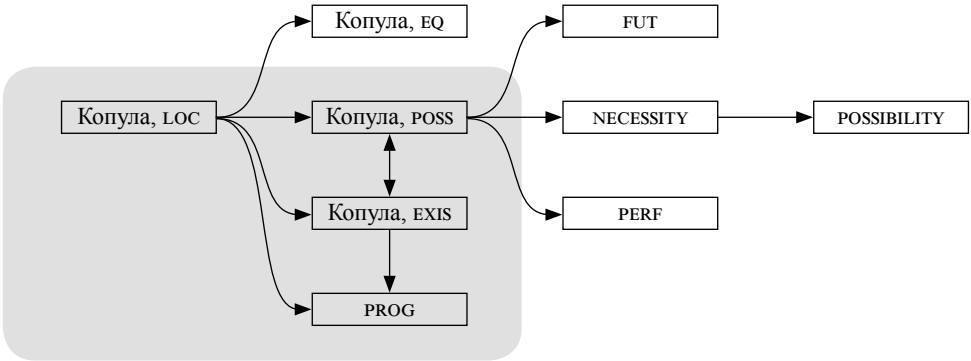


Рис. 5. Функции *niux*/*tiux* на карте грамматикализации локативных копул

Выбор прогрессивной или результативной интерпретации стативной конструкции, как уже было сказано, во многом зависит от класса предиката[21]. Так, у большинства процессов (в том числе предельных) и состояний эта форма обозначает актуальное состояние или процесс, вне зависимости от фокусной формы предиката, ср. (53) и (54):

(53) ***niu=ku*** ***k⟨m⟩ut*** *qhoneq*
PRG.PROX=1SG.NOM ⟨AF⟩резать дерево
‘**Я** (**в указанный момент**) **рублю** деревья’.

поскольку предполагает незавершенность ситуации, а результатив предполагает ее успешное завершение. За неимением лучшего термина в настоящей статье используется термин «статив».

[21] Следует заметить, что значение стативной формы является одним из критериев, по которым в атаяльском языке выделяются акциональные классы. Прямой корреляции между значением фактатива и значением статива обнаружить не удается. Так, существуют предикаты, в фактативе обозначающие достижение предела ситуации (*biq* ‘дать’), а в стативе — процесс, ведущий к этому пределу (‘давать’); с другой стороны, существуют предикаты с тем же акциональным значением в фактативе (*tehoq* ‘достичь’), но со значением результирующего состояния в стативе (‘быть достигши’). Предикаты, в фактативе обозначающие процесс (*qaneq* ‘есть’, *qumah* ‘работать в поле’), в стативе могут обозначать как процесс (‘есть’, ‘работать в поле’), так и результирующее состояние (‘быть съевши’).

(54) ***niu=mu*** ***kut-an*** *qhoneq* *qani*
PRG.PROX=1SG.GEN резать-LF дерево DEM.PROX
‘**Я** (**в указанный момент**) **рублю** это дерево’;
*‘Я срубил это дерево/это дерево срублено мной’.

У выделенного класса пунктивно-результативных предикатов данная форма имеет результативное значение вне зависимости от того, в форме какого фокуса употребляется смысловой глагол, ср. (55) и (56):

(55) ***tiux=k*** ***wah-an*** *m-lawa* *squleq*
RES.DIST=1SG.NOM прийти-LF AF-звать человек
‘**Пришел** (**туда**) человек позвать меня’.

(56) ***niu*** ***m-wah*** *squleq*
RES.PROX AF-прийти человек
‘Кто-то **пришел** (**сюда**)’;
*‘Кто-то идет сюда/приходит сюда’.

Однако в атаяльском языке существует небольшой класс предикатов, для которых выбор фокусной формы в конструкции статива влияет на интерпретацию. К таким предикатам относится *pkruw* ‘ловить (мух)’ в примерах (51—52) выше и некоторые глаголы конфигурационного положения в пространстве (например, *quji* ‘вешать, повесить, висеть’ в (58—59) ниже). Если статив включает форму агентивного фокуса, то конструкция в целом имеет прогрессивную интерпретацию (51, 57). Если же в конструкции использована форма неагентивного фокуса, то конструкция интерпретируется как результатив (52, 58).

(57) ***niu=ku*** ***q⟨m⟩uji*** *lalaw*
PRG.PROX=1SG.NOM ⟨AF⟩вешать нож
‘Я **вешаю** нож’.

(58) ***tiux*** ***s-quji*** *lwax* *qu* *lalaw=su*
RES.DIST IF-вешать стена DEF нож=2SG.GEN
‘Твой нож **висит** на стене’.

Стативная конструкция несовместима с небольшим количеством инцептивно-стативных и стативных предикатов. Нам встретилось три таких предиката: *baq* ‘научиться, уметь’, *betunux* ‘стать/быть красивым’, а также уже знакомая читателю лексема *aki* в посессивной конструкции (59). При этом в локативной конструкции копула *aki* может образовывать статив, как в (60).

(59) (**niux*/**tiux*) ***m-aki*** *qutux* *hoyil=mu*
AF-быть один собака=1SG.GEN
‘У меня **есть** одна собака’.

(60) ***niu=ku*** ***m-aki*** *gako*
PRG.PROX=1SG.NOM AF-быть школа
‘**Я** (**в указанный момент**) **нахожусь** в школе’.

Возможно, запрет на форму статива для данных предикатов связан не столько со свойствами прогрессива, который плохо сочетается с предикатами состояния, сколько с дейктическими свойствами маркеров статива.

Статив в обоих своих значениях (прогрессивном и результативном) сочетается с показателем континуатива *na*. Фактически, в отсутствие отрицания это единственная конструкция, которая может сочетаться с маркером континуатива.

(61) ***tiu=mu*** ***pgy-an*** *kia* ***na*** *lukus*
RES.DIST=1SG.GEN вешать-LF LOC.DIST CNT одежда
‘Одежда **все еще висит** там {повешенная мной; она не упала и не улетела}’.

В некоторых вариантах (например, в диалекте скикун и у некоторых жителей калана Сянух) результативная конструкция, по сути, обслуживает большинство типичных перфектных контекстов по типологической анкете TMAQ (Tenses, Moods and Aspects Questionnaire) Э. Даля [Dahl 1985]. Однако, в силу способности этой конструкции сочетаться с континуативом, мы вслед за [Nedjalkov, Jaxontov 1988] считаем, что это результатив, а не перфект (ср. (62) с перфектом).

(62) ***wa**=mu* ***pgy-an*** *kia* (**na*) *lukus*
PRF=1SG.GEN вешать-LF LOC.DIST CNT одежда
'Я повесил там одежду'.

Следует упомянуть контексты, в которых форма статива если не обязательна, то, по крайней мере, высокочастотна и ожидаема. Таким контекстом, помимо континуатива, является таксисный контекст частичной одновременности, где статив (прогрессив) обозначает фоновую ситуацию, как в (63).

(63) ʔ(***niu***) ***m-ʔabi*** *laqi* *qa* *l=ga*
PRG.PROX AF-спать ребенок DEM IAM=TOP
tehoq *yaba=nia*
AF.достичь отец=3SG.GEN
'Когда ребенок уже **спал**, приехал его отец'.

В подобных конструкциях фактатив хотя и приемлем, но практически не употребляется. Поэтому, чтобы проверить наши ожидания в отношении того, что грамматикализованные употребления дейктических локативных копул ведут себя в атаяльском языке так же, как лексические употребления, следует посмотреть, возникнет ли запрет на прогрессив в контекстах с двумя дейктическими центрами в конструкциях наподобие (63).

5. Дейктические свойства прогрессива/результатива

Как и в случае с лексическими употреблениями дейктических локативных копул, в стативе сохраняется дейктическая оппозиция, причем второе лицо не обязательно входит в проксимальную зону. В диалоге, состоящем из (64—65), участники видят друг друга, и тем не менее нормальным будет исключение второго лица из проксимального дейксиса, как в (64):

(64) ДИАЛЕКТ СКИКУН
***tia**=su* *mcwaʔ* *ga*
PRG.DIST=2SG.NOM AF.что.делать Q
'Что ты делаешь?'

(65) ДИАЛЕКТ СКИКУН
***nia**=cuʔ* *pkruw* *ŋliʔ*
PRG.PROX=1SG.NOM AF.ловить муха
'Я ловлю муху'.

Насколько широкой оказывается проксимальная зона в той или иной ситуации, часто зависит от диалогического контекста. Так, в (66) говорящий, сидя в доме, предполагает, что на улице идет дождь, но включает, по меньшей мере, часть пространства за пределами дома в зону проксимального дейксиса.

(66) *pong-an=mu* ***nu***[22] ***m-qwalax*** *tanux*
слышать-LF=1SG.GEN PRG.PROX AF-дождь снаружи
'Судя по звуку, на улице **идет дождь**'.

[22] В речи некоторых носителей в грамматикализованных употреблениях *niux* фонетически сокращается до *nu*, с упрощением дифтонга.

В (67) — эта реплика была задана условиями анкеты как произнесенная тем же человеком, что и (66), после того как с улицы пришел знакомый, — с другой стороны, пространство за пределами дома исключено из проксимальной зоны. Видимо, это связано с тем, что слушающий, носитель знания о состоянии погоды за пределами дома, войдя в дом, сузил личное пространство говорящего (нечто похожее мы видели в диалоге (64—65), где, несмотря на пространственную близость говорящего и слушающего, они находятся в разных дейктических зонах).

(67) *kt-an=misu* *ga*
смотреть-LF=2SG.GEN⟩1SG.NOM TOP
pira *hayi* ***tiu*** ***m-qwalax*** *tanux* *ga*
AF.похоже чуть PRG.DIST AF-дождь снаружи Q
‘Судя по твоему виду, на улице, похоже, **идет дождь**?’

Таким образом, в наиболее естественном контексте — контексте диалога — дейктические локативные копулы, употребляясь в качестве маркеров статива, сохраняют исходные дейктические свойства.

5.1. Нарративный сдвиг дейктического центра

В режиме нарратива может происходить сдвиг дейктического центра как для лексических употреблений дейктических копул, так и для статива. Причем дейктический центр может перемещаться по ходу повествования, и причины этого смещения заслуживают особого исследования. Возможно, фокус эмпатии и дейктический центр смещаются в соответствии с симпатиями автора. Так, в примерах (68—71), который представляет собой сокращенный отрывок из легенды, дейктический центр в начале отрывка привязан к женщинам, которые работают в поле (68), а ленивая женщина, отказавшаяся работать, оказывается в экстремальной зоне (69—70). При этом вся ситуация в пространстве и времени никак не связана с пространством и временем речевого акта, поэтому уже в начале примера (68) произошел сдвиг дейктического центра. Далее по ходу повествования ленивая женщина превращается в обезьяну, а все остальные начинают над ней насмехаться. Фокус эмпатии перемещается на ленивую женщину, и в конце отрывка в (71) мы видим проксимальный прогрессив, использованный в отношении ее состояния.

(68) *nanu=yi* *m-kilux* *balay* *qa* *kwara* *qa*
что=PTCL AF-жарко очень DEM все DEM
k~kneril ***niu*** ***m-qumah*** *kia* ⟨…⟩
PL~женщина PRG.PROX AF-работать.в.поле LOC.DIST
‘Все женщины, которые работали (тут) в поле, очень страдали от жары’.

(69) *si.kta.y* *l=ga* ***tiu*** *qutux* *kneril*
в.итоге IAM=TOP быть.DIST один женщина
blŋan-an=nia *payeh=nia* *la* ⟨…⟩
бросить-LF=3SG.GEN серп=3SG.GEN IAM
‘И вот одна женщина бросила свой серп’.

(70) *si.kta.y* *l=ga* *wa* *m-karaw=yi* *qhoneq=ro*
в.итоге IAM=TOP PRF AF-лезть=PTCL дерево=&
tiu ***m-tama*** *qa=yi* *qhoneq* *la* ⟨…⟩
PRG.DIST AF-сидеть DEM=PTCL дерево IAM
‘И вот забралась она на дерево и сидит (там)’.

(71) *ini* *q-bsiaq* *l=ga* *si.kta.y* *kneril* *qasa* *l=ga*
NEG CNG-долго IAM=TOP в.итоге женщина DEM.DIST IAM=TOP

m-htuw *kwara* *qa* *buqil=nia* *la*
AF-выйти все DEM шерсть=3SG.GEN IAM
ana *ktian=nia* *uyi* *l=ro* *rqias=nia* *l=ga* *m-talah* *l=ga*
даже попа=3SG.GEN тоже IAM=& лицо=3SG.GEN IAM=TOP AF-красный IAM=TOP
niu ***m-yuŋay*** *la*
PRG.PROX AF-обезьяна IAM
'И вот вскоре у той женщины выросла шерсть, даже попа и лицо стали красные, и вот она уже обезьяна'.

Таким образом, в режиме нарратива, где никто из участников описываемой ситуации не является одновременно нарратором, сдвиг дейктического центра происходит достаточно свободно и не приводит к каким бы то ни было ограничениям на прогрессив и дейктические локативные копулы. При нарративном сдвиге проксимальный дейксис так же доступен говорящему, как и в режиме диалога.

5.2. Запрет на прогрессив

Однако для прогрессивных употреблений статива, равно как и для лексических употреблений локативных копул, находятся контексты, блокирующие или проксимальную форму, или оба дейктических варианта. Как и дейктических локативных копул, форм прогрессива говорящие стараются избежать в контексте раздвоенного дейктического центра, если только ситуация не находится за пределами пространства обоих центров. Так, в примере (72) с таксисом одновременности для обеих ситуаций ожидалась бы форма прогрессива. Однако в силу того, что ситуация 'вешал одежду' находится в проксимальной зоне первого лица повествования (наблюдателя) и в экстремальной зоне говорящего, ни проксимальный, ни экстремальный прогрессив здесь не используется. С другой стороны, вторая ситуация ('был дома') локализуется за пределами ближнего дейксиса как относительно говорящего, так и относительно наблюдателя, и поэтому во второй предикации свободно используется прогрессив.

(72) ***m-ugi=saku*** *lukus* *tanux* *ga*
AF-вешать=1SG.NOM одежда снаружи TOP
yukan *ga* ***tiux*** ***m-aki*** *muyaw=nia*
Юкан TOP RES.DIST AF-быть дом=3SG.GEN
'**Когда я** снаружи **вешал** одежду, Юкан **был** у себя дома'. (Говорящий в момент речи находится не у Юкана, а у себя дома.)

Форма проксимального прогрессива в контексте раздвоенного дейктического центра допускается менее чем половиной информантов — и только в пространстве наблюдателя, но не в пространстве речевого акта (пример из диалекта скикун, то же обнаружено и у носителей другой диалектной группы).

(73) ДИАЛЕКТ СКИКУН
nia=cuʔ ***t⟨m⟩utiŋ*** *stakeʔ* *gaʔ*
PRG.PROX=1SG.NOM ⟨AF⟩бить гриб TOP
nia ***m-wah*** *khangi* *kingan* *qutux* *cquleq* *la*
PRG.PROX AF-прийти AF.искать я один человек IAM
'Когда **я** (**там**) **бил** грибы[23], (**туда**) **ко мне пришел** один человек'.

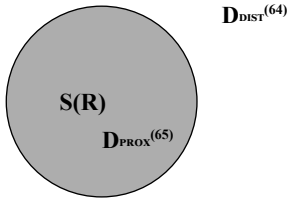
Допустимость (73) можно объяснить нарративным сдвигом дейктического центра, при котором пространство-время речевого акта перестает влиять на дейктики. Нарративный

[23] Согласно традиции выращивания черного китайского гриба на Тайване, следует стучать по поваленному дереву, чтобы создать в древесине отверстия, где прижились бы грибные споры. Поэтому весь процесс выращивания грибов обычно называют «бить (вернее, стучать) грибы».

сдвиг приводит к тому, что дейктический центр говорящего накладывается на дейктический центр нарратива и конфликт, приводящий в обычном случае к запрету на дейктики, устраняется.

5.3. Анализ дейксиса в стативной конструкции

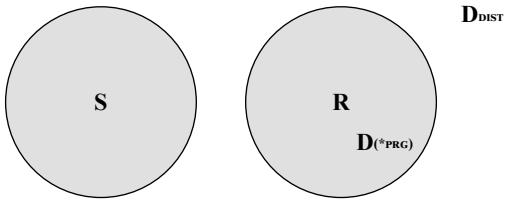
Таким образом, в контексте диалога формы статива в прогрессивной функции демонстрируют те же дейктические свойства, что и лексические употребления дейктиков (рис. 6). В отсутствие явно введенного наблюдателя (R) единственным дейктическим центром оказывается говорящий (S). Пространство, включаемое им в свою личную зону, определяет ближний дейксис (как в (65) выше), а пространство вне этой зоны — дальний дейксис (как в (64) выше).



Обозначения: □ — дальний дейксис;
■ — ближний дейксис;
(65) — номер иллюстрируемого примера.

Рис. 6. Дейктический прогрессив в режиме диалога (64—65)

В контексте явно введенного наблюдателя (первого лица описываемой ситуации), который к тому же локализуется в ином пространстве-времени, чем говорящий в момент речи, возникает запрет на дейктики, который, в свою очередь, ведет к запрету на прогрессив (рис. 7). Так, в примере (72) описываются две ситуации, развивающиеся во времени параллельно. Одна из ситуаций (‘вешал одежду’) осуществляется наблюдателем и, следовательно, находится в его зоне R (ожидается проксимальный дейктик), но вне зоны говорящего S (ожидается экстремальный дейктик). Так как прогрессив является дейктической формой, ситуация, осуществляемая наблюдателем вне зоны говорящего, не может быть выражена с помощью прогрессива, несмотря на то, что в конструкции одновременности прогрессив предпочтителен. С другой стороны, ситуация ‘был дома’ локализована вне зоны говорящего и вне зоны наблюдателя, и потому ничто не мешает выражать эту ситуацию с помощью формы экстремального прогрессива.



Обозначения: □ — дальний дейксис;
■ — зона конфликта (прогрессив запрещен).

Рис. 7. Два дейктических центра и запрет на прогрессив (72)

Как было сказано в разделе 2.1, по мнению некоторых носителей, таксисная конструкция одновременности требует прогрессива. В контексте раздвоенного дейктического центра

прогрессив недопустим, поэтому, чтобы получить приемлемую конструкцию, говорящему приходится элиминировать один из двух центров. Для этого производится сдвиг дейктического центра — от говорящего (S) к наблюдателю (R). Дейктический центр S накладывается на дейктический центр R, после чего действие, производимое наблюдателем, оказывается в зоне ближнего дейксиса и может быть выражено проксимальным прогрессивом:

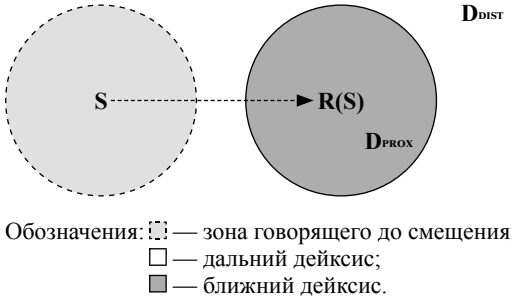


Рис. 8. Сдвиг дейктического центра в прогрессиве (73)

Тем самым, система пространственного дейксиса в атаяльском языке действительно напоминает тройственную систему, предложенную в [Ehrich 1982]. Дейктический центр S, способный подвергаться нарративному сдвигу, соответствует «пространству/времени речевого акта»; дейктический центр R соответствует «точке отсчета пространства/времени»; описываемая ситуация локализуется в «окне наблюдения» (D).

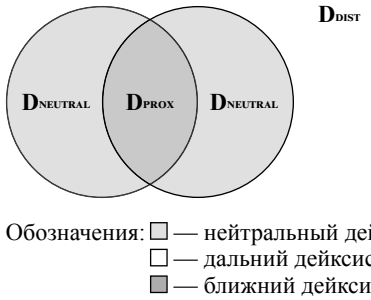


Рис. 9. Тройственная система пространственного дейксиса и атаяльские дейктики

Атаяльские дейктики в нормальном режиме локализуют D либо в зоне одновременно S и R, либо за пределами обеих зон, и потому сами эти зоны, если они не совпадают, недоступны для дейксиса в нормальном режиме. В режиме нарратива фактически S перестает быть релевантным.

Для атаяльского пространственного дейксиса доминирующим фактором является точка отсчета, поскольку дейктический центр R строго блокирует экстремальный прогрессив, в то время как дейктический центр S посредством нарративного сдвига можно нейтрализовать.

Показательно, что и в системе временного дейксиса точка отсчета доминирует над моментом речи: относительное время, как мы писали в разделе 2.1, выражается более регулярно, чем абсолютное. В этом отношении интересно изучить, как ведут себя пространственные дейктические системы в языках, где категория временного дейксиса подобна атаяльской. Не существует ли корреляции между типами систем пространственного и временного дейксиса? Этот вопрос требует тщательного типологического изучения.

5.4. Результатив: нет запрета

В предыдущих разделах, обсуждая дейктические свойства статива, мы рассматривали исключительно прогрессивные употребления этой формы. Между тем результатив ведет себя несколько иначе. Так, в примере (74) прогрессив заблокирован, в то время как результатив (*tiux=k wah-an*) разрешен и используется его экстремальный вариант, то есть единственный дейктический центр для результатива — пространство/время речевого акта, но не точка отсчета.

(74) *m-ugi=saku* *lukus* *tanux* *ga*
AF-вешать=1SG.NOM одежда снаружи TOP
tiux=k ***wah-an*** *m-lawa* *squleq*
RES.DIST=1SG.NOM прийти-LF AF-звать человек
'Когда я снаружи вешал одежду, **пришел** (**туда**) **человек** позвать меня'.

Соответственно, в (75) используется проксимальный результатив, поскольку окно наблюдения локализуется в пространстве речевого акта.

(75) ***niux=ku*** ***wah-an*** *m-lawa* *squleq*
RES.PROX=1SG.NOM прийти-LF AF-звать человек
'**Ко мне** (**сюда**) **пришел** человек меня позвать'.

Запрет на результатив отсутствует вне зависимости от того, занимает ли местоимение первого лица номинативную или генитивную позицию. Если в (74—75) мы видим отсутствие запрета на результатив при номинативе первого лица (при неагентивном фокусе глагола), то в примере (76) демонстрируется отсутствие запрета на результатив при генитиве первого лица (также при неагентивном фокусе глагола).

(76) ***tiux=maku*** ***qslay-un*** *tanux* *qu* *lukus=su*
RES.DIST=1SG.GEN вешать-PF снаружи DEF одежда=2SG.GEN
'Я повесил твою одежду на улице'.

Сложно сказать, что вызывает асимметрию в дейктических свойствах прогрессива и результатива. По каким-то причинам в конструкции результатива участник первого лица не может быть наблюдателем, вне зависимости от синтаксической (субъект в (74—75), объект в (76)) и семантической роли (место в (74), агенс в (76)). Какие именно причины делают роль наблюдателя недоступной в результативе? Эта тема достойна отдельного исследования, и здесь мы не будем ее обсуждать.

Заключение

Мы показали, что в атаяльском языке есть три локативных копулы, две из которых являются ближним и дальним дейктиками, а третья — за неимением лучшего термина — «нейтральным дейктиком». Дейксис в атаяльском языке ориентирован одновременно на говорящего в момент речи и на первое лицо повествования. Ближний дейктик используется только в зоне обоих ориентиров: при совпадении положения говорящего и первого лица повествования, в отсутствии первого лица в повествовании или при нарративном сдвиге. Дальний дейктик используется за пределами обеих зон. Нейтральная локативная копула используется в случае, если положение в пространстве говорящего и первого лица повествования не совпадает, а объект локализуется в зоне одного из них.

При этом дейктически окрашенные локативные копулы и нейтральная локативная копула в атаяльском языке пошли по разным путям грамматикализации. Нейтральная локативная копула используется как маркер эпистемической модальности, условной модальности, а также как маркер авертива (в зависимости от варианта), в то время как дейктические

локативные копулы грамматикализовались в маркеры статива, сохранив при этом пространственную дейктическую оппозицию. В ситуациях, когда положение в пространстве говорящего и первого лица повествования не совпадают, прогрессивный вариант статива недопустим (так же, как в локативных конструкциях были недопустимы дейктические копулы), в то время как результативный вариант оказывается нечувствительным к позиции первого лица повествования.

Данные атаяльского языка, на наш взгляд, показывают, какую важную нишу в типологии дейксиса вообще и пространственного дейксиса, в частности, занимают дейктические локативные копулы. Типология пространственного дейксиса была бы неполной без учета таких дейктиков и их грамматикализованных употреблений. Грамматикализация дейктических локативных копул в целом протекает в соответствии с наиболее общими тенденциями, замеченными в [Heine, Kuteva 2004; Майсак 2005], но может давать неожиданные ограничения на сочетаемость, связанные с исходной дейктической оппозицией.

На основании данных атаяльского языка мы склонны согласиться с [Ehrich 1982] в том, что пространственный дейксис, как и временной, имеет три ориентира, а не два (вопреки [Апресян 1986]). Атаяльские дейктические локативные копулы ориентированы одновременно на говорящего в момент речи (S) и на наблюдателя (R), что плохо укладывается в существующие описания пространственного дейксиса. Проксимальный дейксис разрешен лишь на пересечении зон говорящего и наблюдателя; экстремальный — только за пределами обеих зон. Все прочее пространство оказывается дейктически нейтральным.

При этом позиция наблюдателя является дейктическим центром, не подверженным нарративному сдвигу, в отличие от позиции говорящего. Из этого следует, что существуют языки, где для пространственного дейксиса доминирующим дейктическим центром будет не пространство речевого акта, а пространственная точка отсчета — равно как существуют языки с более регулярным маркированием относительного, нежели абсолютного времени.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо
ACC — аккузатив
AF — агентивный фокус
AVER — авертив
COMP — комплементайзер
CNG — коннегатив
CNT — континуатив
DEF — детерминатор
DEM — демонстратив
DIST — экстремальный дейктик
EQ — эквативная (копула)
EXC — эксклюзив
EXIS — экзистенциальная (копула)
EXP — эксперинентив
DP — сверхпрошлое
GEN — генитив
IAM — ямитив
IF — инструментальный фокус
INC — инклюзив
LF — локативный фокус
LOC — локативный демонстратив
MOD — модальный показатель
NEG — маркер отрицания
NEG.EXIS — экзистенциальное отрицание
NOM — номинатив
PF — пациентивный фокус
PL — множественное число
POSS — посессивная (копула)
PREF — префикс при табуированной лексике
PRF — перфект
PRG — прогрессив
PROS — проспектив
PROX — проксимальный дейктик
PTCL — частица
Q — показатель общего вопроса
RE — рефактив
RES — результатив
SG — единственное число
TOP — топикализатор
& — сочинительный маркер

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Апресян 1986 — Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // *Семиотика и информатика*. 1997. № 35. С. 272—298. [Apresjan Yu. D. Deixis in vocabulary and grammar and the naive model of the world. *Semiotika i informatika*. 1997. No. 35. Pp. 272—298.]

Горбунова 2012 — Горбунова И. М. Проблема построения типологически ориентированной акциональной классификации для языка с фактативом (на примере языка атаял, о. Тайвань). Доклад на IX конференции по типологии и грамматике для молодых ученых, Санкт-Петербург, 2012. [Gorbunova I. M. *Problema postroeniya tipologicheski orientirovannoi aktsional'noi klassifikatsii dlya yazyka s faktativom (na primere yazyka atayal, o. Taivan'). Doklad na IX konferentsii po tipologii i grammatike dlya molodykh uchenykh, Sankt-Peterburg, 2012*. [A problem of development of typologically oriented actional classification for a language with Factative (the case of the Atayal language, Taiwan). Paper presented at the IX conference on typology and grammar for young researchers, St. Petersburg, 2012.]]

Горбунова 2013 — Горбунова И. М. Атаяльский язык: язык без времени. Доклад на X конференции по типологии и грамматике для молодых ученых, Санкт-Петербург, 2012. [Gorbunova I. M. *Atayal'skii yazyk: yazyk bez vremeni. Doklad na X konferentsii po tipologii i grammatike dlya molodykh uchenykh*, Sankt-Peterburg, 2012. [The Atayal language: A language without tense. Paper presented at the X conference on typology and grammar for young researchers, St. Petersburg, 2012.]]

Горбунова 2014 — Горбунова И. М. Категория фазовой полярности в атаяльском языке // Вопросы языкознания. 2014. № 3. С. 34—54. [Gorbunova I. M. Phasal polarity in Aatayal. *Voprosy jazykoznanija*. 2014. No. 3. Pp. 34—54.]

Горбунова, в печати — Горбунова И. М. О перфекте и смежных категориях в атаяльском языке // Майсак Т. А., Плунгян В. А., Семёнова Кс. П. (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 7: Типология перфекта. (Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН). [Gorbunova I. M. On Perfect and related categories in Atayal. *Issledovaniya po teorii grammatiki. Vyp. 7: Tipologiya perfekta*. (*Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanii RAN*). Maisak T. A., Plungian V. A., Semenova Ks. P. (eds.). In print.]

Майсак 2005 — Майсак Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянских культур, 2005. [Maisak T. A. *Tipologiya grammatikalizatsii konstruktsii s glagolami dvizheniya i glagolami pozitsii* [A typology of grammaticalization of the constructions with motion verbs and position verbs]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2005.]

Падучева 2010 — Падучева Е. В. Семантические исследования: семантика времени и вида в русском языке; семантика нарратива. М.: Языки славянской культуры, 2010. [Paducheva E. V. *Semanticheskie issledovaniya: semantika vremeni i vida v russkom yazyke; semantika narrativa* [Semantic studies: Semantics of tense and aspect in Russian; semantics of narrative]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2010.]

Плунгян 2011 — Плунгян В. А. 2011. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. [Plungian V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [An introduction to grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2011.]

Ростовцев-Попель 2009 — Ростовцев-Попель А. А. Типология демонстративов: средние дейктики // Вопросы языкознания. 2009. № 2. С. 22—34. [Rostovtsev-Popel' A. A. Typology of demonstratives: Middle deictics. *Voprosy jazykoznanija*. 2009. No. 2. Pp. 22—34.]

Сирк 2008 — Сирк Ю. Х. Австронезийские языки. Введение в сравнительно-историческое изучение. М.: Восточная литература, 2008. [Sirk Yu. Kh. *Avstroneziiskie yazyki. Vvedenie v sravnitel'no-istoricheskoe izuchenie* [The Austronesian languages. An introduction to comparative historical study]. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2008.]

Шлуинский 2012 — Шлуинский А. Б. Фактатив и смежные категории: опыт типологии // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2012. Т. VIII. Ч. 2. С. 950—996. [Shluinskii A. B. Factative and related categories: An attempt of typology. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanii RAN*. 2012. Vol. VIII. Part 2. Pp. 950—996.]

Blust 2009 — Blust R. *The Austronesian languages*. Canberra: Pacific Linguistics, 2009.

Bohnemeyer 2001 — Bohnemeyer J. Deixis. *International encyclopedia of the social & behavioral sciences*. *Vol. 5.* Smelser N. J., Baltes P. B. (eds.). London: Elsevier, 2001.

Cairns 1991 — Cairns B. Spatial Deixis. The use of spatial co-ordinates in spoken language. *Lund University, Department of Linguistics Working Papers.* 1991. Vol. 38. Pp. 19—28.

Chang 2004 — Chang H. Y. AF verbs: Transitive, intransitive, or both? *Studies on Sino-Tibetan languages: Papers in honor of Professor Hwang-Cherng Gong on his seventieth birthday.* Ying-chin Lin, Fang-min Hsu, Chun-chih Lee, Jackson T.-S. Sun, Hsiu-fang Yang, Dah-an Ho (eds.). Taipei: Institute of Linguistics, Academia Sinica, 2004. Pp. 95—120.

Chen 2015 — Chen S. *Lack of epistemic necessity modals in Atayal*. Paper presented at ICAL-13, Academia Sinica, Taipei, 2015.

Dahl 1985 — Dahl Ö. *Tense and aspect systems*. Oxford: Blackwell Publ., 1985.

Diessel 2013 — Diessel H. Distance contrasts in demonstratives. *The World Atlas of Language Structures Online*. Dryer M. S., Haspelmath M. (eds.) Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. (Available at http://wals.info/chapter/41, Accessed on 2015.09.16.)

Ebert 1995 — Ebert K. Ambiguous prefect-progressive forms across languages. *Temporal reference, aspect, and actionality*. Vol. 2. Bertinetto P. M. (ed.). Torino: Rosenberg & Sellier, 1995. Pp. 185—204.

Egerod 1965 — Egerod S. Verb inflexion in Atayal. *Lingua*. 1965. Vol. 15. Pp. 251—282.

Egerod 1966 — Egerod S. Word order and word classes in Atayal. *Language*. 1966. Vol. 42. Pp. 346—369.

Egerod 1993 — Egerod S. The main grammatical particles in Atayal. *Language — a doorway between human cultures*. Dahl Ö. (ed.). Oslo: Novus Forlag, 1993. Pp. 184—200.

Ehrich 1982 — Ehrich V. *Da* and the system of spatial deixis in German. *Here and there: Cross-linguistic studies on deixis and demonstration.* Weissenborn J., Klein W. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1982. Pp. 43—63.

Fillmore 1975 — Fillmore Ch. J. *Santa Cruz lectures on deixis 1971*. Bloomington: Indiana Univ. Linguistics Club, 1975.

Fillmore 1982 — Fillmore Ch. J. Towards a descriptive framework for spatial deixis. *Speech, place and action: Studies in deixis and related topics*. Jarvella R. J., Klein W. (eds.). New York: Wiley Publ., 1982. Pp. 31—60.

Fillmore 1997 — Fillmore Ch. J. *Lectures on deixis*. Stanford: CSLI Publ., 1997.

Galbraith 1995 — Galbraith M. Deictic Shift Theory and the poetics of involvement in narrative. *Deixis in narrative. A cognitive science perspective*. Duchan J. F., Bruder G. A., Hewitt L. E. (eds.). London: Routledge, 1995. Pp. 19—60.

Gildea 1993 — Gildea S. The development of tense markers from demonstrative pronouns in Panare (Cariban). *Studies in Language*. 1993. Vol. 17. Pp. 53—73.

Gorbunova 2014 — Gorbunova I. *Atayal as a tenseless language*. Paper presented at Chronos 11, Pisa, 2014.

Gorbunova 2015a — Gorbunova I. *Phasal polarity in Squliq Atayal*. Paper presented at ICAL-13, Academia Sinica, Taipei, 2015.

Gorbunova 2015b — Gorbunova I. *Perfect and its relatives in Atayal*. Paper presented at the Perfect: Variation Workshop, Trondheim, 2015.

Gorbunova 2015c — Gorbunova I. *With or without necessity? Atayal modal system*. Paper presented at the 12th Conference on typology and grammar for young scholars, Saint Petersburg, 2015.

Heine, Kuteva 2004 — Heine B., Kuteva T. *World lexicon of grammaticalization*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004.

Himmelmann 2002 — Himmelmann N. A. Voice in Western Austronesian: An update. *The history and typology of Western Austronesian voice systems*. Wouk F., Ross M. (eds.). Canberra: Pacific Linguistics, 2002. Pp. 7—16.

Hopper, Thompson 1980 — Hopper P. J., Thompson S. A. Transitivity in grammar and discourse. *Language*. 1980. Vol. 56. No. 2. Pp. 251—299.

Huang 1989 — Huang L. M. The pronominal system in Atayal. *Studies in English Literature & Linguistics*. 1989. Vol. 15. Pp. 115—133.

Huang 1991 — Huang L. M. The semantics of *s-* in Atayal. *Studies in English Literature & Linguistics*. 1991. Vol. 17. Pp. 37—50.

Huang 1993 — Huang L. M. *A study of Atayal syntax*. Taipei: Crane Publ., 1993.

Huang 1994 — Huang L. M. 1994. Ergativity in Atayal. *Oceanic Linguistics.* 1994. Vol. 33. Pp. 129—143.

Huang 1996 — Huang L. M. A syntactic and semantic study of *-ay*, *-aw* and *-anay* in Mayrinax Atayal. *Studies in English Literature and Linguistics*. 1996. Vol. 24. Pp. 15—36.

Huang 2000a — Huang L. M. *Taiya yu cankao yufa* [A reference grammar of Atayal]. Taipei: Crane Publ., 2000.

Huang 2000b — Huang L. M. Verb classification in Mayrinax Atayal. *Oceanic Linguistics*. 2000. Vol. 3. No. 2. Pp. 364—390.

Huang 2001 — Huang L. M. Focus system of Mayrinax Atayal: A syntactic, semantic, and pragmatic perspective. *Journal of Taiwan Normal University: Humanity and Social Science*. 2001. Vol. 46. Pp. 51—69.

Huang 2002 — Huang L. M. 2002. Nominalization in Mayrinax Atayal. *Language and Linguistics.* 2002. Vol. 3. No. 2. Pp. 197—225.

Huang 2006 — Huang L. M. Case marking system in Plngawan Atayal. *Festschrift in honor of professor Paul Jen-kuei Li on his 70th birthday*. Chang H. Y., Huang L. M., Ho D.-A. (eds.). Taipei: Institute of Linguistics, Academia Sinica, 2006. Pp. 205—238.

Huang 2008 — Huang L. M. Grammaticalization in Squliq Atayal. *Concentric: Studies in Linguistics*. 2008. Vol. 34. No. 2. Pp. 1—45.

Huang 2009 — Huang L. M. *Coordination and comitativity in Atayal and Seediq*. Paper presented at Workshop on coordination and comitativity in Austronesian languages, Academia Sinica, Taipei, 2009.

Huang, Davis 1989 — Huang L. M., Davis P. W. *Negation in Mandarin and Atayal: A comparison*. Taipei: National Taiwan Normal Univ., 1989.

Huang, Tali' 2008 — Huang L. M., Tali' H. Syntax and semantics of *p-* in Squliq Atayal. *Language and Linguistics*. 2008. Vol. 9. No. 3. Pp. 491—521.

Huang, Lin 2012 — Huang Z., Lin K. J. *Placing Atayal on the ergativity continuum*. Paper presented at LSA annual meeting, Portland, 2012.

Kuteva 1998 — Kuteva T. On identifying an evasive gram: Action narrowly averted. *Studies in language*. 1998. Vol. 22. No. 1. Pp. 113—160.

Kuteva 2000 — Kuteva T. TAM-auxiliation and the avertive category in Northeast Europe. *Areal grammaticalization and cognitive semantics: The Finnic and Sami languages*. Fernandez-Vest J. (ed.). Paris: OURAL, 2000.

Lebikaza 2005 — Lebikaza K. K. Deictic categories in particles and demonstratives in three Gur languages. *Studies in African linguistic typology*. Erhard Voeltz F. K. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 2005. Pp. 229—250.

Levinson 1994 — Levinson S. C. Deixis. *Encyclopedia of language and linguistics.* Asher R. E. (ed.). Oxford: Pergamon Press, 1994. Pp. 853—857.

Li 1995 — Li P. J. The case-marking system in Mayrinax, Atayal. *Bulletin of the Institute of History and Philology, Academia Sinica*. 1995. Vol. 66. No. 1. Pp. 23—52.

Liu 2004 — Liu A. K. *On relativization in Squliq Atayal*. MA thesis. Hsinchu: National Tsing Hua Univ., 2004.

Liu 2005 — Liu A. K. The structure of relative clauses in Jianshi Squliq Atayal. *Concentric: Studies in Linguistics*. 2005. Vol. 31. No. 2. Pp. 89—110.

McPherson 2013 — McPherson L. *A grammar of Tommo So*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2013.

Nedjalkov, Jaxontov 1988 — Nedjalkov V. P., Jaxontov S. J. The typology of resultative constructions. *Typology of resultative constructions*. Nedjalkov V. P. (ed.) Amsterdam: John Benjamins, 1988. Pp. 3—63.

Perkins 1992 — Perkins R. D. *Deixis, grammar and culture*. Amsterdam: John Benjamins, 1992.

Rau 1992 — Rau V. D. *A grammar of Atayal*. Taipei: Crane Publ., 1992.

Reichenbach 1947 — Reichenbach H. *Elements of symbolic logic*. New York: Macmillan, 1947.

Segal 1995 — Segal Erwin M. Narrative comprehension and the role of Deictic Shift Theory. *Deixis in narrative. A cognitive science perspective*. Duchan J. F., Bruder G. A., Hewitt L. E. (eds.). London: Routledge, 1995. Pp. 3—18.

Starosta 1999 — Starosta S. Tranitivity, ergativity and the best analysis of Atayal case marking. *Selected papers from the 8th International conference on Austronesian linguistics*. Li P. J., Zeitoun E. (eds.). Taipei: Institute of Linguistics, Academia Sinica, 1999. Pp. 371—392.

Starosta 2002 — Starosta S. Austronesian "focus" as derivation: Evidence from nominalization. *Language and Linguistics*. 2002. Vol. 3. No. 2. Pp. 427—479.

Tanangkingsing 2009 — Tanangkingsing M. *A functional reference grammar of Cebuano*. PhD thesis. Taipei: National Taiwan Univ., 2009.

Tseng 1989 — Tseng S. *Atayal verb classification*. MA thesis. Taipei: Fu Jen Catholic University, 1989.

Tsukida 2013 — Tsukida N. Seediq. *The Austronesian languages of Asia and Madagascar*. Adelaar A., Himmelmann N. (eds.). London: Routledge, 2013. Pp. 291—325.

Weissenborn, Klein 1982 — Weissenborn J., Klein W. (eds.). *Here and there. Cross-linguistic studies on deixis and demonstration*. Amsterdam: John Benjamins, 1982.

Welmers 1973 — Welmers W. *African language structures*. Berkeley: University of California Press, 1973.
Wouk, Ross 2002 — Wouk F., Ross M. (eds.). *The history and typology of Western Austronesian voice systems*. Canberra: Pacific Linguistics, 2002.
Zeitoun et al. 1996 — Zeitoun E., Huang L. M., Yeh M., Chang A., Wu J. The temporal, aspectual, and modal systems of some Formosan languages: A typological perspective. *Oceanic Linguistics*. 1996. Vol. 35. Pp. 21—56.
Zubin, Hewitt 1995 — Zubin D. A., Hewitt L. E. The deictic center: A theory of deixis in narrative. *Deixis in narrative. A cognitive science perspective*. Duchan J. F., Bruder G. A., Hewitt L. E. (eds.). London: Routledge, 1995. Pp. 129—158.

Статья поступила в редакцию 21.12.2015.

С./Pp. 86—111 ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ 2016. № 4
Voprosy Jazykoznanija

ПОКАЗАТЕЛИ «ДВИЖЕНИЯ С ЦЕЛЬЮ» И СОБЫТИЙНАЯ СТРУКТУРА: СУФФИКС -*NDA* В НАНАЙСКОМ ЯЗЫКЕ*

© 2016
Наталья Марковна Стойнова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, 119019, Российская Федерация
stoynova@yandex.ru

В работе рассматривается глагольный суффикс -*nda* со значением движения с целью (‘пойти сделать V’) в нанайском языке. На материале этого показателя обсуждается типологическая релевантность категории движения с целью, в частности возможность морфологического выражения этого значения, не совмещенного со значениями глагольной ориентации. Значительная часть работы посвящена вопросу о событийной структуре глагола с морфологическим показателем движения с целью: в частности, обсуждается его аргументная структура, возможность выражения аргументов исходного глагола и участников, характерных для ситуации движения. Разные результаты дают финитное употребление глагола на -*nda* и представленная в нанайском языке плеонастическая конструкция с деепричастием, оформленным показателем -*nda*, и глаголом движения: первое обнаруживает больше свидетельств в пользу однособытийной трактовки, вторая проявляет отдельные признаки двусобытийности и биклаузальности.

Ключевые слова: аргументная структура, глагольная деривация, нанайский язык, показатели пространственной ориентации, событийная структура, тунгусо-маньчжурские языки, целевые конструкции

MARKERS OF “MOTION-CUM-PURPOSE” AND EVENT STRUCTURE: -*NDA* SUFFIX IN NANAI

Natalia M. Stoynova

Vinogradov Institute of the Russian Language, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119019, Russian Federation
stoynova@yandex.ru

The paper deals with the verbal suffix -*nda* with the meaning of “motion-cum-purpose” (‘to go to do V’) in Nanai. The discussion of crosslinguistic relevance of the motion-cum-purpose category is focused on the data of Nanai, and particularly on the possibility of morphological expression of this meaning without combination with any spatial meaning (including deictic ones ‘here’/‘there’). The event structure of the verb marked by the affix of motion-cum-purpose is also discussed, especially its argument structure — the expression of both arguments of the initial verb and arguments of the motion verb. Different results are revealed

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 16-34-01015-а2. Автор выражает благодарность С. А. Оскольской, под руководством которой был собран материал настоящего исследования, И. А. Стенину за предоставленную возможность ознакомиться с работой по смежной проблематике [Волков, Стенин, в печати] в рукописи, Н. Араловой за консультацию по схожим явлениям в эвенском языке, М. А. Даниэлю за обсуждение данных и предложенные им неожиданные типологические параллели, а также анонимным рецензентам журнала «Вопросы языкознания» за внимательное чтение, ценные комментарии и указание на ошибки, по крайней мере, часть из которых автор постарался исправить в окончательной версии работы.

for the finite use of the *nda*-verb and for the pleonastic construction “converb-*nda* + motion verb”. The first one behaves rather like expressing one single event of motion-cum-purpose, while the second one gives evidence for the bieventual interpretation and shows both features of bi- and monoclausality.

Keywords: argument structure, event structure, motion-cum-purpose, Nanai, purpose constructions, spatial markers, Tungusic languages, verbal derivation

1. Нанайский показатель движения с целью в типологической перспективе

Известно, что при глаголах движения целевая клауза часто оформляется иначе, чем при глаголах других семантических классов (см., например, [Schmidtke-Bode 2009: 179]). Так, в русском языке глаголы движения — и очень немногие другие, см. подробнее [Градинарова 2006], — допускают при себе не только обычное целевое придаточное, но и инфинитив *пошел делать* (но *?оделся делать*). В латыни при глаголах движения употребляется специализированная форма супина (*eo factum*). В некоторых языках Мезоамерики глаголы движения в целевых конструкциях сами проявляют признаки грамматикализации (к примеру, в языке цоциль [Aissen 1984; 1994] или олютек [Zavala Maldonado 2000]).

Следующим звеном в этой цепочке представляется ситуация, когда значение движения с целью обслуживается морфологическими средствами и на месте финитного глагола движения оказывается аффикс, который присоединяется к глаголу, выражающему цель. Эта ситуация также засвидетельствована в языках мира, но (по крайней мере, в чистом виде) встречается, насколько мы можем судить, редко. Пример такой (или близкой) стратегии наблюдается в тунгусо-маньчжурских языках. В работе она будет рассмотрена на материале одного из южно-тунгусских языков — нанайского, в котором значение ‘идти (двигаться) с целью сделать V’ выражается с помощью суффикса *-nda*[1], как в примере (1):

(1) *…Кеаŋа* *тата* *ən’uə-wə-ni* *gələ-**ndə**-m’* *aja*
Киана старуха котел-ACC-3SG просить-MPURP[2]-CVBSIM.SG хорошо
‘…**Пойдемте просить** котел у старухи Киана…’ (Авр., 16)[3]

Наличие подобных показателей позволяет рассматривать ‘движение с целью’ как отдельную типологически релевантную категорию, способную выражаться морфологическими средствами. Далее обозначение «движение с целью» будет использоваться в качестве рабочего термина для этой категории (и соответствующих показателей); ср. встречающийся в англоязычной литературе (скорее, применительно к синтаксическим целевым конструкциям) термин «motion-cum-purpose», а также более лаконичный, но несколько менее семантически прозрачный и, кажется, не прижившийся в типологической традиции термин «перегринатив», предложенный в [Мельчук 1998: 414].

Существует еще две категории, семантически близкие к категории ‘движения с целью’, которым в некоторых языках свойственно морфологическое оформление (обе, впрочем, также достаточно экзотические и слабоизученные). Это, во-первых, категория вентива/андатива, а во-вторых, категория «сопутствующего движения» (associated motion).

1) Показатели вентива/андатива (или итива) характерны для языков Африки разных групп (атлантических, чадских [Frajzyngier 1987], убангийских, нилотских, койсанских, см.

[1] Показатель *-nda*/*-ndə* (ряд гласного выбирается в зависимости от гласных корня, о других морфонологических вариантах см. ниже раздел 2.1) здесь и далее условно обозначается как *-nda*. То же касается других сингармонирующих суффиксов, упоминаемых ниже: суффиксы на *-o*/*-u* приводятся в варианте на *-o*, суффиксы на *-a*/*-ə* — в варианте на *-a*.

[2] Показатель движения с целью здесь и далее глоссируется как MPURP (от motion-cum-PURPose).

[3] Здесь и далее так помечаются примеры из сборника текстов [Аврорин 1986], указан номер текста. Примеры приводятся в латинской транслитерации, фонетическая транскрипция оригинала упрощена (см. примечание к следующему примеру), глоссы наши.

общий обзор в [Плунгян 2003]). В сочетании с глаголами перемещения они выражают дейктическое значение ‘туда’ (андатив) vs. ‘сюда’ (вентив). В сочетании же с глаголами других семантических групп они в некоторых языках дают то самое значение движения с целью, однако по-прежнему «склеенное» с дейктическим (‘прийти сюда, чтобы сделать’ vs. ‘пойти туда, чтобы сделать’). Такие показатели могут образовывать в языке систему из двух противопоставленных членов, но встречаются и одиночно. В языках Сибири — некоторых самодийских, чукотско-камчатских, эскимосско-алеутских и тунгусо-маньчжурских, см. [Волков, Стенин, в печати] — наблюдается промежуточный случай, когда показатель движения с целью дейктически окрашен, но собственно дейктического значения ‘туда’ vs. ‘сюда’ при глаголах перемещения выражать не может. Такие показатели, как кажется, наиболее близки к обсуждаемому в настоящей работе.

2) Морфологические показатели «сопутствующего движения» характерны для языков Австралии (см. [Koch 1984; Wilkins 1991; 2006] об арантских, [Koch, Simpson 1995] шире о языках Австралии) и Южной Америки (см. [Vuillermet 2012; Guillaume 2009; 2012] о таканских языках). Они указывают на то, что описываемая ситуация сопровождалась движением субъекта (‘сделать, пойдя’, ‘сделать на ходу’ и т. п.). Показатели сопутствующего движения, как правило, образуют целые системы, будучи противопоставлены по соотношению описываемой ситуации и ситуации движения во времени (‘ситуация до/после/во время движения’), а также по направлению движения (часто это, как и для вентива/андатива, дейксис — ‘туда/сюда’, но не только); о типологии «сопутствующего движения» см. [Guillaume 2013; Rose 2015]. К описываемым показателям движения с целью ближе всего показатели предшествующего движения (prior motion) ‘сделал пойдя, пошел сделал’. Иногда показатели движения с целью встраиваются в систему показателей сопутствующего движения (по крайней мере, в описаниях глаголы с показателями prior motion иногда переводятся как *пошел, чтобы сделать*, а не/не только *пошел и сделал*, см. [Guillaume 2012]), ср., однако, работу [Rose 2015], в которой специально оговаривается различие между показателями prior motion и показателями собственно движения с целью (их предлагается не включать в категорию сопутствующего движения). По понятным причинам показатели сопутствующего движения, в отличие от показателей вентива/андатива и так же, как и показатели движения с целью, не склонны сочетаться с самими глаголами движения.

Сказанное выше суммируется в таблице 1.

Таблица 1

Показатели движения с целью и смежные явления

	Сопутствующее движение	**Вентив/андатив**	**Движение с целью**
Значение	ситуация V сопровождается движением: ‘сделать, пойдя; сделать, идя; сделать и пойти’ и т. п.	‘прийти/уйти, прийти, чтобы сделать/ пойти, чтобы сделать’	‘идти, чтобы сделать’
(Семантически) центральная ситуация	V	движение	движение
Сочетаемость с глаголами перемещения	обычно не сочетается	при глаголах перемещения дейктическое значение (‘туда’ vs. ‘сюда’)	обычно не сочетается
N показателей	обычно большая система (соотношение ситуаций во времени + ориентация движения)	обычно пара: андатив (‘туда’) vs. вентив (‘сюда’), но возможен и одиночный показатель	1 показатель
Языки, для которых описана категория	Австралия, Южная Америка	Африка	—

Ср. также обзор и предложения по типологической классификации подобных показателей (с акцентом на дейктически окрашенных) в работе [Волков, Стенин, в печати].

Еще раз кратко продемонстрируем основные особенности нанайского показателя движения с целью *-nda*, отличающие его от прототипических показателей сопутствующего движения и показателей вентива/андатива. Ниже они будут рассмотрены более подробно.

1) Для глагола, оформленного показателем *-nda*, центральной (по крайней мере, семантически — насколько можно говорить о том же на уровне структуры, см. ниже) оказывается ситуация движения, а не целевая ситуация, как в случае показателей сопутствующего движения. Показатель содержит отчетливую собственно целевую семантику; в частности, отсутствует импликация о реализации ситуации-цели — ситуация-цель, как и в обычной целевой клаузе, ирреальна. Об этом свидетельствует возможность употребления *-nda* в контексте нереализованной цели, ср. (2a), хотя в контексте реализованной цели она, естественно, также возможна, ср. (2b):

(2) a. *simbi-ə* *xaj* *bələči-ndə-xəm-bi-ə* *un-ʒi*[4]
ты-ACC это помогать-MPURP-PST-1SG-ACC сказать-NPST
‘{Тетя, ты зачем приехала?} — Я приехала тебе помочь, говорит’ (тексты 2009—2013)[5], т. е. ‘уже приехала, но еще не помогла’[6].

b. *palan-dola* *sisox* *sisox* *sisox* *golʒon* *ʒuliə-či-ə-ni*
пол-LOC sisox sisox sisox очаг перед-DIR-OBL-3SG
tə-ndə-gu-xə-ni
сесть-MPURP-REP-PST-3SG
‘По полу идет… шаркая, и села перед печкой’ (Булг., 16, 178)[7].

2) В отличие от показателей андатива/вентива у нанайского *-nda* нет жесткой привязки к дейктическому противопоставлению: ср. примеры (1) ‘пойти сделать’ и (2a) ‘прийти (приехать) сделать’. Подробнее см. ниже в разделе 3. Кроме того, он с очень большими ограничениями сочетается с глаголами движения, а в том случае, когда это все же возможно, дейктического значения не дает (ср. семантически регулярное *tutundə-* ‘пойти побегать’ от глагола ‘бежать’ или идиоматизированное *niəndə-* ‘выйти по нужде’ от ‘выйти’).

2. Суффикс *-nda* в нанайском языке: общая информация

2.1. Морфология, синтаксическая структура

Нанайский показатель движения с целью имеет следующие фонетические реализации. При основах на гласный: в найхинском говоре *-nda* и *-ndə* (сингармонирующие варианты, выбираемые в зависимости от гласных корня), некоторые информанты используют также

[4] Используемая в работе запись нанайского материала в общих чертах повторяет (в латинской транслитерации) принятую нанайскую орфографию, основанную на фонологическом принципе (см. подробное ее описание в [Аврорин 1957]). Отдельные отступления в сторону большей ориентации на произношение сделаны в области вокализма: различаются [i] и [e], фиксируются случаи несоблюдения правил сингармонизма.

[5] Здесь и далее так помечаются тексты, собранные С. А. Оскольской, К. А. Шагал и автором в 2009—2013 гг.

[6] Этот тест противопоставляет, например, русскую конструкцию с инфинитивом *пришел сделать* и сериальную *пришел сделал* (см. [Weiss 2012]). Ср. пример (2b) с переводом *идет и села* при неприемлемости перевода *приехала (и) тебе помогла* в контексте (2a).

[7] Таким образом помечены тексты из сборника [Бельды, Булгакова 2012] (в скобках номер текста, номер страницы). Примеры из этого источника транслитерированы в латиницу из стандартной кириллической орфографии, глоссы наши.

вариант *-na*/*-nə*[8]; в горинском говоре *-ŋda*/*-ŋdə*. При основах на согласный: в найхинском говоре *-nda*/*-ndə*, наряду с ним вариант *-ni* (с усечением согласного основы), в горинском *-niŋda*/*-niŋdə*, подробнее об этом и о нерегулярном поведении при отдельных основах см. [Аврорин 1961: 61—62].

Этимологически показатель *-nda* связан предположительно с глаголом ‘идти’ (*ənə-* в современном нанайском), см. подробнее раздел 3, но на синхронном уровне представляет собой полноценный аффикс. В частности, он оказывается линейно ближе к корню, чем часть аспектуальных аффиксов, показатель каузатива и модальные аффиксы (см. [Оскольская 2014], см. также раздел 7 ниже).

Глагол с показателем *-nda* может выступать в двух разных синтаксических конструкциях.

1) Во-первых, он употребляется **независимо**, то есть просто оформляет глагол со значением ситуации-цели. Так, в (3) значение ‘пошел купаться’ выражается с помощью глагола ‘купаться’ (ситуация-цель) с показателем *-nda*.

(3) *gə* *əlbəsi-ndə-xən*
ну купаться-MPURP-PST
‘Ну и пошел купаться’ (тексты 2009—2013).

Часто в этом случае в предтексте (обычно в предыдущей клаузе) присутствует выраженный глагол движения:

(4) *duəntə-či* ***ənə-u***, *sučukə-ə* *gələ-ndə-u*
лес-DIR идти-IMP.2SG палка-ACC искать-MPURP-IMP.2SG
‘В лес сходи, поищи палку’ (тексты 2009—2013).

2) Во-вторых, он употребляется в особой деепричастной конструкции с выраженным глаголом движения — такое употребление ниже будем называть **плеонастическим**[9]. Конструкция состоит из «одновременного деепричастия» на *-mi*/*-mari* от смыслового глагола на *-nda* (в (5) букв. ‘идя убивать’) и финитного глагола движения (в (5) ‘пошли’):

(5) *sogdata-wa* *waa-nda-mi* *ənə-xə-či*
рыба-ACC убить-MPURP-CVBSIM.SG идти-PST-3PL
‘(Они) пошли ловить рыбу’, букв. ‘идя убивать пошли’ (тексты 2009—2013).

Без аффикса *-nda* то же деепричастие при глаголе движения цели не выражает (а выражает, как и всегда, действие, одновременное с данным):

(6) *sogdata-wa* *waa-mi* *ənə-xə-či*
рыба-ACC убить-CVBSIM.SG идти-PST-3PL
#‘пошли, ловя рыбу’

Целевая деепричастная конструкция с *-nda* возможна только при глаголах движения:

(7) *sogdata-wa* *waa-nda-mi* *adole-wa* *tao-go-xa-ni*
рыба-ACC убить-MPURP-CVBSIM.SG сеть-ACC делать-REP-PST-3SG
*‘починил сеть, чтобы ловить рыбу’ (#‘починил сеть, идя ловить рыбу’)

3) Сентенциальная цель при обычном глаголе выражается особой формой с показателем цели *-go*, формально тождественным дестинативному падежу существительного[10] (далее **стандартная целевая конструкция**):

[8] Этот вариант отмечается также в джуенском говоре нижнеамурского диалекта.

[9] Плеонастическое употребление показателя движения с целью в конструкциях с выраженным глаголом движения возможно и в других тунгусо-маньчжурских языках — например, в удэгейском, в некоторых диалектах эвенского. Ср. также указание на плеонастическое употребление андатива в ительменском языке в [Волков, Стенин, в печати].

[10] «Целевое деепричастие» в терминологии [Аврорин 1961].

(8) *mii* *nasaptom-ba* *təči-čə-i-i* *ulə-lə* *ičə-gu-i*
я очки-ACC носить-RES-NPST-1SG хорошо-COMP видеть-PURP-REFL.SG
‘Я ношу очки, чтобы лучше видеть’ (elicit, nchb)[11].

Для глаголов движения такая стратегия тоже доступна, ниже она будет рассмотрена как альтернатива целевым конструкциям с аффиксом *-nda*[12], это обычный способ оформления целевых отношений за пределами класса глаголов движения:

(9) *naonʒokan* *əusi* *ʒi-či-ni* *kəksə-ʒi* *xupi-gu-i*
мальчик сюда приходить-PST-3SG кошка-INS играть-PURP-REFL.SG
‘Мальчик пришел сюда, чтобы играть с кошкой’ (elicit, nchb).

Обе конструкции с *-nda* не допускают несовпадения субъектов ситуации движения и ситуации-цели, в том числе и плеонастическая деепричастная конструкция: деепричастная форма на *-mi*/*-mari* в нанайском языке в принципе не может иметь при себе субъект, отличный от субъекта главной клаузы. Стандартная целевая конструкция оформляет как клаузы с совпадением субъектов (тогда глагольная форма в целевой клаузе оформляется показателем рефлексива), так и с несовпадением субъектов — ‘X пошел, чтобы Y сделал’ (тогда глагольная форма согласуется по лицу и числу с субъектом целевой клаузы):

(10) *mii* *əusi* *ʒi-čim-bi* *sii* *kəksə-ʒi* *xupi-gu-ə-si*
я сюда приходить-PST-1SG ты кошка-INS играть-PURP-OBL-2SG
‘Я сюда пришел, чтобы ты поиграл с кошкой’.

Ср. также пример из текста, в котором целевая ситуация с совпадением субъектов выражена аффиксом *-nda*, а целевая ситуация с несовпадением субъектов — стандартной целевой конструкцией:

(11) *ča-wa* *bao-go-go-a-si* *gələ-ndə-xəm-bi* *un-ʒi*
что-ACC находить-REP-PURP-OBL-2SG просить-MPURP-PST-1SG говорить-NPST
‘Я пришел, чтобы ты его нашла, я пришел позвать тебя, говорит’ (букв. ‘пришел позвать, [чтобы ты его нашла]’) (Булг., 15, 170).

2.2. Основные задачи

Обсуждение данных нанайского языка, представленное ниже, распадается на две части (раздел 3 и разделы 4—7).

1) Первая часть посвящена собственно категории движения с целью. Насколько нанайский суффикс *-nda* близок к показателям сопутствующего движения и особенно вентива/андатива? Имеет ли смысл при описании таких показателей говорить об отдельной категории «движения с целью»? В связи с этим будет рассмотрен вопрос о дейктическом компоненте: интерпретация независимых употреблений, сочетаемость с разными глаголами движения для плеонастической конструкции.

2) Вторая часть посвящена особенностям событийной структуры подобных показателей. Насколько показатель движения с целью, будучи морфологическим показателем, сохраняет при этом семантико-синтаксическую автономность? В частности, имеет ли смысл считать, что глагол на *-nda* вводит единую нечленимую ситуацию или две отдельные ситуации — и если две, то ведут ли они себя как главная и зависимая или как структурно и семантически симметричные?

[11] Здесь и далее: элицитированный пример, код информанта.

[12] В дестинативной конструкции также возможно плеонастическое употребление *-nda*, однако это маргинальная стратегия (несколько более распространенная в горинском говоре), и подробно она обсуждаться не будет (отдельные замечания о ней см. в разделе 3).

Подобный вопрос часто возникает при анализе синтаксически редуцированных структур, таких как конструкции со вспомогательными глаголами или сериальные конструкции. Применительно к ним его рассматривают в терминах би-/моноклаузальности или говорят о союзе клауз (clause union), имея в виду, что биклаузальная структура приобретает все или некоторые свойства моноклаузальной, см., например, общее обсуждение процесса синтаксической редукции полипредикативных структур разных типов в [Givón 2009: 61—96]. Предполагается, что на семантическом уровне, соответственно, за моноклаузальной структурой стоит единая ситуация, а за полипредикативной — две. Этот же вопрос встает и в связи с некоторыми морфологическими показателями; исследовался он, в частности, на примере морфологических каузативов. Применительно к ним о количестве клауз речь, разумеется, не идет, но проблема количества ситуаций, задаваемых пусть и единой клаузой (в этом случае о ней говорят как о проблеме собственно событийной структуры, event structure), остается. В частности, обнаруживаются свидетельства того, что разные показатели каузатива с этой точки зрения ведут себя неодинаково: про одни удобнее считать, что оформленный ими глагол задает единую ситуацию, про другие — что две, см., например, детальный обзор теоретических подходов к проблеме событийной структуры каузатива и рассмотрение с этой точки зрения материала карачаево-балкарского языка в [Лютикова и др. 2006: 82—92, 125 и далее]. Морфологические показатели движения с целью, представляя собой куда более экзотическое явление, позволяют рассмотреть эту — уже известную — проблематику в новом ракурсе, ср. указание на актуальность подобной задачи применительно к показателям со схожей семантикой в чукотско-камчатских языках в [Волков, Стенин, в печати]: «Если такой взгляд оправдан, то немедленно встает вопрос о том, каким образом сложная событийная структура андатива ведет себя по отношению к различным тестам, направленным на выявление структуры события. ⟨…⟩ В настоящий момент мы, к сожалению, не располагаем соответствующими данными, так что это остается задачей будущего»[13].

Нанайский материал для этого особенно удобен, поскольку здесь мы имеем дело сразу с двумя средствами, обслуживающими значение, про которое сложно сказать однозначно, осмысляется ли оно как однособытийное или как двусобытийное, — морфологическим (независимое употребление *-nda*) и морфосинтаксическим (деепричастная конструкция с *-nda*). Это позволяет, во-первых, привлечь аргументы разного рода при анализе (морфологические — для независимого употребления *-nda*, синтаксические — для деепричастной конструкции), во-вторых, сопоставить эти два средства друг с другом. Дополнительно можно сравнить оба эти средства с очевидно полипредикативной и двусобытийной стандартной целевой конструкцией.

Ниже обсуждаются следующие параметры, позволяющие оценить показатель *-nda* с точки зрения дву-/однособытийности задаваемого им значения:

а) аргументная структура: аргументы ситуации-цели и ситуации движения при финитном глаголе на *-nda* и в деепричастной конструкции (раздел 4);
б) интерпретация адвербиальных выражений (раздел 5);
в) взаимодействие с отрицанием (раздел 6);
г) взаимодействие с другими деривационными показателями (раздел 7).

Одно-/двусобытийность и моно-/биклаузальность трактуются неформально — не как бинарное противопоставление, а как крайние точки на шкале, предполагающей возможность промежуточных случаев.

За пределами рассмотрения оказываются такие вопросы, как: а) лексическая сочетаемость показателя движения с целью и переносные значения, возникающие при лексемах,

[13] В качестве далекой типологической параллели можно упомянуть еще один тип редких морфологических показателей, изменяющих событийную (в том числе аргументную) структуру исходного предиката — показатели верификатива (‘проверить, верно ли, что V’) в некоторых нахско-дагестанских языках, см. обсуждение в этом ракурсе агульского и арчинского материала в [Даниэль, Майсак 2014].

не сочетающихся с его исходной семантикой (например, проспективные/инхоативные употребления при некоторых глаголах, см. [Мищенко 2014: 25]); б) механизмы диахронического развития показателя движения с целью (начиная употребляться в плеонастической конструкции, он проходит своего рода цикл грамматикализации, сопоставимый с циклом отрицания Есперсена, см. [van der Auwera 2009]); в) употребительность разных форм глагола с показателем движения с целью (см., например, обсуждение типологической выделенности императивов движения с целью в [Гусев 2013: 67—71]).

2.3. Материал исследования

В работе анализируются данные, полученные от носителей двух диалектов нанайского языка — среднеамурского диалекта (найхинский говор) и нижнеамурского диалекта (горинский говор). Часть данных собрана в ходе элицитации: от четырех носителей найхинского говора среднеамурского диалекта, с. Найхин (в примерах помечено кодами rab, ltk, nchb, ssb) и от двух носителей горинского говора нижнеамурского диалекта, с. Кондон (ras, tai). Часть данных взята из текстов. Использованы тексты, собранные С. А. Оскольской, К. А. Шагал и автором в 2009—2013 гг. (спонтанный устный нарратив, среднеамурский и нижнеамурский диалекты, ок. 12 000 слов), а также фольклорные тексты 1980-х — 1990-х годов из сборника [Бельды, Булгакова 2012] (найхинский и горинский говоры, ок. 27 000 слов) и несколько текстов 1940-х годов из сборника [Аврорин 1986] (тексты 13—24, найхинский говор среднеамурского диалекта, ок. 9 000 слов).

Среднеамурский и нижнеамурский диалекты достаточно близки и в рассматриваемой области значительных различий не обнаруживают. Изложенное ниже касается обоих диалектов, если не оговаривается обратное; незначительные несовпадения обсуждаются отдельно.

3. Вопрос о дейксисе и связи показателя движения с целью с глаголом *əпə-*

Выше в качестве важной особенности нанайского показателя движения с целью, позволяющей рассматривать его как особый показатель, отличный от описываемых в литературе показателей вентива/андатива или сопутствующего движения, отмечалось отсутствие в его значении отчетливой семантики глагольной ориентации, в частности дейктической. На самом деле вопрос о возможной (если не синхронной, то диахронической) связи *-nda* с дейксисом не так прост и требует более пристального рассмотрения (ср. краткое обсуждение аналогичного вопроса в удэгейском, где картина очень похожа, в [Волков, Стенин, в печати]). Для этого есть следующие основания.

1) Этимологически суффикс *-nda*, как уже было сказано, предположительно восходит к андативному глаголу ‘идти, уходить’ (*əпə-* в современном нанайском). Показатель движения с целью *-*naa* обнаруживается во всех тунгусо-маньчжурских языках, что позволяет отнести этап его морфологизации еще к пратунгусо-маньчжурскому уровню. Происхождение показателя из глагола ‘идти’ (**ŋənə-*, см. [Цинциус 1975: 169—170]) неоднократно упоминается в литературе (см., например, [Суник 1962: 126]), однако такая этимология не кажется самоочевидной, сталкивается с некоторыми проблемами и требует дополнительных комментариев. Что касается синтаксиса исходной конструкции, вероятнее всего, это сочетание финитного *ŋənə-* с деепричастием на *-mi* (‘делая идти’): V-*mi ŋənə* → V-*m ŋəə* → V-*mŋAA* → V-*nAA* (см. такое предположение еще в [Поппе 1931: 121] для солонского). Проблематичными, однако, кажутся следующие факты: а) аналогичный путь постулируется для еще одного показателя — **ŋaa* ‘будущее время’ (в нанайском *-ŋaa*, желательное наклонение) с более ожидаемым *ŋ*; б) неясно происхождение в нанайском (также в ульчском, но не в других тунгусо-маньчжурских) показателе *-nda* сегмента *d*; в) для нанайского показателя нет свидетельств ни синхронной, ни этимологической долготы, которую демонстрирует праформа

*-*naa*: глаголы на -*nda* относятся к типу спряжения, характерному для основ на краткий гласный. Подробное обсуждение всего вышесказанного см. в [Fuente 2011: 51 и далее]. С учетом этих оговорок далее в работе, тем не менее, принимается предположение о происхождении показателя -*nda* из глагола ‘идти, уходить’.

2) Для когнатов -*nda* в некоторых тунгусо-маньчжурских языках все же имеет смысл говорить о дейктическом противопоставлении (и трактовать их, таким образом, как показатели андатива/вентива, а не более общие показатели движения с целью). Так, в письменном маньчжурском [Аврорин 2000: 173] противопоставлены «порода отбытия» -*na*/-*nə* (‘пойти сделать’) и «порода прибытия» -*nǯi* (‘прийти сделать’).

Все это заставляет и от нанайского -*nda* ожидать как минимум каких-то рудиментов андативной семантики.

Анализируя **независимые употребления -*nda*** при финитном глаголе, можно полагаться только на семантическую интерпретацию того или иного глагола. Для текстовых примеров это на практике означает, что мы ориентируемся преимущественно на русский перевод и отчасти на более широкий контекст; не всегда, однако, можно быть полностью уверенными в корректности интерпретации. Наличие у -*nda* не только андативных, но и очевидно вентивных употреблений иллюстрируется примерами типа (12), (13), ср. также пример (2а) выше. В (13) на бесспорно вентивное прочтение указывает дейктическое наречие *əusi* ‘сюда’:

(12) *gaki, mii sin-či xupi-ndə-xəm-bi*
ворона я ты-DIR играть-MPURP-PST-1SG
‘Ворона, я пришла к тебе поиграть!’ (Авр., 13), персонаж уже находится у вороны.

(13) *ičə-ndə-su-j-pu əusi əmuə-kəm-bə*
видеть-MPURP-IPFV-NPST-1PL сюда люлька-DIM-ACC
‘Приходим сюда (в музей) смотреть люлечку’ (тексты 2009—2013).

Плеонастическая деепричастная конструкция, которая требует выраженного глагола движения, является в этом отношении более удобным материалом для анализа. В нанайской глагольной системе дейктическое противопоставление выражается лексически: есть «андативные» глаголы (в семантику которых входит значение ‘отсюда’): *ənə-* ‘идти, уходить’, *ənu-* ‘уходить’, *too-* ‘уходить (в лес)’; есть «вентивные» (в семантику которых входит значение ‘сюда’): *ǯi-* ‘приходить’, *ǯiǯu-* ‘возвращаться (сюда)’; и есть нейтральные с этой точки зрения: например, *ii-* ‘входить’ (‘отсюда/сюда’), *niə-* ‘выходить’ (‘отсюда/сюда’). Проверив, какие глаголы движения употребляются в деепричастной конструкции с показателем -*nda*, можно понять, является ли суффикс -*nda* дейктически ориентированным — и в целом насколько широкий круг пространственных интерпретаций он допускает.

Соответствующие данные приводятся в таблице 2: отдельно по найхинскому говору среднеамурского диалекта и отдельно по горинскому говору нижнеамурского диалекта, поскольку в этой области обнаруживаются междиалектные различия.

Таблица 2

Оценка плеонастической конструкции с разными глаголами движения носителями горинского и найхинского говоров

Класс глаголов	Глагол в деепричастной конструкции	Найхинский говор	Горинский говор
андативные	V-*nda-mi ənə-* ‘идти, уходить’	ок	ок
	V-*nda-mi ənu-* ‘уходить’	ок	ок
	V-*nda-mi too-* ‘уходить (в лес)’	ок	ок

Класс глаголов	Глагол в деепричастной конструкции	Найхинский говор	Горинский говор
вентивные	V-*nda-mi ǯi-* ‘приходить’	OK	?
	V-*nda-mi ǯiǯu-* ‘возвращаться (сюда)’	OK	?
нейтральные: способ движения	V-*nda-mi tutu-* ‘бежать’	OK	?
	V-*nda-mi dəgdə-* ‘лететь’	OK	?
нейтральные: с локализацией IN	V-*nda-mi ii-* ‘входить’	OK	?
	V-*nda-mi niə-* ‘выходить’	OK	?
нейтральные: *ese-*	V-*nda-mi ese-* ‘доходить до, добираться, достигать’	*	*

Употребления с андативными глаголами (*ənə-*, *ənu-*, *too-*) признаются допустимыми носителями обоих говоров. Употребления с вентивными глаголами (*ǯi-*, *ǯiǯu-*), доказывающие отсутствие дейктического компонента в семантике *-nda*, свободно допускаются и порождаются носителями найхинского говора, см. (14); носителями же горинского говора (в котором плеонастическая деепричастная конструкция в целом менее употребительна) такие употребления оцениваются как сомнительные.

(14) *nai* *waa-ri-ni* *bəjun* *nai* *ǯook-če-a-ni*
человек убивать-NPST-3SG зверь человек дом-DIR-OBL-3SG
xa-nda-mi *ǯi-ǯə-rə*
что.делать-MPURP-CVBSIM.SG прийти-FUT-3SG
‘Зачем (= чтобы что делать) придет в дом человека зверь, которого люди убивают?’ (Авр., 17)

То же касается нейтральных с точки зрения дейктической ориентации глаголов способа движения (типа *tutu-* ‘бежать’) и глаголов с локализацией IN (*ii-* ‘войти’, *niə-* ‘выйти’). При этом независимые употребления с не-андативной интерпретацией в горинском говоре встречаются, см. пример (13) выше.

Отдельный сюжет, затрагивающий дейктическое противопоставление, связан с употреблением *-nda* в **стандартной целевой конструкции** (см. раздел 2) с глаголом движения, где также иногда разрешается плеонастическое употребление *-nda*. Оно, напротив, более свободно порождается носителями горинского говора — без ограничений на финитный глагол движения. Носители же найхинского говора признают такие употребления только с глаголом *ənə-* ‘идти, уходить’ (возможно, также другими андативными), но не *ǯi-* ‘приходить’:

(15) *n’oani* *xupi-gu-i* / OK*xupi-ndə-gu-i* *ənə-xə-ni*
он играть-PURP-REFL.SG / играть-PURP-MPURP-REFL.SG идти-PST-3SG
‘Он пошел играть’ (elicit, nchb).

(16) OK*n’oani* *xupi-gu-i* / ???*xupi-ndə-gu-i* *ǯi-či-ni*
он играть-PURP-REFL.SG / играть-PURP-MPURP-REFL.SG приходить-PST-3SG
‘Он пришел поиграть’ (elicit, nchb), *xupi-ndə-gu-i* возможно только с интерпретацией: #‘Пришел, чтобы потом пойти поиграть’.

Данные текстов предоставляют следующее дополнение к описанной выше картине. Андативная интерпретация оказывается более частотной, чем вентивная, как для независимого употребления, так и для деепричастной конструкции[14]; глагол *ənə-* лидирует по частотности употребления в деепричастной конструкции (48 % употреблений), см. таблицу 3.

[14] Незначительное преобладание андативных примеров в плеонастической конструкции по сравнению с независимым употреблением статистически незначимо (точный критерий Фишера, $p = 0{,}3589$).

Таблица 3

Пространственная интерпретация *-nda*: тексты

	Интерпретация *-nda*		
	андативная (≈ ‘пойти, чтобы’)	**вентивная** (≈ ‘прийти, чтобы’)	**прочее**[15]
Независимое употребление	71 (60 %)	23 (20 %)	23 (20 %)
Плеонастическая конструкция	29 (69 %)	7 (17 %)	6 (14 %)
Глагол в плеонастической конструкции	*əпə-* ‘идти’ (20), *əпи-* ‘уходить’ (2), *too-* ‘идти (в лес)’ (3) и др.	*ǯi-* ‘приходить’ (6) и др.	*niə-* ‘выходить’ (3), *ii-* ‘входить’, *dao-* ‘переходить’, *pulsi-* ‘ходить’ (1)

Однако в связи с данными таблицы 3 встает вопрос о частотности андативных/вентивных контекстов в языке в целом, так как можно предположить, что асимметрия, наблюдаемая у показателя движения с целью, не связана с семантикой самого показателя, а отражает более общую асимметрию. Для сравнения приведем данные по употреблению в тех же текстах (подвыборка текстов 2009—2013 гг.) основного андативного глагола *əпə-* и основного вентивного *ǯi-*. Андативный глагол действительно оказывается почти вдвое частотнее: *əпə-* — 150 употреблений, *ǯi-* — 82 употребления. Если сопоставить эти цифры с цифрами из таблицы 3, то разница в распределении андативных/вентивных контекстов между ними и приведенными для показателя движения с целью оказывается незначимой[16].

Таким образом, можно сказать, что суффикс *-nda* действительно дейктически нейтрален на синхронном уровне. При этом в некоторых аспектах он все же обнаруживает наиболее тесную семантическую связь с глаголом *əпə-* (андативным), ср. употребление в деепричастной конструкции в горинском говоре и в стандартной целевой конструкции в найхинском. Можно предположить для него следующий сценарий расширения круга пространственных контекстов:

(17) контексты глагола *əпə-* → другие андативные контексты → вентивные контексты и прочие (*войти*, *выйти*)[17]

Отдельный вопрос касается того, почему именно андатив, а не вентив, оказывается выделенным (и не только в нанайском и других тунгусо-маньчжурских языках, см., например, в [Волков, Стенин, в печати] обсуждение материала чукотско-камчатских языков, в которых представлен единственный дейктически окрашенный аффикс со значением ‘двигаться с целью’, причем андативный, но не вентивный). Во-первых, выше уже упоминалось, что андативные контексты сами по себе, видимо, употребительнее вентивных. Во-вторых, что более значимо, они, как кажется, легче сочетаются с семантикой цели. В случае вентивной ситуации ‘прийти’ акцентируется конечная точка в пространстве (‘к говорящему’) и, тем

[15] В этот столбец попали употребления, для которых дейктическая интерпретация неочевидна из контекста. Употребления с дейктически нейтральными глаголами типа *niə-* ‘выходить’ (и независимые употребления, переведенные на русский язык дейктически нейтральными глаголами), для которых она может быть однозначно установлена из контекста, рассортированы по предыдущим двум столбцам.

[16] Точный критерий Фишера, $p = 0{,}0670$ для независимого употребления, $p = 0{,}0855$ для плеонастической конструкции. Спасибо анонимному рецензенту журнала «Вопросы языкознания», указавшему нам на необходимость такой проверки.

[17] О том, какие из этих контекстов *-nda* осваивает раньше, по нашим данным с уверенностью судить нельзя.

самым, результирующая временная фаза. В случае с андативной ситуацией ‘пойти, уйти’, наоборот, акцентируется исходная пространственная точка (‘от говорящего’) и начальная фаза ситуации, результирующая же остается вне наблюдения говорящего, см. [Fillmore 1971; Падучева 2004: 373 и далее] и др. Точно так же вне его наблюдения в прототипическом случае находится ирреальная ситуация цели (следующая за результирующей фазой ситуации-предпосылки).

4. Аргументная структура

Нанайский показатель *-nda* интересен с типологической точки зрения еще и своей аргументной структурой, которая отчасти наследуется от исходного глагола (ситуация-цель), а отчасти повторяет аргументную структуру глагола движения (ситуация движения)[18]. С диахронической точки зрения это можно рассматривать как рудимент той стадии, когда *-nda* представлял собой не морфологизованную единицу, а полноценный глагол движения с собственными аргументами. На синхронном же уровне *-nda* можно, таким образом, в определенном смысле сопоставлять с показателями актантной деривации.

Возможность выражения тех или иных участников ситуации-цели и ситуации движения при глаголе на *-nda* может служить одним из критериев в дискуссии об одно-/двусобытийности задаваемой им семантической структуры.

4.1. Независимое употребление

Аргументы **исходного глагола** всех типов свободно выражаются при глаголе на *-nda* без изменений в морфологическом оформлении, ср. *piktəəni* ‘его ребенка’ и *asegoasi* ‘тебе в жены’ при глаголе *gələ-* ‘просить’ в (18) и (19):

(18) *...mii* *ase-go-a-si* *Каа* *тара* *piktə-ə-ni* *gələ-ndə-əm-bi*
я жена-DEST-OBL-2SG Каа старик ребенок-ACC-3SG просить-MPURP-ASSERT-1SG
‘…я пойду просить для тебя в жены дочь старика Каа’ (Авр., 17).

(19) OK*mii* *ase-go-a-si* *Каа* *тара* *piktə-ə-ni* *gələ-əm-bi*
я жена-DEST-OBL-2SG Каа старик ребенок-ACC-3SG просить-ASSERT-1SG
‘Прошу для тебя в жены дочь старика Каа’.

Семантические роли, характерные для **ситуации движения** (конечный пункт, начальный пункт, путь), также могут быть выражены при глаголе на *-nda* (с обычным для них морфологическим оформлением). Ср. аргумент с ролью конечного пункта движения *sun-či* ‘вы-DIR’ в (20), ожидаемый при глаголе движения (21), но не при исходном глаголе *polče-* ‘греться’:

(20) *ээ,* *sun-či* *polče-nda-mi* *aja=nu*
старшая.сестра вы-DIR греться-MPURP-CVBSIM.SG хорошо=Q
‘Старшая сестра, можно к вам войти погреться?’ (Авр., 18)

(21) OK*sun-či* *ii-xə-ni* / *ənə-xə-ni* / *ʒi-či-ni…*
вы-DIR входить-PST-3SG / идти-PST-3SG / приходить-PST-3SG
‘вошел/пошел/пришел к вам’

Возможно и сочетание аргументов обоих типов при одном глаголе:

[18] «Смешанная» аргументная структура характерна и для когнатов *-nda* в других тунгусо-маньчжурских языках, а также для «андативного» показателя в чукотско-корякских языках, см. обсуждение в [Волков, Стенин, в печати].

(22) *ičə-ndə-su-j-pu* *əusi* *əmuə-kəm-bə*
видеть-MPURP-IPFV-NPST-1PL сюда люлька-DIM-ACC
‘Приходим **сюда** (в музей) (Arg_Mot) смотреть **люлечку** (Arg_V[19])’ (тексты 2009—2013).

(23) *əktə-səl* *exon-ʒia* *xoton-či* *goj* *pokto-la*
женщина-PL деревня-ABL город-DIR другой дорога-LOC
amtaka-wa *xodase-na-xa-či*
ягода-ACC продавать-MPURP-PST-3PL
‘Женщины поехали продавать **ягоды** (Arg_V) **из деревни** (Arg_Mot) **в город** (Arg_Mot) **по другой дороге** (Arg_Mot)’ (elicit, nchb).

В ситуации-цели и ситуации движения, составляющих семантику глагола на *-nda*, есть один общий участник — с ролью конечного пункта в ситуации движения и ролью места в ситуации-цели.

(24) *xoton-**do*** *tačeo-či-i-ni*
город-DAT учиться-IPFV-NPST-3SG
‘учится в городе’ — место: датив;

(25) *xoton-**či*** *ənə-xə-ni*
город-DIR идти-PST-3SG
‘поехал в город’ — конечный пункт: директив

При глаголе на *-nda* этот участник скорее оформляется как конечный пункт, чем как место, т. е. глагол на *-nda* ведет себя в этом смысле как глагол движения, а не как исходный глагол:

(26) [OK]*xoton-či* / [???]*xoton-do* *tačeo-če-nda-xa-ni*
город-DIR / город-DAT учиться-IPFV-MPURP-PST-3SG
‘поехал учиться в город(е)’[20] (elicit, ras)

При оформлении участника как места может использоваться стандартная целевая конструкция:

(27) *xoton-do* *tačeo-če-go-i* *ənə-xə-ni*
город-DAT учиться-IPFV-PURP-REFL.SG идти-PST-3SG
‘поехал, чтобы учиться в городе’ (elicit, ras)

В примере (26) участник *xoton-* ‘город’ при глаголе движения и при глаголе *tačeoče-* ‘учиться’ имеет разный статус с точки зрения синтаксической обязательности. Если участник-место заполняет валентность исходного глагола (как при глаголе *balʒe-* ‘жить’), примеры с дативом оцениваются как приемлемые (но все равно избегаются):

(28) *goj* [OK]*boa-du* *balʒe-nda-xa-ni*
другой место-DAT жить-MPURP-PST-3SG
‘уехал, чтобы жить в другом месте’ (elicit, nchb)

Еще одна точка потенциальной конкуренции — выражение участника с ролью конечного пункта при дериватах на *-nda* от глаголов движения (от которых это в принципе возможно). В этом случае участник с ролью конечного пункта есть и у ситуации движения, задаваемой суффиксом *-nda*, и у ситуации-цели. Именная группа, оформленная директивным падежом (как участник с ролью конечного пункта), в такой ситуации допустима и получает интерпретацию

[19] Как Arg_V помечены аргументы исходного глагола, как Arg_Mot — аргументы, характерные для глагола движения.

[20] Ср. перевод: аналогичная тенденция в русской целевой инфинитивной конструкции при глаголах движения.

‘конечный пункт ситуации движения’, но не *‘конечный пункт ситуации-цели’, ср. (29); выражение обоих участников (две именных группы в директивном падеже) невозможно.

(29) *Najxin-či* *solo-nda-xa-či*
Найхин-DIR плыть.вверх-MPURP-PST-3PL
‘приехали в Найхин, чтобы оттуда плыть вверх по реке’ (elicit, ssb)
*‘приехали, чтобы плыть вверх по реке в Найхин’

Следовательно, здесь мы наблюдаем точно такую же структурную асимметрию между ситуацией движения и ситуацией-целью, что и в случае, рассмотренном выше.

4.2. Плеонастическая деепричастная конструкция

В связи с деепричастной конструкцией возникает другой вопрос: к какому из компонентов относится тот или иной аргумент — к глаголу движения или к деепричастию, а также можно ли вообще ставить вопрос таким образом или стоит считать конструкцию движения с целью синтаксически «спаянной», а ее аргументы — относящимися ко всей конструкции в целом.

Аргументы могут по-разному линейно располагаться относительно деепричастной конструкции: а) находиться в препозиции ко всей конструкции — «слитная» конструкция (Arg *делая пойти*); б) находиться внутри деепричастной конструкции — «расщепленная» конструкция (*делая* Arg *пойти*, *пойти* Arg *делая*).

В отношении расщепленной конструкции (но не слитной) можно с уверенностью определить, к какому компоненту конструкции синтаксически относится аргумент.

Примеры (30) и (31) иллюстрируют возможности выражения **аргументов исходного глагола** (ситуации-цели). В (30) представлена слитная конструкция: дополнение *sogdata* ‘рыбу’ стоит в препозиции к конструкции *waandam’ ənəjni* ‘ловить идя, идет’. В (31) представлена расщепленная конструкция: дополнение *seagoi* ‘поесть/еды’ располагается после глагола движения в препозиции к деепричастию *gələnəmi* ‘искать идя’, от которого и зависит.

(30) *ame-n’=tani* *sogdata* *waa-nda-m’* *ənə-j-ni*
отец-3SG=a рыба убить-MPURP-CVBSIM.SG идти-NPST-3SG
‘А отец идет рыбу ловить’ (тексты 2009—2013).

(31) *ənu-u* *sea-go-i* *gələ-nə-mi*
идти-IMP.2SG есть-PURP-REFL.SG искать-MPURP-CVBSIM.SG
‘Иди поищи чего-нибудь поесть!’ (тексты 2009—2013)

Примеры типа (31) обращают на себя внимание со следующей точки зрения: стандартный порядок слов для нанайского, языка с достаточно последовательным левым ветвлением, — CVB + V, здесь же наблюдается инверсия: V + CVB (*идет… искать идя*). Можно предположить, что инверсия в конструкции на *-nda*, нехарактерная для деепричастий в целом, возникает именно потому, что обеспечивает возможность расщепить конструкцию — и сделать ее, таким образом, синтаксически прозрачной.

Пример (32) иллюстрирует выражение **участников ситуации движения** в деепричастной конструкции:

(32) *tuə-ri* *n’oači* *ǯok-če-a-či* *əgǯi* *siŋgərə-səl*
зима-ADJ они дом-DIR-OBL-3PL много крыса-PL
tuə-ri-ndə-gu-məəri *palan-či* *ii-xə-či*
зима-VBLZ-MPURP-REP-CVBSIM.PL пол-DIR войти-PST-3PL
‘Зимой в их дом, под пол много крыс пришло зимовать’ (Авр., 18).

В (32) два аргумента ситуации движения, оформленных директивным падежом (конечный пункт движения). Один из них — с более широким значением — *ǯok-či-* ‘в дом’ — употреблен

в препозиции к деепричастной конструкции и может интерпретироваться как относящийся ко всей ситуации движения с целью. Второй — с более узким значением — *palan-či* ‘под пол’ — употреблен в интерпозиции и относится непосредственно к ситуации движения. Выраженный участник ситуации движения при деепричастии (в расщепленной конструкции), скорее, не допускается: ???*iixəči palanči tuərindəgumməri*.

Таблица 4 показывает, что в текстах встречаются все перечисленные типы конструкций: с аргументом исходного глагола — слитная и расщепленная, с инверсией; с аргументами глагола движения — слитная и расщепленная с аргументом при глаголе движения.

Таблица 4

Порядок слов в плеонастической конструкции: тексты

Конструкция	N вхождений
Arg_V, слитная (*что-то делая пойти*)	15
Arg_V, расщепленная (*пойти что-то делая*)	8
Arg_Mot, слитная (*куда-то делая пойти*)	7
Arg_Mot, расщепленная (*делая куда-то пойти*)	8

Можно было бы ожидать, что при необходимости выразить участников ситуации-цели или ситуации движения скорее будет выбираться деепричастная конструкция, чем независимое употребление *-nda* при финитном глаголе. Данные выборки, представленные в таблице 5, свидетельствуют о том, что для участников ситуации-цели это не так: доли употреблений с выраженным участником сопоставимы для независимого употребления и для деепричастной конструкции. А участники ситуации движения действительно выражаются чаще в деепричастной конструкции[21].

Таблица 5

Выражение участников ситуации-цели и ситуации движения при независимом употреблении *-nda* и в плеонастической конструкции: тексты[22]

Независимое употребление *-nda*	
Arg_V	68[23] (59 %)
Arg_Mot	10 (9 %)
Плеонастическая деепричастная конструкция	
Arg_V	23 (55 %)
Arg_Mot	15 (36 %)

Таким образом, глагол на *-nda* демонстрирует сочетание аргументов, характерных для ситуации-цели и для ситуации движения. Это можно считать свидетельством в пользу двусобытийной интерпретации семантики *-nda*[24]. При этом ситуация-цель и ситуация движения не симметричны: а) участник с ролью места/конечного пункта оформляется по мо-

[21] Различие значимо, точный критерий Фишера, two-tailed $p = 0{,}0001$.

[22] При подсчете учитывалось наличие/отсутствие аргументов при данном глаголе на *-nda*, а не их количество (так, употребление типа *пошел искать девушку в жены* добавляет в строку Arg_V 1, а не 2). Аргументы ко всей ситуации движения с целью при подсчете не учитывались. Процент в скобках — от всех независимых (115)/плеонастических (42) употреблений.

[23] В эту же группу попали пять примеров, по которым не вполне понятно, к какой из ситуаций относится пространственное имя, типа (2b): *golǯon ǯuliəčiəni təndəguxəni* ‘пошла и села перед печкой/пошла к печке и (там) села’ (Булг., 16, 178).

[24] Другая возможность — считать, что перед нами единая ситуация, отличная от обеих исходных (ситуации движения и ситуации-цели), со своим собственным особым составом участников, который

дели глагола движения (как конечный пункт): свидетельство того, что ситуация движения структурно выше ситуации-цели; б) участник ситуации движения выражается реже, чем участник ситуации-цели: возможное свидетельство того, что морфологический показатель утрачивает синтаксические возможности, «доставшиеся» ему от его диахронического источника — глагола движения (впрочем, чисто механический подсчет кажется для этих целей достаточно грубым). Наблюдается тенденция к «расщепленному» оформлению плеонастической конструкции: свидетельство достаточной синтаксической (а тем самым и семантической) автономности ее компонентов — деепричастия смыслового глагола и глагола движения. Неприсоединение аргументов глагола движения к деепричастию на *-nda* говорит об определенной степени десемантизации показателя в плеонастической конструкции.

5. Интерпретация адвербиальных выражений

Разные адвербиальные выражения могут семантически соотноситься с ситуацией-целью или с ситуацией движения (или со всей ситуацией движения с целью, обычно сложно различить эти два случая), а также допускать несколько интерпретаций. По их поведению также можно судить о семантической структуре глагола на *-nda*.

Адвербиальные выражения, семантически **соотносимые с ситуацией-целью**, **но не с ситуацией движения**, такие как *ulən(ʒi)* ‘хорошо, как следует’, *n’aŋga* ‘немножко, слегка’, в независимой конструкции оцениваются как сомнительные (33a). В плеонастической конструкции, при деепричастии, — допускаются свободно (33b).

(33) a. ??*ulənʒi* *ʒobo-nda-xa-ni*
хорошо работать-MPURP-PST-3SG

b. ок*ənə-xə-ni* *ulənʒi* *ʒobo-nda-mi*
идти-PST-3SG хорошо работать-MPURP-CVBSIM.SG

‘Пошел, чтобы как следует поработать’ (elicit, nchb).

Адвербиальные выражения, семантически **соотносимые как с ситуацией-целью**, **так и с ситуацией движения**, как, например, *ʒuər časado(a)* ‘два часа’, *gojdami* ‘долго’ и т. п., в независимой конструкции признаются не всеми информантами: если признаются, то только с интерпретацией, при которой они относятся к ситуации-цели (*два часа работать*), интерпретация, при которой они относятся к ситуации движения (*два часа шел*), полностью исключена (34):

(34) ок/?*ʒuər* *časa-do-a* *ʒobo-nda-xa-ni*
два час-DAT-APPROX работать-MPURP-PST-3SG

ок‘пошел пару часов поработать’
*‘два часа шел на работу’ (elicit, nchb)

В деепричастной конструкции адвербиальные выражения этого типа употребляются при деепричастии, относясь к ситуации-цели (35), и при глаголе движения, относясь к ситуации движения, (36).

(35) *ənə-xə-ni* *ʒuər* *časa-do-a* *ʒobo-nda-mi*
идти-PST-3SG два час-DAT-APPROX работать-MPURP-CVBSIM.SG

‘пошел пару часов поработать’ (elicit, nchb)

(36) *ʒobo-nda-mi* *ʒuər* *časa-do-a* *ənə-xə-ni*
работать-MPURP-CVBSIM.SG два час-DAT-APPROX идти-PST-3SG

‘два часа шел на работу’ (nchb, elicit)

не имеет смысла рассматривать как результат комбинации двух исходных. Ср. подобную логику при анализе каузативов в [Kemmer, Verhagen 1994].

Интересный случай представляет собой наречие *turgən* ‘быстро, сразу’: для него можно различить, относится ли оно ко всей ситуации движения с целью (тогда реализуется значение ‘сразу’) или непосредственно к ситуации движения (тогда реализуется значение ‘с большой скоростью’). При независимом употреблении наречие *turgən* допустимо и интерпретируется как относящееся ко всей ситуации ‘движения с целью’ (‘сразу’):

(37) *turgən* *ʒobo-nda-xa-ni*
быстро работать-MPURP-PST-3SG
‘сразу пошел работать’/??‘пошел, чтобы быстро поработать’/*‘быстро (с большой скоростью) пошел работать’ (elicit, ltk)

В плеонастической конструкции оно также может быть употреблено и получает разные интерпретации в зависимости от линейной позиции (аналогично адвербиальным выражениям, описанным выше).

При этом даже приемлемые варианты, перечисленные выше, оцениваются информантами как синтаксически громоздкие, более предпочтительной признается стандартная целевая конструкция, (38), (39) и т. п.

(38) *ulənʒi* *ʒobo-go-j* *ənə-xə-ni*
хорошо работать-PURP-REFL.SG идти-PST-3SG
‘пошел, чтобы как следует поработать’ (elicit, nchb)

(39) *ʒuər* *časa-do-a* *ʒobo-go-j* *ənə-xə-ni*
два час-DAT-APPROX работать-PURP-REFL.SG идти-PST-3SG
‘пошел, чтобы пару часов поработать’ (elicit, nchb)

В таблице 6 суммируются данные по интерпретации и возможности употребления разных адвербиальных выражений при финитном глаголе на *-nda* и в деепричастной конструкции.

Таблица 6

Адвербиальные выражения при глаголах на *-nda*

Адвербиальное выражение	Независимое употребление	В сфере действия	Деепричастная конструкция	В сфере действия
‘хорошо’ и т. п.	?	(ситуация-цель)	OK	ситуация-цель (при CVB)
‘два часа’ и т. п.	?	ситуация-цель, *ситуация движения	OK	ситуация-цель (при CVB), ситуация движения (при V_Mot)
‘быстро/сразу’	OK	вся ситуация движения с целью	OK	вся ситуация (в препозиции), ситуация-цель (при CVB), ситуация движения (при V_Mot)

Таким образом, независимое употребление свободно допускает только адвербиальные выражения с однозначно «объемлющей» интерпретацией ‘ко всей ситуации движения с целью’. По отношению к адвербиалам, семантически совместимым с ситуацией движения и с ситуацией-целью, действует более жесткое ограничение — на интерпретацию ‘к ситуации движения’. Такая картина свидетельствует в пользу однособытийной трактовки *-nda*.

В деепричастной конструкции адвербиальные выражения разных типов употребляются более свободно, их интерпретация зависит от линейной позиции. Это говорит о достаточно низкой морфосинтаксической «спаянности» деепричастной конструкции с *-nda* и,

соответственно, о том, что на уровне семантикой структуры в конструкции отчетливо выделяются две отдельные ситуации. Отметим также, что деепричастие на *-nda* в плеонастической конструкции не проявляет признаков глагола движения (то же наблюдалось выше на уровне аргументной структуры).

6. Взаимодействие с отрицанием

При независимом употреблении *-nda* под отрицанием в сфере действия отрицания оказывается вся ситуация ‘движения с целью’. Применение оператора отрицания только к ситуации-цели или только к ситуации движения невозможно, ср. примеры с глаголом *умирать*, для которого прагматически приемлемы все три логически возможных сферы действия отрицания: ok NEG(MPURP(V)) — ‘не пошел умирать’, (40); *MPURP(NEG(V)) — ‘пошел, чтобы не умереть’ (используется стандартная конструкция, (41)); *NEG(MPURP)V — ‘[не пошел], чтобы умереть’ = ‘остался умирать’ (используется стандартная конструкция, (42)).

(40) *Mərgən* *bu-nində-ə-či-ni*
Мерген умирать-MPURP-NEG-NEG.PST-3SG
‘Мерген не пошел умирать’ (‘не пошел на верную смерть’) (elicit, ras).

(41) *Mərgən* *əm* *bu-də* *ta-go-j* *xaŋgisi* *ənu-xə-ni*
Мерген NEG умирать-NEG делать-PURP-REFL.SG туда уходить-PST-3SG
‘Мерген ушел отсюда, чтобы не умереть’ (elicit, ras).

(42) *Mərgən* *əj-du* *bur-pugu-j* *xaŋgisi* *ənu-ə-či-ni*
Мерген этот-DAT умирать-PURP-REFL.SG туда уходить-NEG-NEG.PST-3SG
‘Мерген никуда не ушел, чтобы умереть здесь’ (elicit, ras).

В плеонастической конструкции все комбинации с отрицанием оцениваются как сомнительные или невозможные: ?/ok CVB + Mot-NEG — если признается, то интерпретация NEG(MPURP(V)), (43); *CVB-NEG + Mot, (44); *CVB-NEG + Mot-NEG, (45).

(43) ?*ʒobo-nda-mi* *əčiə* *ənə-ə* / *ənə-ə-či-ni*
работать-MPURP-CVBSIM.SG NEG идти-NEG / идти-NEG-PST-3SG
?‘не пошел работать’ (nchb, elicit)

(44) **əm* *ʒobo-nda-a-mi* *ənə-xə-ni*
NEG работать-MPURP-NEG-CVBSIM.SG идти-PST-3SG

(45) **əm* *ʒobo-nda-a-mi* *ənə-ə-či-ni*
NEG работать-MPURP-NEG-CVBSIM.SG идти-NEG-PST-3SG

Что касается расположения показателя отрицания на деепричастии, то надо пояснить, что отрицательная форма деепричастия на *-mi*/*-mari* и в целом достаточно маргинальна и используется не всеми носителями. См. также в [Мищенко 2014] подробнее о взаимодействии с отрицанием модальных и близких к модальным категорий в нанайском языке.

Таким образом, независимая конструкция ведет себя в отношении взаимодействия с отрицанием как «однособытийная», к деепричастной же этот критерий оказывается применим не в полной мере.

7. Взаимодействие с другими деривационными показателями

Дополнительную информацию о степени морфологизации показателя движения с целью и задаваемой им семантической структуре можно извлечь из данных о линейной позиции *-nda* в составе словоформы и его взаимодействии с другими деривационными морфемами.

В ряду деривационных суффиксов *-nda* занимает промежуточное положение по степени удаленности от корня: он располагается правее некоторых аспектуальных показателей и левее показателей модальной и актантной деривации (о порядке аспектуальных аффиксов

см. [Оскольская 2014]). Семантическая сфера действия, как правило, соответствует линейному порядку. В плеонастической конструкции внешний по отношению к *-nda* показатель оказывается на глаголе движения, а внутренний — на деепричастии. Покажем это на примерах каузатива, с одной стороны, и двух имперфективаторов, с другой, а потом перейдем к более сложным случаям, не укладывающимся в такую модель.

Показатель каузатива *-wan*, **линейно и семантически внешний** по отношению к *-nda*, располагается строго справа от него и дает единственное значение ‘каузировать идти делать’ (*послать делать*), но не ‘пойти каузировать делать’:

(46) *mapa* медведь *mimbiə-wə* я-ACC *waa-go-ji* убить-PURP-REFL.SG *səgǯi-gu-j-ə* подстилка-DEST-1SG-EMPH *pose-nd-oaŋ-ki-ni* косить-MPURP-CAUS-PST-3SG

‘Меня медведь послал косить (букв. ‘заставил идти косить’), чтобы под меня подстелить ему {«чтобы было что под тебя подстелить, когда я тебя убью»}, тогда он меня убьет’ (Авр., 17).

В деепричастной конструкции каузативный суффикс прибавляется к глаголу движения, но не к деепричастию на *-nda* и дает, естественно, ту же самую интерпретацию с движением с целью в сфере действия каузатива:

(47) a. *ama* отец *mimbiə-wə* я-ACC *ǯobo-nda-mi* работать-MPURP-CVBSIM.SG *ənə-wəŋ-ki-ni* идти-CAUS-PST-3SG

‘Отец заставил меня пойти работать’ (elicit, ltk).

b. **ǯobo-nda-wa-mi* *ənə-xə-ni* (*CVB-CAUS + Mot)

c. **ǯobo-nda-wa-mi* *ənə-wəŋ-ki-ni* (*CVB-CAUS + Mot-CAUS)

Имперфективаторы *-či* и *-si*, **линейно и семантически внутренние** по отношению к *-nda*, располагаются слева от него в словоформе и входят в его семантическую сферу действия (‘пойти поделать’, но не *‘ходить сделать’). В деепричастной конструкции они остаются на деепричастии с той же интерпретацией.

(48) a. *təə-si-ndə-xə-ni* сесть-IPFV-MPURP-PST-3SG

b. *təə-si-ndə-mi* сесть-IPFV-MPURP-CVBSIM.SG *ənə-xə-ni* идти-PST-3SG

‘пошел посидеть’

Разберем более сложные случаи.

1) Дезидератив *-jča* (см. о нем подробнее [Мищенко 2014]), как и каузатив, занимает внешнее по отношению к показателю движения с целью положение: располагается в словоформе правее него и дает интерпретацию ‘хочет пойти делать’: *ǯobo-nda-jča-j-ni* ‘хочет пойти работать’, **ǯobo-jča-nda-j-ni*. Интересно его поведение в плеонастической деепричастной конструкции: здесь он может ожидаемым образом присоединяться к глаголу движения (49), давая интерпретацию с внешней сферой действия дезидератива, однако также может присоединяться и к деепричастию, и в этом случае *-jča* не вносит существенного вклада в результирующее значение конструкции. (50) означает просто ‘пошел играть’, а буквально ‘пошел желая пойти играть’. То есть можно считать, что дезидератив *-jča* и здесь включает в сферу действия *-nda* (‘желая пойти’), но не финитный глагол движения.

(49) *naonǯokan* мальчик *xupi-ndə-mi* играть-MPURP-CVBSIM.SG *ənə-jč-i-ni* идти-DESID-NPST-3SG

‘Мальчик хочет пойти поиграть’ (elicit, nchb).

(50) *naonʒokan* *xupi-ndə-jčə-mi* *ənə-xə-ni*
мальчик играть-MPURP-DESID-CVBSIM.SG идти-PST-3SG
‘Мальчик пошел играть’ (elicit, nchb).

Такое поведение *-jča* говорит о достаточной автономности компонентов плеонастической конструкции.

2) Имперфективатор *-so* — непродуктивный, сильно лексикализованный аффикс, его основные значения: мультипликатив и дистрибутив (см. [Аврорин 1961: 46]), ср. *jəwər-* ‘налить’, *jəwəri-su-* ‘разливать порциями’. К подобным дериватам на *-so*, как и к упомянутым выше имперфективным дериватам на *-či* и *-si*, *-nda* может прибавляться справа в качестве внешнего суффикса (‘пойти многократно делать’). Однако — что более неожиданно для аффикса с такой степенью «спаянности» с корнем (никакие другие суффиксы перед ним не вставляются) — возможен и линейный порядок *-nda-so*, при котором *-nda* входит в сферу действия *-so*. В этом случае *-so* получает не вполне обычный для него (и не зафиксированный практически ни в каких других употреблениях[25]) набор значений: а) хабитуалис (‘ходить делать’) и б) сингулятив ‘сходить сделать (и вернуться)’[26].

(51) *n’oani* *uj* *pulsi-xə-ni,* *gaa-ni-so-xa-ni* *amtaka-a*
он так ходить-PST-3SG собирать-MPURP-IPFV-PST-3SG ягода-ACC
‘так он и ходил, ходил собирать ягоды’ (elicit, tai)

(52) *čisəniə* *n’oani* *gaa-ni-so-xa-ni* *amtaka-a*
вчера он собирать-MPURP-IPFV-PST-3SG ягода-ACC
‘Вчера он сходил за ягодами’ (elicit, tai).

Можно было бы считать сочетание *-nda-so* рефлексом той стадии, когда *-nda* был автономным глаголом движения и сам присоединял показатель *-so* (нетривиальное же значение *-so* можно трактовать как результат взаимодействия его исходной семантики с семантикой глагола движения). Однако на синхронном уровне ни глагол *ənə-*, ни другие глаголы перемещения суффикс *-so* (с тем же или иным значением) не присоединяют. Дискуссию о сочетании когнатов *-nda* и *-so* в других тунгусо-маньчжурских языках (где оно может оказываться более «спаянным», чем в нанайском) см. в [Волков, Стенин, в печати][27].

В плеонастической конструкции на *-nda* употребление *-so* затруднено: ожидается, что он, как и другие внешние суффиксы, должен прибавляться к финитному глаголу, однако с обычными глаголами движения, как было сказано выше, он не сочетается вовсе.

3) Инхоативы *-lo* и *-psin*, очень близкие синонимы, при многих глаголах взаимозаменимые (см. о них [Оскольская, Стойнова 2012]), проявляют тем не менее различие во взаимодействии с показателем движения с целью. Рассмотрим их на примере глагола *ʒobo-* ‘работать’[28]. Сам глагол *ʒobo-* требует суффикса *-lo*, но не *-psin* (*ʒobo-lo-* ‘начать работать’, *ʔʒobo-psin-*). К основе *ʒobo-lo-* в свою очередь может присоединяться показатель *-nda* с объемлющей интерпретацией: *ʒobo-lo-nda-* ‘пойти начинать работу’. Обратный порядок аффиксов и включенная интерпретация *-nda* невозможны (**ʒobo-nda-lo-*).

[25] Нам известны только два глагола, дающих точно такую же интерпретацию, оба с семантикой движения с целью: *ʒima-* ‘ходить в гости’ и *ŋaa(n)i-* ‘идти за чем-то’, см. [Оненко 1980: 154, 284].

[26] Для формы настоящего (непрошедшего) времени сингулятивная интерпретация возможна с референцией к будущему.

[27] Единственное обнаруженное исключение — глагол *ŋaa(ni)-* ‘пойти за’. В одном из текстов встретилось употребление *ŋaaso-nda-ro* (сходить.за-MPURP-IMP.2SG) ‘сходи за (людьми своего селения)’ (Булг., 118), в котором *-so* располагается слева от *-nda*. В словаре [Оненко 1980: 285] упоминается дериват *ŋaaso-* (также *ŋaaniso-*, *ŋaanso-*) ‘ходить/сходить за’.

[28] В горинском говоре в этом значении употребляется другой глагол — *xawali-*, который ведет себя так же.

Суффикс *-psin*, наоборот, ведет себя как внешний: располагается правее в словоформе, дает объемлющую интерпретацию ‘отправиться делать’[29] (*ǯobo-nda-psiŋ-ki-ni* ‘отправился работать’, **ǯobo-pse-nda-xa-ni*), в плеонастической конструкции с той же интерпретацией присоединяется к глаголу движения (по крайней мере к *ənə-*).

(53) a. *ama* *ǯobo-nda-mi* *ənə-psiŋ-ki-ni*
отец работать-MPURP-CVBSIM.SG идти-INCH-PST-3SG
‘Отец отправился работать’ (elicit, ltk), см. также пример (55).

b. **ǯobo-nda-psi-mi* *ənə-xə-ni*
работать-MPURP-INCH-CVBSIM.SG идти-PST-3SG

c. **ǯobo-nda-psi-mi* *ənə-psiŋ-ki-ni*
работать-MPURP-INCH-CVBSIM.SG идти-INCH-PST-3SG

Требует дальнейшей проверки, возможно ли и внутреннее употребление *-psin* с глаголами, которые сами более охотно его принимают. Важнее различие в возможности *-lo* и *-psin* употребляться в линейно внешней позиции и с объемлющей сферой действия. Оно отражает различие в сочетаемости, характерное для глагола *ənə-* ‘идти’: последний принимает суффикс *-psin* (*ənə-psin-* ‘отправиться’), но не *-lo* (**ənə-lu-*).

4) Особым образом взаимодействует с показателем движения с целью показатель рефактива *-go* ‘обратно, снова’ (подробнее о его семантике см. [Оненко 1977]). Линейно он следует за показателем движения с целью (*niхəli-ndə-gu-xə-ni* ‘*пошел открывать*’[30]). Интерпретация его может быть как объемлющей (что соответствует линейному порядку: ‘опять (второй раз) [пошел открывать]’), так и включенной (т. е. противоречащей линейному порядку: ‘пошел [снова открывать (то, что до этого закрыли)]’). В плеонастической конструкции показатель рефактива оказывается на деепричастии (с глаголами *ənə-* и *ǯi-* показатель *-go* вообще не сочетается[31]), интерпретации те же. Примеры из текстов (54) и (55) иллюстрируют включенную и объемлющую интерпретации. В (54) *-nda* находится в сфере действия рефактива: ‘как обычно (т. е. повторно) [пошел смотреть]’; в (55), наоборот, рефактив в сфере действия *-nda*: ‘пошел [снова искать (потерянное)]’. Последний пример особенно интересен, поскольку рефактивный дериват *gələ-gu-* ‘искать (потерянное)’ от *gələ-* ‘искать’ до некоторой степени лексикализован, но несмотря на это показатель *-nda* вставляется между корнем и рефактивным аффиксом с сохранением значения.

(54) *tuj* *ta-pi* *Каа* *тара* *kaanto-ji*
так делать-CVBCOND Каа старик ловушка-REFL.SG
ičə-ndə-gu-mi *ənə-xə-ni*
смотреть-MPURP-REP-CVBSIM.SG идти-PST-3SG
‘Старик Каа [как обычно] пошел смотреть свою ловушку’ (Авр., 14).

(55) *totaraa* *тара* *soleka-wa* *gələ-ndə-gu-mi* *ənə-psiŋ-ki-ni*
потом медведь лисица-ACC искать-MPURP-REP-CVBSIM.SG идти-INCH-PST-3SG
‘Пошел медведь разыскивать лисичку {которая его обманула}…’ (Авр., 15)

Выше уже упоминалось, что глагол *ənə-*, по меньшей мере в современном нанайском, показателя *-go* не принимает, с этой точки зрения постпозиция *-go* по отношению к *-nda* (если предположить, что он не принимал его и на этапе грамматикализации *-nda*) тем более неожиданна.

[29] При этом включенная интерпретация ‘пойти начать делать’ неоднозначно оценивалась разными информантами. Вопрос требует дальнейшей проверки на текстовом материале.

[30] Порядок *-go-nda* оценивается некоторыми информантами как приемлемый наряду с данным, однако в текстах не засвидетельствован и кажется, как минимум, более маргинальным.

[31] Соответствующее значение для этих двух глаголов дают образования *ǯiǯu-* ‘приходить (обратно)’ и *əpu-* ‘уходить (обратно)’, на синхронном уровне не возводимые к сочетанию исходной основы с *-go*.

В таблице 7 обобщаются данные по взаимодействию показателя движения с целью с другими деривационными суффиксами.

Таблица 7

Взаимодействие -*nda* с показателями глагольной деривации

Показатель	Порядок	Интерпретация	В плеонастической конструкции
-*jča* (дезидератив)	-MPURP-X	иконичная[32]	+Mot, +CVB (разные интерпретации)
-*wan* (каузатив)	-MPURP-X	иконичная	+Mot
-*psin* (инхоатив)	-MPURP-X	иконичная	+Mot
-*lo* (инхоатив)	-X-MPURP	иконичная	+CVB
-*go* (рефактив)	-MPURP-X	иконичная, **антииконичная**	+CVB
-*so* (имперфектив)	**-mpurp-x (хаб.)/ -x-mpurp (мульт.)**	иконичная	???
-*či*, -*si* (имперфектив)	-X-MPURP	иконичная	+CVB

Можно следующим образом уточнить линейную позицию -*nda* в ряду деривационных аффиксов:

(56) имперфективаторы -*či* и -*si*, инхоатив -*lo* | -*nda* | инхоатив -*psin*, имперфективатор -*so*, рефактив, дезидератив, каузатив

Она свидетельствует о достаточно сильной морфологизации показателя движения с целью: целый ряд аффиксов с разной семантикой оказываются линейно правее -*nda*.

Если принимать, что показатель -*nda* восходит к глаголу движения (который и должен был в соответствии с их сферой действия принимать рассматриваемые показатели), это кажется вполне естественным. Загадкой остается только линейное положение рефактива, которое его семантической сфере действия не соответствует.

С особенностями источника грамматикализации -*nda* можно связывать различие в поведении инхоативов и, возможно, особое поведение имперфективатора -*so*. Следовательно, при продемонстрированной выше степени морфологизации показателя движения с целью, в его взаимодействии с другими деривационными показателями обнаруживаются рудименты прежнего более автономного статуса.

Плеонастическая конструкция по результатам морфологических тестов демонстрирует низкую степень «спаянности». Ни для одного из аффиксов невозможно механическое дублирование (логически представимое) на обоих компонентах конструкции. Маркирование аффиксом деепричастия или финитного глагола движения почти во всех случаях отражает семантическую сферу действия аффикса — это свидетельство в пользу утраты суффиксом -*nda* значения ‘движение’ в составе деепричастной конструкции (исключением является показатель рефактива, но это исключение можно объяснить формальным запретом на сочетаемость рефактивного суффикса с глаголами движения). Отдельным доказательством автономности компонентов деепричастной конструкции может служить лексикализованное употребление -*jča* на деепричастии.

8. Заключение

Из обсуждения выше следует, что нанайский -*nda* — это показатель движения с целью, не «склеенный» с дейктическим значением. Как кажется, есть основания выделять такие показатели в особый типологически релевантный класс глагольных аффиксов. Целесообразно

[32] Как «иконичная» обозначена интерпретация, при которой сфера действия показателей соответствует их линейному порядку.

рассматривать их скорее в ряду средств выражения цели, чем в ряду показателей, смежных с показателями глагольной ориентации.

Отдельно была рассмотрена проблема структуры ситуации, задаваемой показателем движения с целью, — вопрос о том, две ситуации он вводит (движение + ситуация-цель) или одну, ситуацию движения с целью. Значение движения с целью может оформляться в нанайском языке тремя разными средствами, различающимися морфосинтаксическими свойствами и дающими разные результаты в разного рода тестах: морфологическим показателем *-nda*, плеонастической конструкцией с деепричастием на *-nda* и финитным глаголом движения, а также (реже) стандартной конструкцией с целевым показателем. Результаты обсуждаемых тестов предположительно отражают степень семантической «спаянности» описываемой ситуации движения с целью (одно-/двусобытийность), что для синтаксических конструкций коррелирует со степенью собственно синтаксической «спаянности» (би-/моноклаузальностью). Одно-/двусобытийность понимается в работе не как бинарное противопоставление, а как континуум, положение в котором оценивается по нескольким независимым параметрам (тестам). В обобщающей таблице 8 для всех трех средств выражения значения движения с целью приведены результаты обсуждавшихся в работе тестов на одно-/двусобытийность.

Таблица 8

Оформление ситуации движения с целью: одна vs. две ситуации?

Название теста	Независимое употребление *-nda*	Плеонастическая конструкция с *-nda*	Стандартная целевая конструкция
Ирреальность S-цели (контекст нереализованной цели)	две ситуации	две ситуации	две ситуации
Требование односубъектности	одна	одна	две
Количество клауз	одна	две/одна	две
Аргументная структура	две	две	две
Адвербиальные выражения	одна (?)	две	две
Отрицание	одна	одна (?)	две
Деривация	одна/две	две	—

Из таблицы 8 видно, что стандартная целевая конструкция, как и предполагалось, бесспорно биклаузальна и двусобытийна, а независимое употребление *-nda* и плеонастическая конструкция располагаются в промежутке между отчетливо двусобытийной и потенциально представимой отчетливо однособытийной структурами, т. е. дают неоднозначный результат по совокупности тестов; важно, что неоднозначен он и для независимого употребления *-nda*. Финитный глагол на *-nda* проявляет при этом — что вполне закономерно — бóльшую семантическую «спаянность», чем плеонастическая деепричастная конструкция:

(57) *-nda* в независимом употреблении ← плеонастическая деепричастная конструкция с *-nda* ← стандартная целевая конструкция.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо
ABL — аблатив
ACC — аккузатив
ADJ — адъективатор
APPROX — аппроксиматив
ASSERT — утвердительное наклонение
CAUS — каузатив
COMP — компаратив
CVBCOND — условное деепричастие
CVBSIM — одновременное деепричастие
DAT — датив
DESID — дезидератив
DEST — дестинатив
DIM — диминутив

DIR	— директив	LOC	— локатив	PURP	— целевая форма
EMPH	— эмфаза	MPURP	— движение с целью	Q	— вопрос
FUT	— будущее время	NEG	— отрицание	REFL	— рефлексив
IMP	— императив	NPST	— непрошедшее время	REP	— рефактив
INCH	— инхоатив	OBL	— косвенный падеж	RES	— результатив
INS	— инструменталис	PL	— множественное число	SG	— единственное число
IPFV	— имперфектив	PST	— прошедшее время	VBLZ	— вербализатор

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Аврорин 1957 — Аврорин В. А. Основные правила произношения и правописания нанайского языка. Л.: Госучпедгиз РСФСР, 1957. [Avrorin V. A. *Osnovnye pravila proiznosheniya i pravopisaniya nanaiskogo yazyka* [The basic Nanai pronunciation and orthography rules]. Leningrad: Gosuchpedgiz RSFSR, 1957.]

Аврорин 1961 — Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1961. [Avrorin V. A. *Grammatika nanaiskogo yazyka* [A Nanai grammar]. Vol. II. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1961.]

Аврорин 1986 — Аврорин В. А. Материалы по нанайскому языку и фольклору. Л.: Наука, 1986. [Avrorin V. A. *Materialy po nanaiskomu yazyku i fol'kloru* [Materials in the Nanai language and folklore]. Leningrad: Nauka, 1986.]

Аврорин 2000 — Аврорин В. А. Грамматика маньчжурского письменного языка. СПб.: Наука, 2000. [Avrorin V. A. *Grammatika man'chzhurskogo pis'mennogo yazyka* [A written Manchu grammar]. St. Petersburg: Nauka, 2000.]

Бельды, Булгакова 2012 — Бельды Р. А., Булгакова Т. Д. Нанайские сказки. Norderstedt: Verlag der Kulturstiftung Sibirien/SEC Publications, 2012. [Bel'dy R. A., Bulgakova T. D. *Nanaiskie skazki* [Nanai fairy tales]. Norderstedt: Verlag der Kulturstiftung Sibirien/SEC Publications, 2012.]

Волков, Стенин, в печати — Волков О. С., Стенин И. А. Андатив и вентив в языках Сибири: к типологии глагольной ориентации // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Сборник статей к 80-летию А. П. Володина. [Volkov O. S., Stenin I. A. Andative and ventive in the languages of Siberia: Towards the typology of verbal orientation. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanii RAN. Sbornik statei k 80-letiyu A. P. Volodina* (in print)].

Градинарова 2006 — Градинарова А. Русский целевой бессоюзный инфинитив: условия употребления // Болгарская русистика. 2006. № 3—4. С. 11—20. [Gradinarova A. The Russian conjunctionless infinitive of purpose: Conditions of use. *Bolgarskaya rusistika*. 2006. No. 3—4. Pp. 11—20.]

Гусев 2013 — Гусев В. Ю. Типология императива. М.: Языки славянских культур, 2013. [Gusev V. Yu. *Tipologiya imperativa* [A typology of the imperative]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2013.]

Даниэль, Майсак 2014 — Даниэль М. А., Майсак Т. А. Грамматикализация верификатива: об одной агульско-арчинской параллели // Плунгян В. А. (гл. ред.) Язык. Константы. Переменные: Памяти Александра Евгеньевича Кибрика. СПб.: Алетейя, 2014. [Daniel' M. A., Maisak T. A. Grammaticalization of the verificative: An Agul-Archi parallel. *Yazyk. Konstanty. Peremennye: Pamyati Aleksandra Evgen'evicha Kibrika*. Plungian V. A. (ed.). St. Petersburg: Aleteiya, 2014.]

Лютикова и др. 2006 — Лютикова Е. А., Татевосов С. Г., Иванов М. Ю., Пазельская А. Г., Шлуинский А. Б. Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке. М.: ИМЛИ РАН. 2006. [Lyutikova E. A., Tatevosov S. G., Ivanov M. Yu., Pazel'skaya A. G., Shluinskii A. B. *Struktura sobytiya i semantika glagola v karachaevo-balkarskom yazyke* [Event structure and verb semantics in Karachay-Balkar]. Moscow: Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, 2006.]

Мельчук 1998 — Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Том II. М.; Вена: Языки русской культуры, Wiener Slawistischer Almanach, 1998. [Melčuk I. A. *Kurs obshchei morfologii* [A course in general morphology]. Vol. II. Moscow; Vienna: Yazyki Russkoi Kul'tury, Wiener Slawistischer Almanach, 1998.]

Мищенко 2014 — Мищенко Д. Ф. Модальность в нанайском языке // Выдрин В. Ф., Кузнецова Н. В. (ред.) От Бикина до Бамбалюмы, из варяг в греки. Экспедиционные этюды в честь Елены Всеволодовны Перехвальской. СПб: Нестор-История, 2014. С. 12—42. [Mishchenko D. F. Modality in Nanai. *Ot Bikina do Bambalyumy, iz varyag v greki. Ekspeditsionnye etyudy v chest' Eleny Vsevolodovny Perekhval'skoi*. Vydrin V. F., Kuznetsova N. V. (eds.). St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2014. Pp. 12—42.]

Оненко 1977 — Оненко С. Н. Значение суффикса *-го/-гу* в современном нанайском языке // Исследования по языкам народов Сибири (Сборник научных трудов). Новосибирск: Сибирское отд. АН

СССР, Институт истории, филологии и философии, 1977. [Onenko S. N. The meaning of the suffix *-go/-gu* in modern Nanai. *Issledovaniya po yazykam narodov Sibiri (Sbornik nauchnykh trudov)*. Novosibirsk: Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, The Institute for History, Philology and Philosophy, 1977.]

Оненко 1980 — Оненко С. Н. Нанайско-русский словарь. М.: Русский язык, 1980. [Onenko S. N. *Nanaisko-russkii slovar'* [Nanai-Russian dictionary]. Moscow: Russkii Yazyk, 1980.]

Оскольская, Стойнова 2012 — Оскольская С. А., Стойнова Н. М. Способы выражения начальной фазы действия в нанайском языке // Девяткина Е. М. (отв. ред.). Сборник научных статей по материалам 1-й конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых». М.: ИЯз РАН, 2012. [Oskol'skaya S. A., Stoinova N. M. Means of expression of the initial phase of action in Nanai. *Sbornik nauchnykh statei po materialam 1-i konferentsii-shkoly «Problemy yazyka: vzglyad molodykh uchenykh»*. Devyatkina E. M. (ed.). Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2012.]

Оскольская 2014 — Оскольская С. А. Морфологические свойства аспектуальных показателей в нанайском языке // Девяткина Е. М. (отв. ред.). Сборник научных статей по материалам 3-й конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых». М.: ИЯз РАН, Изд-во «Канцлер», 2014. [Oskol'skaya S. A. Morphological characteristics of aspectual markers in Nanai. *Sbornik nauchnykh statei po materialam 3-i konferentsii-shkoly «Problemy yazyka: vzglyad molodykh uchenykh»*. Devyatkina E. M. (ed.). Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Kantsler Publ., 2014.]

Падучева 2004 — Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянских культур, 2004. [Paducheva E .V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in the semantics of lexicon]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2004.]

Плунгян 2003 — Плунгян В. А. Африканские глагольные системы: заметки к типологии // Виноградов В. А., Топорова И. Н. (ред.). Основы африканского языкознания: Глагол. М.: Восточная литература, 2003. С. 5—40. [Plungian V. A. African verb systems: Notes for a typology. *Osnovy afrikanskogo yazykoznaniya: Glagol*. Vinogradov V. A., Toporova I. N. (eds.). Moscow: Vostochnaya Literatura, 2003. Pp. 5—40.]

Поппе 1931 — Поппе Н. Н. Материалы по солонскому языку. Л.: Изд-во АН СССР, 1931. [Poppe N. N. *Materialy po solonskomu yazyku* [Materials in the Solon language]. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1931.]

Цинциус 1975 — Цинциус В. И. (отв. ред.). Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. Л.: Наука, 1975. [Tsintsius V. I. (ed.). *Sravnitel'nyi slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov. Materialy k etimologicheskomu slovaryu* [A comparative dictionary of the Tungus languages. Materials for an etymologic dictionary]. Leningrad: Nauka, 1975.]

Суник 1962 — Суник О. П. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках: морфологическая структура и система форм глагольного слова. М.: Наука, 1962. [Sunik O. P. *Glagol v tunguso-man'chzhurskikh yazykakh: morfologicheskaya struktura i sistema form glagol'nogo slova* [The verb in the Tungus languages: Morphological structure and the system of verbal forms]. Moscow: Nauka, 1962.]

Aissen 1984 — Aissen J. Control and command in Tzotzil Purpose clauses. *Berkeley Linguistics Society*. 1984. Vol. 10. P. 559—571.

Aissen 1994 — Aissen J. Tzotzil auxiliaries. *Linguistics*. 1994. Vol. 32. P. 657—690.

van der Auwera 2009 — van der Auwera J. The Jespersen cycles. *Cyclical change*. Gelderen E. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 2009.

Fillmore 1971 — Fillmore Ch. J. How to know whether you're coming or going. *Linguistik 1971: Referate des 6. Linguistischen Kolloquiums*. Hyldgaard-Jensen K. (ed.). Frankfurt am Main: Athenäum, 1971. S. 369—379.

Frajzyngier 1987 — Frajzyngier Z. Ventive and centrifugal in Chadic. *Afrika und Übersee*. 1987. Vol. 70. No. 1. P. 31—47.

Fuente 2011 — Fuente A. *Tense, voice and Aktionsart in Tungusic. Another case of "analysis to synthesis"?* Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2011.

Givón 2009 — Givón T. *The genesis of syntactic complexity. Diachrony, ontogeny, neuro-cognition, evolution*. Amsterdam: John Benjamins, 2009.

Guillaume 2009 — Guillaume A. Les suffixes verbaux de « mouvement associé » en cavineña. *Faits de Langues*. 2009. Vol. 1. Pp. 181–204.

Guillaume 2012 — Guillaume A. Reconstructing the category of "associated motion" in Tacanan languages. *Historical Linguistics 2011: Selected papers from the 20th International conference on historical linguistics, Osaka, Juli 2011*. Kikusawa R., Reid L. A. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2012. Pp. 129—152.

Guillaume 2013 — Guillaume A. *Towards a typology of associated motion in South American languages and beyond*. Paper presented at ALT-2013, Leipzig, 2013.

Kemmer, Verhagen 1994 — Kemmer S., Verhagen A. The grammar of causatives and the conceptual structure of events. *Cognitive Linguistics*. 1994. Vol 5. No. 2. P. 115—156.

Koch 1984 — Koch H. The category of "associated motion" in Kaytej. *Languages in Central Australia*. 1984. Vol. 1. P. 23—34.

Koch, Simpson 1995 — Koch H., Simpson J. *Grammaticalisation of motion in Australian languages*. Paper presented at the Australian Linguistic Society, Canberra, 25 September 1995.

Rose 2015 — Rose F. Associated motion in Mojeño Trinitario: Some typological considerations. *Folia Linguistica*. 2015. Vol. 49. No. 1. P. 117—158.

Schmidtke-Bode 2009 — Schmidtke-Bode K. *A typology of purpose clauses*. Amsterdam: John Benjamins, 2009.

Vuillermet 2012 — Vuillermet M. Une typologie en cheminement: Contribution de l'ese ejja à l'étude du mouvement associé. *Revue de linguistique et didactique des langues* (*Numéro thématique « Typologie et description linguistiques »*). 2012. Vol. 46. Pp. 79—100.

Weiss 2012 — Weiss D. Verb serialization in northeast Europe: The case of Russian and its Finno-Ugric neighbours. *Grammatical replication and borrowability in language contact.* Wiemer B., Wälchli B., Hansen B. (eds.). Berlin: Walter de Gruyter, 2012. Pp. 611—646.

Wilkins 1991 — Wilkins D. The semantics, pragmatics and diachronic development of "associated motion" in Mparntwe Arrenrnte. *Buffalo Papers in Linguistics*. 1991. Pp. 207—257.

Wilkins 2006 — Wilkins D. Towards an Arrernte grammar of space. *Grammars of space: Explorations in cognitive diversity*. Levinson S., Wilkins D. (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006. Pp. 24—62.

Zavala Maldonado 2000 — Zavala Maldonado R. Olutec motion verbs: Grammaticalization under Mayan contact. *Proceedings of the 26th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Berkeley, CA: *Berkeley Linguistics Society*, 2000. P. 139—151.

Статья поступила в редакцию 26.01.2016.

С./Pp. 112—133 ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ 2016. № 4
Voprosy Jazykoznanija

СТАТИСТИЧЕСКИЙ МЕТОД КЛАССИФИКАЦИИ МЕТРОВ НЕКЛАССИЧЕСКОГО РУССКОГО СТИХА
(на материале так называемого «белого акцентного стиха» И. Бродского)*

© 2016 г.
Александр Михайлович Левашов[а, @], **Александр Владимирович Прохоров**[б]

[а] Российский государственный гуманитарный университет, Москва, 125267, Российская Федерация; [б] МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, 119991, Российская Федерация; [@] alexanderlevashoff@gmail.com

Исследуется распределение междударных интервалов (интервальная сетка) в 25 нерифмованных стихотворениях Иосифа Бродского, не укладывающихся в схемы классических силлабо-тонических размеров. Стихотворения разделяются на группы, однородные по распределению междударных интервалов. Описываются характерные метрические особенности каждой группы.
Ключевые слова: белый акцентный стих, верлибр, вольный дольник, интервальная сетка, Иосиф Бродский, метр, неклассический русский стих

A STATISTICAL APPROACH TO THE CLASSIFICATION OF RUSSIAN NON-CLASSICAL METERS
(a case study of Joseph Brodsky's so-called "blank accentual verse")

Alexander M. Levashov[a, @], **Alexander V. Prokhorov**[b]

[a] Russian State University for the Humanities, Moscow, 125267, Russian Federation; [b] Lomonosov Moscow State University, Moscow, 119991, Russian Federation; [@] alexanderlevashoff@gmail.com

The distribution of non-stressed intervals (the interval grid) is analyzed in 25 blank poems by Joseph Brodsky, which do not fit into the templates of classical accentual-syllabic meters. The poems are divided into groups according to interval grid structure. Metrical features of each group are described.
Keywords: blank accentual verse, interval grid, Joseph Brodsky, meter, non-classical Russian verse, open dol'nik, vers libre

Введение

В сборнике статей «Славянский стих IX» был опубликован в высшей степени интересный обзор Ю. Б. Орлицкого «Белый акцентный стих Иосифа Бродского». Определяя вектор развития поэтики Бродского как неоклассический и подкрепляя это утверждение цитатами из эссе поэта, Орлицкий указывает на распространенное мнение, «будто бы Иосиф Александрович неоднократно обращался [к верлибру] на протяжении всего своего творческого пути» [Орлицкий 2012: 117]. Такая рецепция творчества Бродского, по мнению автора обзора, объясняется тем, что «в корпусе стихотворений поэта обнаруживается

* Работа выполнена при поддержке грантов РФФИ №14-06-00034 «Метрическая структура русского дольника и типология его ритмических разновидностей: корпусно-статистический подход» (руководитель И. А. Пильщиков) и №16-06-00385 «Интегрированный подход к исследованию стиха: лингвистика и точные методы» (руководитель Т. В. Скулачева).

26 стихотворений, написанных вольным белым акцентным стихом — формой, чрезвычайно близкой к традиционному русскому верлибру, однако тем не менее отличающейся от него. Причем переход между этими стиховыми формами оказывается достаточно плавным, что и позволяет некоторым стиховедам говорить применительно к ним о переходных формах или же вообще не делать различия между ними» [Там же: 117—118]. Ученый выделяет и описывает релевантные признаки метрической структуры указанных 26 стихотворений.

Однако в статье не было произведено статистического обследования обсуждаемой выборки. Это, при известной размытости термина «белый акцентный стих», создает опасность смешения текстов различной метрической природы, точно установленными общими признаками которых являются только отсутствие рифмы и то, что ни один из них не укладывается в метрические схемы классических силлабо-тонических размеров. Такое статистическое обследование и стало целью настоящей статьи.

1. Понятие интервальной сетки

Определить размер стихотворения — значит дать формальное описание авторской интенции (ритмического образа, в соответствии с которым поэт располагает языковые ударения) в виде метрической схемы (в верлибре интенциональным принципом становится отказ от какой-либо метрической схемы; см. об этом [Лотман 1994: 79—82]). В случае с классической силлабо-тоникой и дольником такое описание сводится к выбору наиболее адекватной метрической схемы из числа отрефлексированных и почти не вызывает трудностей. Однако неклассические размеры, не имеющие продолжительной традиции употребления и используемые поэтами с высокой степенью индивидуальной свободы, могут сильно отклоняться от традиционных схем и, что важнее, образовывать группы, интенционально отличные как от других таких групп, так и от известных видов неклассического стиха (акцентного стиха, тактовика, верлибра и др.).

Составлению метрической схемы неустановленного размера в стиховедческой практике обычно предшествует анализ интервальной сетки — статистики распределения междударных интервалов — и группировка стихотворений, имеющих схожие сетки. В противном случае возникает риск объединения под одной метрической схемой стихотворений, различных по авторской интенции. Образцом такого анализа стало предпринятое М. Л. Гаспаровым исследование акцентного стиха Маяковского; см. [Гаспаров 1974: 398—468], ср. [Бейли 2004; Колмогоров 2015: 21—46].

Своеобразной интервальной сеткой обладает каждый размер русского стиха. Так, в двусложных размерах (ямб и хорей) метрически значимы (и поэтому наиболее частотны) междударные интервалы нечетной длины — 1-сложный, 3-сложный, 5-сложный и в особых случаях 7-сложный; в трехсложных размерах (дактиль, анапест, амфибрахий, трехсложник с вариациями анакрус) релевантными являются 2-сложный, 5-сложный и теоретически 8-сложный интервалы; в дольнике — 1-сложный, 2-сложный и, в случае пропуска ударения на икте, 4- и 5-сложный (3-сложные интервалы в этом типе русского дольника избегаются). Акцентный стих не устанавливает никаких специальных запретов на появление отдельных интервалов, однако М. Л. Гаспаров специально указывал, что наиболее типичным для акцентного стиха Маяковского является 90-процентное суммарное преобладание коротких (1-, 2- и 3-сложных) интервалов против (примерно) 75-процентного их содержания в прозе.

В двусложных и трехсложных силлабо-тонических размерах, а также в дольнике могут встречаться нерелевантные для этих типов стиха интервалы при появлении сверхсхемных ударений, однако частотностью этих интервалов по сравнению с ведущими в подавляющем большинстве случаев можно пренебречь. В таблице 1 приведены примеры интервальных сеток всех перечисленных типов стиха, а также сравнительные данные о художественной прозе (по результатам подсчетов Гаспарова, опубликованным в [Гаспаров 1974: 302]).

Таблица 1

Интервальные сетки стиха и прозы (по данным М. Л. Гаспарова)

Размеры	Интервалы, %									Господствующие интервалы, %	
	0	1	2	3	4	5	6	7	8		
Ямб	3,6	64,3	1,5	30,6	—	0,1	—	—	—	1+3	94,9
Амфибрахий	7,5	4,3	88,2	—	—	—	—	—	—	2	88,2
Дольник	—	35,4	61,3	0,8	2,5	—	—	—	—	1+2	96,7
Акцентный стих	3,2	32,5	45,0	13,7	4,3	0,9	0,3	0,02	—	1+2+3	91,2
Проза	7,1	25,4	27,9	21,6	12,4	4,2	0,9	0,3	0,2	1+2+3	74,9

2. Проблемы интерпретации

При анализе интервальных сеток необходимо учитывать две проблемы, обусловленные спецификой материала.

Во-первых, одному и тому же метру может соответствовать несколько интервальных сеток. Это связано с тем, что на распределение языковых ударений влияет не только метр стихотворения, но и его ритм (это влияние сильнее в неклассическом стихе; см. таблицу 1). Отделив стихотворение от метрической общности на основании несхожести интервальной сетки, необходимо проверить, не укладываются ли строки этого стихотворения в ту же метрическую схему, что и строки стихотворений метрической общности. Если стихотворение проходит такую проверку, то его следует отнести к этой метрической общности, выделив в отдельную подгруппу для сравнительного ритмического анализа.

Во-вторых, тексты разных метров могут иметь схожие интервальные сетки. Как показал К. А. Головастиков[1], 2-стопный анапест А. Тарковского («Вот и лето прошло…») за счет сильного утяжеления анакрусы по распределению межударных интервалов совпадает с 3-иктным дольником И. Бродского. Однако анализ ритмических форм показывает, что стихотворение Тарковского на 100 % «укладывается» в анапест.

Таким образом, исследование интервальной сетки, давая приблизительное представление о степени однородности изучаемого материала, не может само по себе служить основанием для классификации размеров. Окончательное решение об отнесении стихотворения к тому или иному типу метра принимается только на основании всестороннего его анализа, имеющего результатом составление метрической схемы размера.

3. Материал

Распределение межударных интервалов анализировалось в 24 стихотворениях, рассмотренных в статье Ю. Б. Орлицкого как белый акцентный стих[2], стихотворение «Те, кто не умирают — живут…» [СИБ-2: IV: 33] (8 стихов), в силу малого объема рассмотрено вне общей статистики; стихотворение «Критерии» в рассмотрение также не включено, так как не было найдено ни в одном из авторитетных источников[3] (не позволяет сделать этого и объем — всего 4 строки); кроме того, в статистику включено стихотворение «Определение поэзии», которое Орлицкий охарактеризовал как верлибр и противопоставил рассмотренным текстам. Таким образом, обследованию подвергнуто 25 стихотворений: «Камни

[1] В докладе «К статистическому определению метра», прочитанном 9.11.2012 на конференции «Язык. Стих. Текст».

[2] Стихотворения анализировались по [СИБ-2]; стихотворения, отсутствующие в указанном издании, анализировались по [СИБ-1]; стихотворения, отсутствующие в обоих собраниях, анализировались по [СИП].

[3] К сожалению, в [Орлицкий 2012] источники стихотворных текстов не указаны.

на земле» [СИБ-1: I: 26], «Определение поэзии» [СИБ-1: I: 30] (1959); «Лучше всего спалось на Савеловском…» [СИБ-1: I: 34], «Памяти Феди Добровольского» [СИП: 37] (1960); «Пьеса с двумя паузами для сакс-баритона» [СИБ-2: I: 71], «Современная песня» [СИБ-2: I: 74], «Памятник» [СИП: 45] (1961); «Барбизон Террас» [СИБ-2: III: 62] (1974); «Сан-Пьетро» [СИБ-2: III, 156] (1977); «Теперь, зная многое о моей…» (1984); «Примечание к прогнозам погоды» [СИБ-2: III: 302] (1986); «Элегия ("Постоянство суть эволюция принципа помещенья…")», «Посвящается Джироламо Марчелло» [СИБ-2: IV: 111] (1987); «Выступление в Сорбонне» [СИБ-2: IV: 56], «Доклад для симпозиума» [СИБ-2: IV: 62], «Вертумн» [СИБ-2: IV: 82] (1989); «Ангел» [СИБ-2: IV: 91], «Наряду с отоплением в каждом доме…» [СИБ-2: IV: 122], «Дедал в Сицилии» [СИБ-2: IV: 137] (1992); «Мы жили в городе цвета окаменевшей водки…» [СИБ-2: IV: 174], «После нас, разумеется, не потоп…» [СИБ-2: IV: 176], «Робинзонада» [СИБ-2: IV: 177], «MCMXCIV» [СИБ-2: IV: 193] (1994); «Клоуны разрушают цирк…» [СИБ-2: IV: 194], «На Виа Фунари» [СИБ-2: IV: 198] (1995).

Данные собирались отдельно по каждому стихотворению. Поскольку метрическая структура стихотворений только подлежит установлению, ударения размечались по правилам акцентуации свободного стиха, сформулированным М. Л. Гаспаровым и Т. В. Скулачевой [Гаспаров, Скулачева 2004: 186—187].

4. Кластеризация

Для предварительного разделения выборки на однородные группы (кластеры) необходимо оценить связь между различными типами междударных интервалов с помощью корреляционного анализа. Если различия между гипотетическими неоднородными группами метрически значимы, такие группы поляризуются по частотности междударных интервалов определенной длины.

Для каждой пары междударных интервалов (нулевых и 1-сложных, нулевых и 2-сложных, …, 1-сложных и 2-сложных и т. д.) вычисляется коэффициент корреляции Пирсона по формуле:

$$r_{xy} = \frac{\sum_{i=1}^{n}(x_i-\bar{x})(y_i-\bar{y})}{\sqrt{\sum_{i=1}^{n}(x_i-\bar{x})^2 \sum_{i=1}^{n}(y_i-\bar{y})^2}},$$

где n — количество стихотворений; x_i и y_i — количество интервалов заданного типа в одном стихотворении; $\bar{x}$ и $\bar{y}$ — выборочные средние x и y. Вычисленный коэффициент корреляции $r_{xy} \in [-1; 1]$. Положительный коэффициент говорит о прямой корреляции; отрицательный — об обратной. Так как некоторые стихотворения значительно различаются по объему, вычисления производятся на основании процентных показателей частотности (см. Приложение 1).

Значимость выборочного коэффициента корреляции определяется по t-критерию Стьюдента. Для каждого полученного r_{xy} вычисляется значение t_{n-2} по формуле:

$$\frac{r_{xy}\sqrt{n-2}}{\sqrt{1-r_{xy}^2}} = t_{n-2},$$

где n — количество стихотворений. Вычисленное значение t_{n-2} сравнивается с критическим значением $t^*_{n-2} = 1{,}7139$, найденным по таблице распределения критических значений $t(\nu)$ при уровне значимости $\alpha = 0{,}05$ и $\nu = n-2 = 23$. Гипотеза H_0 о том, что вычисленное значение r_{xy} незначимо, принимается, если $|t_{n-2}| \leq t^*_{n-2}$. Если $|t_{n-2}| > t^*_{n-2}$, то гипотеза H_0 отвергается и принимается гипотеза H_1, отрицающая H_0 (т. е. вычисленное значение r_{xy} признается значимым).

Результаты корреляционного анализа, признанные значимыми по t-критерию Стьюдента, представлены в таблицах 2 и 3.

Таблица 2

Корреляция между межударными интервалами различной длины

Тип интервала	Коэффициент корреляции	t_{n-2}
0—3	0,75	5,4380
5—7	0,43	2,2842
4—7	0,38	1,9702
1—6	0,34	1,7339
0—4	−0,37	−1,9100
1—3	−0,39	−2,0312
2—3	−0,42	−2,2195
2—6	−0,45	−2,4166
3—4	−0,53	−2,9974
3—5	−0,53	−2,9974
0—2	−0,63	−3,8905

Таблица 3

Корреляция между группами межударных интервалов

Тип интервала	Коэффициент корреляции	t_{n-2}
(0,3)—5	−0,45	−2,4166
(0,3)—4	−0,51	−2,8435
(0,3)—(4,5)	−0,59	−3,5045
(1,2)—3	−0,62	−3,7897
(1,2)—(0,3)	−0,69	−4,5718
(1,2)—0	−0,73	−5,1225
(1,2,4)—0	−0,90	−9,9022
(1,2,4)—3	−0,90	−9,9022
(1,2,4)—(0,3)	−0,95	−14,5910
(1,2,4,5)—(0,3)	−0,99	−33,6568

Анализ выявляет две существенные тенденции:

1) высокую обратную корреляцию ($r = -0{,}99$) между группами (0, 3) и (1, 2, 4, 5);
2) значимую прямую корреляцию между нулевыми и 3-сложными интервалами ($r = 0{,}75$).

Таким образом, предварительно можно выделить в исследуемой выборке два типа стиха:

1) в первом типе наблюдаются основные межударные интервалы в 1, 2, 4 и 5 слогов с оппозицией к интервалам в 0 и 3 слога;
2) во втором типе значительно увеличивается доля строк с интервалом в 0 и 3 слога, в основном за счет уменьшения доли 4- и 5-сложных интервалов.

Результаты предварительной проверки позволяют перейти непосредственно к кластеризации стихотворений, для чего целесообразно использовать следующий алгоритм.

1. Статистика распределения межударных интервалов проверяется на однородность по критерию согласия Пирсона (критерий «хи-квадрат»). Все стихотворения выборки сравниваются попарно; для каждой пары вычисляется значение χ^2 по формуле:

$$\chi^2 = \sum_{i=1}^{2q} \frac{(m_i - n\frac{M_i}{N})^2}{n\frac{M_i}{N}},$$

где m_i — вычисленная эмпирически частотность междударных интервалов определенной длины в отдельном стихотворении; M_i — вычисленная эмпирически суммарная частотность междударных интервалов определенной длины в проверяемой паре стихотворений; n — количество междударных интервалов в отдельном стихотворении, q — количество типов междударных интервалов (нулевых, 1-сложных, 2-сложных и т. д.) в проверяемой паре; а N — общее количество междударных интервалов в проверяемой паре. В таблице 4 приведен пример вычисления значения χ^2 для пары «Барбизон Террас» и «Сан-Пьетро».

Таблица 4

Вычисление значения χ^2 для пары «Барбизон Террас» (БТ) и «Сан-Пьетро» (СП)

№	Межд. инт-л	m_i		M_i	$\frac{M_i}{N}$	$n\frac{M_i}{N}$		χ^2	
		БТ	СП			БТ	СП	БТ	СП
1	0	0	2	2	0,004808	0,235577	1,764423	0,235577	0,031453
2	1	12	109	121	0,290865	14,2524	106,7476	0,355963	0,047526
3	2	22	141	163	0,391827	19,19952	143,8005	0,408484	0,054539
4	3	2	11	13	0,03125	1,53125	11,46875	0,143495	0,019159
5	4	8	73	81	0,194712	9,540865	71,45913	0,248852	0,033226
6	5	5	21	26	0,0625	3,0625	22,9375	1,225765	0,163658
7	6	0	9	9	0,021635	1,060096	7,939904	1,060096	0,141539
8	7	0	1	1	0,002404	0,117788	0,882212	0,117788	0,015727
Всего		49	367	416	1	49	367	**4,303**	

2. Вычисленное значение χ^2 сравнивается с критическим значением χ_0^2, которое находится по таблице критических значений распределения «хи-квадрат» при уровне значимости $\alpha = 0{,}05$ (т. е. допускалась пятипроцентная вероятность ошибки) и количестве степеней свободы $df = (q - 1)(s - 1)$, где q — количество типов междударного интервала, а s — количество проверяемых стихотворений. Гипотеза H_0 о том, что в проверяемых стихотворениях распределение междударных интервалов подчинено одному закону, принимается, если $\chi^2 \le \chi_0^2$. Если $\chi^2 > \chi_0^2$, то гипотеза H_0 отвергается и принимается гипотеза H_1, отрицающая гипотезу H_0. В рассмотренном примере $df = (8 - 1)(2 - 1) = 7$; критическое значение $\chi_0^2 = 14{,}067$; $4{,}303 < 14{,}067$; следовательно, подтверждается гипотеза H_0: распределения междударных интервалов в стихотворениях «Барбизон Террас» и «Сан-Пьетро» однородны.

3. Для каждой метрической общности выделяется ядро (такая группа стихотворений, в которой распределения междударных интервалов во всех текстах однородны друг другу и неоднородны таковым распределениям во всех текстах других ядерных групп) и гипотетическая периферия (все тексты, в которых распределение междударных интервалов однородно хотя бы одному таковому распределению из ядерной группы).

4. Вокруг ядра метрической общности группируются стихотворения, составляющие ее гипотетическую периферию. Стихотворения включаются в группу по одному в порядке убывания количества стихотворений (как ядерных, так и периферийных), распределения междударных интервалов в которых однородны таковому распределению во включаемом стихотворении. После каждого включения выборка проверяется на однородность по критерию «хи-квадрат»; если однородность подтверждена, стихотворение включается в метрическую общность, в противном случае оно из нее исключается.

5. Результаты кластеризации

Данные о частотности междударных интервалов с разнесением текстов по кластерам приведены в Приложении 1. Для всех кластеров указаны вычисленное значение χ^2, критическое значение χ_0^2 и количество степеней свободы df (уровень значимости α для всех сравнений

в настоящей статье равен 0,05). Данные попарной проверки на однородность приведены в Приложении 2.

По результатам проверки выделяются два кластера. Распределения межударных интервалов в стихотворениях «Камни на земле», «Определение поэзии» и «Памятник», однородные друг другу, неоднородны таковым распределениям в стихотворениях «Барбизон Террас», «Примечание к прогнозам погоды», «Элегия», «Выступление в Сорбонне», «Посвящается Джироламо Марчелло», «Ангел», «Наряду с отоплением в каждом доме…», «Мы жили в городе цвета окаменевшей водки…», «После нас, разумеется, не потоп…», «Робинзонада», «MCMXCIV» и «На Виа Фунари», которые, с другой стороны, все однородны друг другу. Эти два кластера считаются ядрами метрических общностей.

Вокруг первого ядра группируются стихотворения «Лучше всего спалось на Савеловском…», «Памяти Феди Добровольского» и «Пьеса с двумя паузами для сакс-баритона»; вокруг второго ядра группируются стихотворения «Сан-Пьетро», «Теперь, зная многое о моей…», «Доклад для симпозиума», «Вертумн», «Клоуны разрушают цирк…» и «Дедал в Сицилии».

Стихотворения «Камни на земле», «Определение поэзии», «Памяти Феди Добровольского», «Пьеса с двумя паузами для сакс-баритона», «Лучше всего спалось на Савеловском…» и «Памятник» объединены в кластер «А» с показателем однородности 32,768 < 43,773.

В подгруппу «B1» попали стихотворения «Барбизон Террас», «Сан-Пьетро», «Теперь, зная многое о моей…», «Примечание к прогнозам погоды», «Элегия», «Посвящается Джироламо Марчелло», «Выступление в Сорбонне», «Доклад для симпозиума», «Ангел», «Наряду с отоплением в каждом доме…», «Дедал в Сицилии», «Мы жили в городе цвета окаменевшей водки…», «После нас, разумеется, не потоп…», «Робинзонада», «MCMXCIV», «Клоуны разрушают цирк…», «На Виа Фунари» с показателем однородности 137,366 < 137,701.

В подгруппу «B2» попало стихотворение «Вертумн». Распределение межударных интервалов в этом стихотворении, с одной стороны, однородно распределениям в стихотворениях «Барбизон Террас» (4,216 < 14,067), «Теперь, зная многое о моей…» (12,956 < 14,067), «Элегия» (3,776 < 14,067), «Посвящается Джироламо Марчелло» (3,081 < 14,067), «Ангел» (5,216 < 14,067), «Дедал в Сицилии» (8,729 < 14,067), «Мы жили в городе цвета окаменевшей водки…» (3,990 < 14,067), «После нас, разумеется, не потоп…» (3,812 < 14,067), «Робинзонада» (6,507 < 14,067), «MCMXCIV» (10,384 < 14,067) и «На Виа Фунари» (6,513 < 14,067) и неоднородно таковым распределениям в стихотворениях «Камни на земле» (71,728 > 14,067), «Определение поэзии» (69,761 > 14,067), «Лучше всего спалось на Савеловском…» (27,096 > 14,067), «Памяти Феди Добровольского» (63,022 > 14,067), «Пьеса с двумя паузами для сакс-баритона» (60,226 > 14,067) и «Памятник» (75,184 > 14,067). Однако при объединении этого стихотворения со стихотворениями подгруппы «B1» нарушается однородность выборки (159,324 > 145,461; $df = 119$). Стихотворение было проверено на соответствие метрической схеме стихотворений подгруппы «B1». Результаты проверки показали, что все строки этих стихотворений «укладываются» в одну метрическую схему (см. раздел 5.2); в соответствии с изложенным в разделе 2, стихотворение «Вертумн» отнесено в отдельную классификационную подгруппу кластера «B» для дальнейшего сравнительного ритмического исследования[4].

[4] Одним из направлений такого исследования должен стать, в частности, анализ ритмической композиции стихотворения «Вертумн». Забегая вперед, скажем, что стихотворение написано особым типом вольного дольника, отчасти напоминающего вольный ямб XVIII—XIX вв.: преобладают 6- и 4-иктные строки, причем строки разной длины имеют структуру, характерную для дольника данного размера (например, 6-иктный дольник в составе вольного, как и равноиктный, имеет цезуру после 3 икта). Среди наиболее ярких примеров ритмической композиции вольного дольника у Бродского — «Колыбельная Трескового мыса». Однако если в «Колыбельной…» композиция симметрична, то в «Вертумне» она линейна, как и динамика лирического повествования. По структуре ритмической композиции «Вертумн» можно соотнести, например, с «Андреем Шенье» Пушкина.

В группу «С» попало стихотворение «Современная песня», которое стоит особняком, не сближаясь со стихотворениями группы «А» и подгрупп «В1» и «В2».

Теперь, когда границы метрических общностей четко очерчены, можно рассмотреть каждую из них.

5.1 Стихотворения кластера «А»

В стихотворениях кластера «А» наблюдаются следующие тенденции:

1) Частотность 3-сложных межударных интервалов колеблется от 16,39 % в «Лучше всего спалось на Савеловском…» до 25 % в «Памятнике» (в среднем 20,47 %).
2) Частотность нулевых межударных интервалов колеблется от 4,8 % в «Пьесе с двумя паузами…» до 10 % в «Памятнике» (в среднем 6,61 %); исключение — «Лучше всего спалось на Савеловском…» (0 %), о нем ниже.
3) Суммарная частотность 1-, 2- и 3-сложных межударных интервалов колеблется от 72,2 % в «Памяти Феди Добровольского» до 84,8 % в «Пьесе с двумя паузами…» (в среднем 79,4 %); исключение — «Лучше всего спалось на Савеловском…» (90,16 %).

Стихотворения «Памятник», «Определение поэзии», «Памяти Феди Добровольского» и «Пьеса с двумя паузами…» — чистые примеры стиха, который авторы статьи предлагают называть дисметрическим[5]. Этот стих, так же, как и акцентный, допускает появление межударных интервалов любой длины — от нулевого до 7-сложного. В акцентном стихе, однако, около 75 % интервалов приходится на 1-сложные и 2-сложные, в то время как в стихе дисметрическом утрачивается и это различие с прозой. Если интенциональным принципом акцентного стиха является счет ударений (и повышенная частотность коротких интервалов помогает этому счету, выделяя каждое ударение), то интенциональный принцип стиха дисметрического — отказ ото всех известных типов метра, выражающийся в сближении с прозой по статистике распределения межударных интервалов. Различие между ударными и безударными слогами в этом стихе незначимо, о сильных и слабых местах говорить не приходится, и единственным сигналом стиховой структуры остается разбивка на строки в письменном тексте или декламационные паузы при устном воспроизведении.

Стихотворение «Камни на земле», сближаясь с другими стихотворениями кластера «А» по распределению межударных интервалов, поляризуется с ними по другим признакам, среди которых наиболее показательные — чередование клаузул и количество ударений в строке.

Данные о распределении длин строк в стихотворениях группы «А» сведены в таблицу 5 (с. 120); данные о частотности клаузул (женских, мужских, дактилических и гипердактилических) представлены в таблице 6 (с. 120).

Из таблицы 5 видно, что стихотворение «Камни на земле» тяготеет к 4-ударности (85,71 % строк), в то время как остальные тексты такой тенденции не демонстрируют. Еще сильнее упорядочены в обсуждаемом стихотворении клаузулы: все они женские. Напротив, в остальных текстах кластера «А» преобладание тех или иных клаузул является лишь ритмической тенденцией. Таким образом, несмотря на то, что распределение межударных интервалов в стихотворении «Камни на земле» совпадает с прозаическим, это стихотворение ориентировано на счет ударений (постоянная женская клаузула служит, по-видимому, сигналом конца строки), а потому не составляет с остальными стихотворениями кластера «А» метрической общности и должно быть классифицировано как вольный белый

[5] А. П. Квятковским использовался термин «дисметрический верлибр» (см. статьи **верлибр** и **раешный стих** в [Квятковский 1966]) для противопоставления «метрическому верлибру», который, к сожалению, был плохо определен. В отличие от Квятковского, авторы статьи противопоставляют дисметрический стих силлабо-тонике, дольнику и акцентному стиху, которые имеют заметную метрическую организацию.

Таблица 5

Распределение длин строк (в ударениях) в стихотворениях кластера «А»

Стихотворение	Длина строки (в ударениях)													
	1		2		3		4		5		6		Всего	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
«Камни на земле»	0	0,00	0	0,00	0	0,00	18	85,71	1	4,76	2	9,52	21	100,00
«Определение поэзии»	10	23,81	11	26,19	15	35,71	5	11,90	1	2,38	0	0,00	42	100,00
«Луше всего…»	8	15,69	28	54,90	12	23,53	3	5,88	0	0,00	0	0,00	51	100,00
«Памяти…»	3	6,25	14	29,17	22	45,83	9	18,75	0	0,00	0	0,00	48	100,00
«Пьеса…»	6	10,34	12	20,69	15	25,86	15	25,86	8	13,79	2	3,45	58	100,00
«Памятник»	4	11,43	13	37,14	9	25,71	8	22,86	1	2,86	0	0,00	35	100,00

Таблица 6

Частотность клаузул различной длины в стихотворениях кластера «А»

Стихотворение	Клаузула									
	М		Ж		Д		Г		Всего	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
«Камни на земле»	0	0,00	21	100,00	0	0,00	0	0,00	21	100,00
«Определение поэзии»	12	28,57	25	59,52	5	11,90	1	2,38	42	100,00
«Луше всего…»	6	11,76	39	76,47	6	11,76	0	0,00	51	100,00
«Памяти…»	14	29,17	30	62,50	4	8,33	0	0,00	48	100,00
«Пьеса…»	2	3,45	47	81,03	9	15,52	1	1,72	58	100,00
«Памятник»	4	11,43	18	51,43	13	37,14	0	0,00	35	100,00

акцентный стих[6], под которым понимается чередование нерифмованных строк акцентного строя различной длины[7].

С другой стороны, стихотворение «Лучше всего спалось на Савеловском…», по распределению междударных интервалов демонстрирующее неожиданную близость с акцентным стихом (суммарная частотность 1-, 2- и 3-сложных интервалов в нем составляет 90,16 %), по остальным признакам сближается с другими текстами кластера «А»: и варьирование длины строки, и чередование клаузул в этом тексте не упорядочено строго и является лишь ритмической тенденцией.

Таким образом, стихотворения «Памятник», «Определение поэзии», «Памяти Феди Добровольского», «Пьеса с двумя паузами для сакс-баритона» и примыкающее к ним «Лучше всего спалось на Савеловском…» образуют метрическую общность, которую авторы статьи предлагают называть белым дисметрическим стихом. Стихотворение «Камни на земле» в эту общность не попадает, несмотря на то, что распределение ударений в нем совпадает с прозаическим.

5.2. Стихотворения кластера «В»

В текстах кластера «В» прослеживаются следующие ритмические тенденции:

1) Суммарная частотность 1- и 2-сложных интервалов значительно превышает прозаическую. За исключением стихотворений «Доклад для симпозиума» (54,37 %) и «Клоуны разрушают цирк…» (58,54 %) она держится в среднем на уровне 75 %.
2) Нулевые и 3-сложные интервалы, в отличие от стихотворений группы «А» (в которых средняя частотность 3-сложных интервалов составляет 20,47 %), избегаются: самый высокий показатель частотности 3-сложного интервала — в стихотворениях «MCMXCIV» (8,86 %) и «Выступление в Сорбонне» (8,20 %); нулевого интервала — в «Выступлении в Сорбонне» (4,37 %) и «Дедале в Сицилии» (4,26 %).
3) Частотность 4-сложного интервала по сравнению со стихотворениями группы «А» (где она в среднем составляет 10,23 %) заметно повышена. Минимум мы находим в стихотворениях «На Виа Фунари» (10,38 %) и «Дедал в Сицилии» (13,83 %); в остальных текстах частотность 4-сложного интервала колеблется около 20 %.

Обсуждаемые стихотворения написаны сравнительно новым для русской поэзии размером — вольным дольником (ДкВ) особой структуры, в котором 6- и 7-иктные строки (спорадически — 5-иктные) имеют цезуру, маркированную целым рядом признаков на всех уровнях текста (синтаксическое членение строки; цезурные рифмы в рифмованном стихе; анафорические конструкции, занимающие полустишия; логаэдизация правого полустишия; см. [Левашов, Ляпин 2012б]), самый важный из которых — появление на цезурном словоразделе запретных нулевых и избегаемых 3-сложных межударных интервалов[8].

[6] Традиционно стиховеды различают два вида акцентного стиха — тяготеющий и не тяготеющий к равноударности [Гаспаров 1974: 398—468; Колмогоров 2015: 21—46]; последний часто смешивают с понятием «верлибр», что представляется авторам статьи неправильным.

[7] Ю. Б. Орлицкий отмечает еще одну ритмическую особенность обсуждаемого стихотворения, а именно скопления длинных междударных интервалов в середине 4-ударной строки, на основании чего выдвигает гипотезу о наличии в стихотворении цезуры, ссылаясь на доклады С. Е. Ляпина (см. примеч. 1 в [Орлицкий 2012]). Авторам настоящей статьи один только этот признак представляется недостаточным, чтобы говорить о цезуре (тем более в акцентном стихе); см. примеч. 6 к настоящей статье. Насколько нам известно, С. Е. Ляпин в упомянутом докладе следовал той же методологии, что и мы (см. примеч. 8 к настоящей статье).

[8] Подход к выделению цезуры на основании пучка признаков, ни один из которых (кроме словораздела) не является обязательным, но которые в совокупности эксплицируют двучленную структуру стиха, восходит к работе В. М. Жирмунского [1975: 129—142]. О проблеме наличия цезуры в неклассическом стихе см. [Корчагин 2012].

В примерах ниже обсуждаемые интервалы встречаются почти исключительно в середине 6-иктной строки (единственное исключение — предпоследняя строка второго примера с иктообразующим 3-сложным интервалом):

Дк6 Цезарь был ни при чем, страдая сильнее прочих
Дк6 от отсутствия ***роскоши. Не***льзя упрекнуть и звезды,
Дк6 ибо низкая ***облачность сни***мает с планет ответственность
Дк6 перед обжитой ***местностью: от***сутствие не влияет
Дк4 на присутствие. Мраморная плита
Дк6 начинается именно с ***этого, по***скольку односторонность —
Дк4 враг перспективы. Возможно, просто
Дк4 у вещей быстрее, чем у людей,
Дк4 пропало желание размножаться.

(«MCMXCIV»)

Дк6 Скорей всего, это — бриз; во второй половине дня
Дк4 особенно. То есть, когда уже
Дк6 остекленевший ***взор боль***ше не отличает
Дк5 оттиска собственной пятки в песке от пятки
Дк4 Пятницы. Это и есть начало
Дк5 письменности. Или — ее конец.
Дк6 Особенно с точки ***зрения ве***чернего океана.

(«Робинзонада»)

Дк6 Но ты был богом субтропиков с правом надзора над
Дк5 смешанным лесом и черноземной зоной —
Дк6 над этой родиной прошлого. В будущем его нет,
Дк6 и там тебе делать нечего. То-то оно наползает
Дк6 зимой на отроги Альп, на милые Апеннины,
Дк6 отхватывая то лужайку с ее цветком, то просто
Дк6 что-нибудь вечнозе***леное: ма***гнолию, ветку лавра;
Дк6 и не только зи***мой. Бу***дущее всегда
Дк4 настает, когда кто-нибудь умирает.
Дк6 Особенно человек. Тем более — если бог.

(«Вертумн»)

Рифмованным ДкВ написаны стихотворения, входящие в число наиболее ярких поэтических произведений Бродского: «Колыбельная Трескового мыса», «Осенний крик ястреба», «Август», 19 из 20 стихотворений цикла «Часть речи», цикл «Римские элегии» и др. Первое стихотворение (из числа опубликованных), написанное этим размером («Деревья в моем окне…»), датируется 1964 г. Впоследствии Бродский обращается к ДкВ регулярно на протяжении всего творческого пути; см. [Ляпин 2011; Левашов, Ляпин 2012а; 2012б; 2012в].

Авторами статьи (совместно с С. Е. Ляпиным) разработана классификация ритмических форм Дк6 и Дк5, уточнена классификация ритмических форм Дк3 и Дк4 для различения полноударных и неполноударных форм; исчерпывающее описание ритмики ДкВ (в частности, выделение ритмических типов, различающихся преобладанием 6- и 4-, 5- и 6-, 5- и 4-иктных и др. строк[9]) и его места в метрическом репертуаре Бродского планируется дать в метрическом справочнике к стихотворениям поэта.

5.3 «Современная песня»

Стихотворение «Современная песня», как и тексты группы «В», имеет отчетливую дольниковую основу: суммарная доля 1-сложных и 2-сложных междударных интервалов

[9] Такую типологию затрудняет проблема различения изоморфных строк Дк различной длины, о которой писал М. Л. Гаспаров в работе о 4-иктном дольнике [Гаспаров 1974: 252—254].

составляет 82,61 %; нулевые и 3-сложные интервалы избегаются (их частотность составляет 2,17 и 6,52 % соответственно; 4-сложные интервалы, впрочем, встречаются несколько реже 3-сложных — их всего 4,35 %).

Как и ДкВ, стих «Современной песни» строится на чередовании дольниковых строк различной длины, однако это чередование прерывается фрагментом метризованной прозы. Стихотворение представляет собой единичный эксперимент.

6. «Те, кто не умирают — живут…»

Стихотворение «Те, кто не умирают — живут…» имеет необычную интервальную сетку, состоящую из трех 2-сложных интервалов, одного 3-сложного, двух 4-сложных и трех 5-сложных. Текст тем не менее без нарушений «укладывается» в схему 3-иктного дольника (последний стих разбит на две графические строки) и в соответствии со сложившейся методологией должен рассматриваться как маргинальный ритмический тип этого размера.

Заключение

Метрическая природа 25 рассмотренных стихотворений оказалась различной: стихотворения «Определение поэзии», «Лучше всего спалось на Савеловском…», «Памяти Феди Добровольского», «Пьеса с двумя паузами для сакс-баритона», определенные Ю. Б. Орлицким как вольный белый акцентный стих, и «Памятник», классифицированный исследователем как верлибр, по результатам статистического обследования отнесены к одному размеру — белому дисметрическому стиху.

Стихотворение «Камни на земле», имея схожее с перечисленными текстами распределение межударных интервалов, поляризуется с ними по другим существенным признакам — количеству ударений в строке и чередованию клаузул, что заставляет отнести его к вольному белому акцентному стиху, понимаемому авторами статьи как чередование строк различной длины, определяемой счетом ударений (без строгих ограничений на длину межударного интервала), а не как промежуточная форма между равноударным акцентным стихом и верлибром.

Стихотворения «Барбизон Террас», «Сан-Пьетро», «Теперь, зная многое о моей…», «Примечание к прогнозам погоды», «Элегия», «Посвящается Джироламо Марчелло», «Выступление в Сорбонне», «Доклад для симпозиума», «Ангел», «Наряду с отоплением в каждом доме…», «Дедал в Сицилии», «Мы жили в городе цвета окаменевшей водки…», «После нас, разумеется, не потоп…», «Робинзонада», «MCMXCIV», «Клоуны разрушают цирк…», «На Виа Фунари» и «Вертумн», также отнесенные Орлицким к вольному белому акцентному стиху, написаны белым ДкВ, имеющим устойчивую метрическую структуру.

Стихотворение «Современная песня» представляет собой ДкВ с вкраплением метризованной прозы — единичный эксперимент. Размеры стихотворения «Те, кто не умирают — живут…» определен как 3-иктный дольник.

Все стихотворения кластера «А» и «Современная песня» относятся к раннему периоду творчества поэта (до ссылки в Норенскую), в котором «неоклассический вектор», избранный поэтом по достижении творческой зрелости, находился в стадии формирования. Ни одно из этих стихотворений не было включено в авторские сборники. Обращаясь к белому дисметрическому стиху, акцентному стиху и экспериментальным формам в юношестве, поэт решительно отказывается от использования этих типов стиха в зрелом творчестве: самой свободной формой у него становится белый ДкВ. Таким образом, представление об Иосифе Бродском как о приверженце достаточно строгих метрических форм находит в исследованном материале полное подтверждение.

Приложение 1
Группы стихотворений, однородные по распределению межударных интервалов

		Длина интервала											
Гр.	Стихотворение	0		1		2		3		4		5	
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
A	«Камни…»	5	7,25	20	28,99	17	24,64	16	23,19	8	11,59	1	1,45
	ОП	6	9,38	13	20,31	23	35,94	15	23,44	4	6,25	3	4,69
	«Лучше…»	0	0,00	20	32,79	25	40,98	10	16,39	5	8,20	0	0,00
	ПФД	8	8,89	25	27,78	24	26,67	16	17,78	11	12,22	4	4,44
	ПДПСБ	6	4,80	33	26,40	49	39,20	24	19,20	12	9,60	1	0,80
	«Памятник»	6	10,00	13	21,67	16	26,67	15	25,00	8	13,33	2	3,33
	Всего:	31	6,61	124	26,44	154	32,84	96	20,47	48	10,23	11	2,35
B1	БТ	0	0,00	12	24,49	22	44,90	2	4,08	8	16,33	5	10,20
	«Сан-Пьетро»	2	0,54	109	29,70	141	38,42	11	3,00	73	19,89	21	5,72
	«Теперь…»	3	2,08	55	38,19	51	35,42	2	1,39	21	14,58	9	6,25
	ППП	1	0,65	40	25,81	59	38,06	7	4,52	34	21,94	10	6,45
	«Элегия»	1	1,33	23	30,67	27	36,00	3	4,00	15	20,00	5	6,67
	ВС	8	4,37	48	26,23	72	39,34	15	8,20	29	15,85	9	4,92
	ПДМ	0	0,00	34	28,81	51	43,22	6	5,08	19	16,10	7	5,93
	ДС	4	3,88	18	17,48	38	36,89	8	7,77	27	26,21	7	6,80
	«Ангел»	1	2,08	17	35,42	17	35,42	1	2,08	7	14,58	4	8,33
	«Наряду…»	0	0,00	14	22,95	27	44,26	2	3,28	15	24,59	1	1,64
	«Дедал…»	4	4,26	33	35,11	39	41,49	0	0,00	13	13,83	5	5,32
	«Мы жили…»	0	0,00	20	27,40	35	47,95	2	2,74	13	17,81	2	2,74
	«После нас…»	0	0,00	19	26,39	31	43,06	5	6,94	13	18,06	4	5,56
	«Робинзонада»	2	2,82	18	25,35	30	42,25	5	7,04	15	21,13	1	1,41
	«MCMXCIV»	0	0,00	16	20,25	39	49,37	7	8,86	15	18,99	2	2,53
	«Клоуны…»	1	2,44	13	31,71	11	26,83	0	0,00	10	24,39	4	9,76
	НВФ	0	0,00	38	35,85	44	41,51	7	6,60	11	10,38	5	4,72
	Всего:	27	1,47	527	28,66	734	39,91	83	4,51	338	18,38	101	5,49
B2	«Вертумн»	14	1,50	282	30,26	409	43,88	36	3,86	141	15,13	45	4,83
C	СП	3	2,17	33	23,91	81	58,70	9	6,52	6	4,35	6	4,35

Длина интервала												
6		7		1+2		1+2+3		Всего		Хи-квадрат		
Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	χ^2	χ_0^2	*df*
2	2,90	0	0,00	37	53,62	53	76,81	69	100,00	—	—	—
0	0,00	0	0,00	36	56,25	51	79,69	64	100,00	—	—	—
1	1,64	0	0,00	45	73,77	55	90,16	61	100,00	—	—	—
2	2,22	0	0,00	49	54,44	65	72,22	90	100,00	—	—	—
0	0,00	0	0,00	82	65,60	106	84,80	125	100,00	—	—	—
0	0,00	0	0,00	29	48,33	44	73,33	60	100,00	—	—	—
5	1,07	0	0,00	278	59,28	374	79,74	469	100,00	32,768	43,773	30
0	0,00	0	0,00	34	69,39	36	73,47	49	100,00	—	—	—
9	2,45	1	0,27	250	68,12	261	71,12	367	100,00	—	—	—
3	2,08	0	0,00	106	73,61	108	75,00	144	100,00	—	—	—
3	1,94	1	0,65	99	63,87	106	68,39	155	100,00	—	—	—
1	1,33	0	0,00	50	66,67	53	70,67	75	100,00	—	—	—
1	0,55	1	0,55	120	65,57	135	73,77	183	100,00	—	—	—
1	0,85	0	0,00	85	72,03	91	77,12	118	100,00	—	—	—
1	0,97	0	0,00	56	54,37	64	62,14	103	100,00	—	—	—
1	2,08	0	0,00	34	70,83	35	72,92	48	100,00	—	—	—
2	3,28	0	0,00	41	67,21	43	70,49	61	100,00	—	—	—
0	0,00	0	0,00	72	76,60	72	76,60	94	100,00	—	—	—
1	1,37	0	0,00	55	75,34	57	78,08	73	100,00	—	—	—
0	0,00	0	0,00	50	69,44	55	76,39	72	100,00	—	—	—
0	0,00	0	0,00	48	67,61	53	74,65	71	100,00	—	—	—
0	0,00	0	0,00	55	69,62	62	78,48	79	100,00	—	—	—
1	2,44	1	2,44	24	58,54	24	58,54	41	100,00	—	—	—
1	0,94	0	0,00	82	77,36	89	83,96	106	100,00	—	—	—
25	1,36	4	0,22	1261	68,57	1344	73,08	1839	100,00	137,366	137,701	112
4	0,43	1	0,11	691	74,14	727	78,00	932	100,00	—	—	—
0	0,00	0	0,00	114	82,61	123	89,13	138	100,00	—	—	—

Приложение 2
Результаты попарной проверки на однородность

Стихотворение	«Камни на земле»			«Определение поэзии»			«Лучше всего спалось на Савеловском…»			«Памяти Феди Добровольского»		
	df	χ^2	χ^2_0	*df*	χ^2	χ^2_0	*df*	χ^2	χ^2_0	*df*	χ^2	χ^2_0
«Камни…»	—	—	—	6	6,663	12,592	6	9,478	12,592	6	1,978	12,592
ОП	6	6,663	12,592	—	—	—	6	12,615	12,592	6	5,300	12,592
«Лучше…»	6	9,478	12,592	6	12,615	12,592	—	—	—	6	11,395	12,592
ПФД	6	1,978	12,592	6	5,300	12,592	6	11,395	12,592	—	—	—
ПДПСБ	6	7,669	12,592	5	6,110	11,070	6	6,350	12,592	6	9,961	12,592
СП	6	34,089	12,592	5	20,597	11,070	6	15,434	12,592	6	31,438	12,592
«Памятник»	6	3,360	12,592	5	2,663	11,070	6	14,145	12,592	6	2,966	12,592
БТ	6	20,393	12,592	5	16,130	11,070	5	13,064	11,070	6	15,372	12,592
«Сан-Пьетро»	7	62,023	14,067	7	69,945	14,067	7	27,447	14,067	7	55,367	14,067
«Теперь …»	6	35,092	12,592	6	40,217	12,592	6	23,685	12,592	6	28,432	12,592
ППП	7	32,360	14,067	7	35,754	14,067	7	18,029	14,067	7	27,184	14,067
«Элегия»	6	18,957	12,592	6	21,804	12,592	6	13,760	12,592	6	14,414	12,592
ВС	7	18,009	14,067	7	15,951	14,067	7	12,325	14,067	7	12,392	14,067
ПДМ	6	28,615	12,592	6	28,724	12,592	5	11,730	11,070	6	23,581	12,592
ДС	6	20,114	12,592	6	18,596	12,592	6	19,669	12,592	6	15,383	12,592
«Вертумн»	7	71,728	14,067	7	69,761	14,067	7	27,096	14,067	7	63,022	12,592
«Ангел»	6	15,061	12,592	6	17,283	12,592	6	13,100	12,592	6	10,843	12,592
«Наряду…»	6	20,938	12,592	6	25,609	12,592	5	12,802	11,070	6	19,742	12,592
«Дедал…»	6	30,687	12,592	5	28,833	11,070	6	23,863	12,592	6	24,210	12,592
«Мы жили…»	6	23,883	12,592	6	25,392	12,592	5	11,574	11,070	6	21,119	12,592
«После нас…»	6	19,806	12,592	5	17,809	11,070	5	10,050	11,070	6	15,833	12,592
«Робинзонада»	6	14,854	12,592	5	15,779	11,070	6	10,529	12,592	6	13,530	12,592
«MCMXCIV»	6	21,495	12,592	5	18,548	11,070	5	9,885	11,070	6	19,718	12,592
«Клоуны…»	7	18,889	14,067	7	22,665	14,067	7	21,501	14,067	7	15,248	14,067
НВФ	6	22,725	12,592	6	23,575	12,592	5	6,978	11,070	6	19,354	12,592

«Пьеса с двумя паузами для сакс-баритона»			«Современная песня»			«Памятник»			«Барбизон Террас»			«Сан-Пьетро»		
df	χ^2	χ^2_0	*df*	χ^2	χ^2_0	*df*	χ^2	χ^2_0	*df*	χ^2	χ^2_0	*df*	χ^2	χ^2_0
6	7,669	12,592	6	34,089	12,592	6	3,360	12,592	6	20,393	12,592	7	62,023	14,067
5	6,110	11,070	5	20,597	11,070	5	2,663	11,070	5	16,130	11,070	7	69,945	14,067
6	6,350	12,592	6	15,434	12,592	6	14,145	12,592	5	13,064	11,070	7	27,45	14,067
6	9,961	12,592	6	31,438	12,592	6	2,966	12,592	6	15,372	12,592	7	55,367	14,067
—	—	—	5	20,674	11,070	5	6,642	11,070	5	18,480	11,070	7	59,332	14,067
5	20,674	11,070	—	—	—	5	31,144	11,070	5	11,725	11,070	7	36,009	14,067
5	6,642	11,070	5	31,144	11,070	—	—	—	5	17,280	11,070	7	72,060	14,067
5	18,480	11,070	5	11,725	11,070	5	17,280	11,070	—	—	—	7	4,303	14,067
7	59,332	14,067	7	36,009	14,067	7	72,060	14,067	7	4,303	14,067	—	—	—
6	35,847	12,592	6	28,591	12,592	6	40,773	12,592	6	7,030	12,592	7	8,212	14,067
7	33,547	14,067	7	29,090	14,067	7	35,108	14,067	7	3,342	14,067	7	2,172	14,067
6	20,863	12,592	6	20,931	12,592	6	20,162	12,592	6	2,977	12,592	7	1,527	14,067
7	14,555	14,067	7	18,856	14,067	7	16,212	14,067	7	5,706	14,067	7	21,273	14,067
6	23,754	12,592	6	16,810	12,592	6	30,078	12,592	5	1,626	11,070	7	4,416	14,067
6	23,568	12,592	6	30,145	12,592	6	16,174	12,592	6	6,329	12,592	7	18,823	14,067
7	60,226	14,067	7	20,732	14,067	7	75,184	14,067	7	4,216	14,067	7	19,663	14,067
6	18,968	12,592	6	15,988	12,592	6	16,995	12,592	6	4,004	12,592	7	3,325	14,067
6	21,525	12,592	6	25,603	12,592	6	23,249	12,592	5	6,226	11,070	7	4,193	14,067
5	24,343	11,070	5	18,846	11,070	5	30,153	11,070	5	8,399	11,070	7	15,680	14,067
5	19,177	11,070	6	15,954	12,592	6	25,670	12,592	5	3,870	11,070	7	3,587	14,067
5	14,929	11,070	5	13,836	11,070	5	17,826	11,070	4	1,374	9,488	7	5,590	14,067
5	9,615	11,070	5	16,871	11,070	5	13,704	11,070	5	6,706	11,070	7	10,823	14,067
5	13,329	11,070	5	14,754	11,070	5	18,721	11,070	4	4,732	9,488	7	13,431	14,067
7	27,021	14,067	7	32,268	14,067	7	18,633	14,067	7	8,395	14,067	7	9,286	14,067
6	18,214	12,592	6	13,145	12,592	6	26,260	12,592	6	4,791	12,592	7	10,107	14,067

Стихотворение	«Теперь, зная многое о моей…»			«Примечание к прогнозам погоды»			«Элегия»			«Выступление в Сорбонне»		
	df	χ^2	χ^2_0	*df*	χ^2	χ^2_0	*df*	χ^2	χ^2_0	*df*	χ^2	χ^2_0
«Камни…»	6	35,092	12,592	7	32,360	14,067	6	18,957	12,592	7	18,009	14,067
ОП	6	40,217	12,592	7	35,754	14,067	6	21,804	12,592	7	15,951	14,067
«Лучше…»	6	23,685	12,592	7	18,029	14,067	6	13,760	12,592	7	12,325	14,067
ПФД	6	28,432	12,592	7	27,184	14,067	6	14,414	12,592	7	12,392	14,067
ПДПСБ	6	35,847	12,592	7	33,547	14,067	6	20,863	12,592	7	14,555	14,067
СП	6	28,591	12,592	7	29,090	14,067	6	20,931	12,592	7	18,856	14,067
«Памятник»	6	40,773	12,592	7	35,108	14,067	6	20,162	12,592	7	16,212	14,067
БТ	6	7,030	12,592	7	3,342	14,067	6	2,977	12,592	7	5,706	14,067
«Сан-Пьетро»	7	8,212	14,067	7	2,172	14,067	7	1,527	14,067	7	21,273	14,067
«Теперь …»	—	—	—	7	10,463	14,067	6	3,459	12,592	7	15,119	14,067
ППП	7	10,463	14,067	—	—	—	7	1,481	14,067	7	9,566	14,067
«Элегия»	6	3,459	12,592	7	1,481	14,067	—	—	—	7	4,959	14,067
ВС	7	15,119	14,067	7	9,566	14,067	7	4,959	14,067	—	—	—
ПДМ	6	8,812	12,592	7	3,978	14,067	6	2,874	12,592	7	7,478	14,067
ДС	6	20,145	12,592	7	7,932	14,067	6	6,051	12,592	7	7,109	14,067
«Вертумн»	7	12,956	14,067	7	14,074	14,067	7	3,776	14,067	7	15,980	14,067
«Ангел»	6	0,416	12,592	7	4,077	14,067	6	1,330	12,592	7	5,983	14,067
«Наряду…»	6	10,456	12,592	7	3,981	14,067	6	5,001	12,592	7	10,972	14,067
«Дедал…»	6	4,984	12,592	7	14,531	14,067	6	7,874	12,592	7	10,665	14,067
«Мы жили…»	6	7,186	12,592	7	4,361	14,067	6	3,844	12,592	7	8,032	14,067
«После нас…»	6	10,668	12,592	7	3,608	14,067	6	3,351	12,592	7	4,409	14,067
«Робинзонада»	6	12,770	12,592	7	6,928	14,067	6	5,162	12,592	7	3,723	14,067
«MCMXCIV»	6	20,009	12,592	7	8,255	14,067	6	8,226	12,592	7	7,534	14,067
«Клоуны…»	7	4,843	14,067	7	6,083	14,067	7	3,915	14,067	7	10,900	14,067
НВФ	6	9,103	12,592	7	9,398	14,067	6	5,836	12,592	7	9,212	14,067

«Посвящается Джироламо Марчелло»			«Доклад для симпозиума»			«Вертумн»			«Ангел»			«Наряду с отоплением в каждом доме…»		
df	χ^2	χ^2_0	*df*	χ^2	χ^2_0	*df*	χ^2	χ^2_0	*df*	χ^2	χ^2_0	*df*	χ^2	χ^2_0
6	28,615	12,592	6	20,114	12,592	7	71,728	14,067	6	15,061	12,592	6	20,938	12,592
6	28,724	12,592	6	18,596	12,592	7	69,761	14,067	6	17,283	12,592	6	25,609	12,592
5	11,730	11,070	6	19,669	12,592	7	27,096	14,067	6	13,100	12,592	5	12,802	11,070
6	23,581	12,592	6	15,383	12,592	7	63,022	14,067	6	10,843	12,592	6	19,742	12,592
6	23,754	12,592	6	23,568	12,592	7	60,226	14,067	6	18,968	12,592	6	21,525	12,592
6	16,810	12,592	6	30,145	12,592	7	20,732	14,067	6	15,988	12,592	6	25,603	12,592
6	30,078	12,592	6	16,174	12,592	7	75,184	14,067	6	16,995	12,592	6	23,249	12,592
5	1,626	11,070	6	6,329	12,592	7	4,216	14,067	6	4,004	12,592	5	6,226	11,070
7	4,416	14,067	7	18,823	14,067	7	19,663	14,067	7	3,325	14,067	7	4,193	14,067
6	8,812	12,592	6	20,145	12,592	7	12,956	14,067	6	0,416	12,592	6	10,456	12,592
7	3,978	14,067	7	7,932	14,067	7	14,074	14,067	7	4,077	14,067	7	3,981	14,067
6	2,874	12,592	6	6,051	12,592	7	3,776	14,067	6	1,330	12,592	6	5,001	12,592
7	7,478	14,067	7	7,109	14,067	7	15,980	14,067	7	5,983	14,067	7	10,972	14,067
—	—	—	6	11,534	12,592	7	3,081	14,067	6	4,958	12,592	5	5,421	11,070
6	11,534	12,592	—	—	—	7	21,037	14,067	6	9,040	12,592	6	7,991	12,592
7	3,081	14,067	7	21,037	14,067	—	—	—	7	5,216	14,067	7	14,273	14,067
6	4,958	12,592	6	9,040	12,592	7	5,216	12,067	—	—	—	6	7,495	12,592
5	5,421	11,070	6	7,991	12,592	7	14,273	14,067	6	7,495	12,592	—	—	—
6	11,504	12,592	6	18,285	12,592	7	8,729	14,067	6	5,109	12,592	6	14,294	12,592
5	2,019	11,070	6	10,704	12,592	7	3,990	14,067	6	5,337	12,592	5	1,841	11,070
5	1,084	11,070	6	6,872	12,592	7	3,812	14,067	6	6,105	12,592	5	5,389	11,070
6	7,186	12,592	6	5,531	12,592	7	6,507	14,067	6	8,194	12,592	6	5,216	12,592
5	4,876	11,070	6	8,385	12,592	7	10,384	14,067	6	11,890	12,592	5	5,198	11,070
7	12,425	14,067	7	10,334	12,592	7	22,020	14,067	7	3,822	14,067	7	10,385	14,067
5	2,646	11,070	6	18,680	12,592	7	6,513	14,067	6	5,389	12,592	5	10,152	11,070

Стихотворение	«Дедал в Сицилии»			«Мы жили в городе цвета окаменевшей водки…»			«После нас, разумеется, не потоп…»		
	df	χ^2	χ^2_0	*df*	χ^2	χ^2_0	*df*	χ^2	χ^2_0
«Камни…»	6	30,687	12,592	6	23,883	12,592	6	19,806	12,592
ОП	5	28,833	11,070	6	25,392	12,592	5	17,809	11,070
«Лучше…»	6	23,863	12,592	5	11,574	11,070	5	10,050	11,070
ПФД	6	24,210	12,592	6	21,119	12,592	6	15,833	12,592
ПДПСБ	5	24,343	11,070	5	19,177	11,070	5	14,929	11,070
СП	5	18,846	11,070	6	15,954	12,592	5	13,836	11,070
«Памятник»	5	30,153	11,070	6	25,670	12,592	5	17,826	11,070
БТ	5	8,399	11,070	5	3,870	11,070	4	1,374	9,488
«Сан-Пьетро»	7	15,680	14,067	7	3,587	14,067	7	5,590	14,067
«Теперь …»	6	4,984	12,592	6	7,186	12,592	6	10,668	12,592
ППП	7	14,531	14,067	7	4,361	14,067	7	3,608	14,067
«Элегия»	6	7,874	12,592	6	3,844	12,592	6	3,351	12,592
ВС	7	10,665	14,067	7	8,032	14,067	7	4,409	14,067
ПДМ	6	11,504	12,592	5	2,019	11,070	5	1,084	11,070
ДС	6	18,285	12,592	6	10,704	12,592	6	6,872	12,592
«Вертумн»	7	8,729	14,067	7	3,990	14,067	7	3,812	14,067
«Ангел»	6	5,109	12,592	6	5,337	12,592	6	6,105	12,592
«Наряду…»	6	14,294	12,592	5	1,841	11,070	5	5,389	11,070
«Дедал…»	—	—	—	6	9,195	12,592	5	11,073	11,070
«Мы жили…»	6	9,195	12,592	—	—	—	6	3,214	12,592
«После нас…»	5	11,073	11,070	6	3,214	12,592	—	—	—
«Робинзонада»	5	11,071	11,070	6	5,225	12,592	5	3,979	11,070
«MCMXCIV»	5	17,155	11,070	5	4,351	11,070	4	1,994	9,488
«Клоуны…»	7	9,305	14,067	7	10,944	14,067	7	11,393	14,067
НВФ	6	12,144	12,592	5	4,925	11,070	5	3,844	11,070

«Робинзонада»			«MCMXCIV»			«Клоуны разрушают цирк…»			«На Виа Фунари»		
df	χ^2	χ^2_0	***df***	χ^2	χ^2_0	***df***	χ^2	χ^2_0	***df***	χ^2	χ^2_0
6	14,854	12,592	6	21,495	12,592	7	18,889	14,067	6	22,725	12,592
5	15,779	11,070	5	18,548	11,070	7	22,665	14,067	6	23,575	12,592
6	10,529	12,592	5	9,885	11,070	7	21,501	14,067	5	6,978	11,070
6	13,530	12,592	6	19,718	12,592	7	15,248	14,067	6	19,354	12,592
5	9,615	11,070	5	13,329	11,070	7	27,021	14,067	6	18,214	12,592
5	16,871	11,070	5	14,754	11,070	7	32,268	14,067	6	13,145	12,592
5	13,704	11,070	5	18,721	11,070	7	18,633	14,067	6	26,260	12,592
5	6,706	11,070	4	4,732	9,488	7	8,395	14,067	6	4,791	12,592
7	10,823	14,067	7	13,431	14,067	7	9,286	14,067	7	10,107	14,067
6	12,770	12,592	6	20,009	12,592	7	4,843	14,067	6	9,103	12,592
7	6,928	14,067	7	8,255	14,067	7	6,083	14,067	7	9,398	14,067
6	5,162	12,592	6	8,226	12,592	7	3,915	14,067	6	5,836	12,592
7	3,723	14,067	7	7,534	14,067	7	10,900	14,067	7	9,212	14,067
6	7,186	12,592	5	4,876	11,070	7	12,425	14,067	5	2,646	11,070
6	5,531	12,592	6	8,385	12,592	7	10,334	14,067	6	18,680	12,592
7	6,507	14,067	7	10,384	14,067	7	22,020	14,067	7	6,513	14,067
6	8,194	12,592	6	11,890	12,592	7	3,822	14,067	6	5,389	12,592
6	5,216	12,592	5	5,198	11,070	7	10,385	14,067	5	10,152	11,070
5	11,071	11,070	5	17,155	11,070	7	9,305	14,067	6	12,144	12,592
6	5,225	12,592	5	4,351	11,070	7	10,944	14,067	5	4,925	11,070
5	3,979	11,070	4	1,994	9,488	7	11,393	14,067	5	3,844	11,070
—	—	—	5	3,542	11,070	7	12,614	14,067	6	9,872	12,592
5	3,542	11,070	—	—	—	7	16,097	14,067	5	8,404	11,070
7	12,614	14,067	7	16,097	14,067	—	—	—	7	15,503	14,067
6	9,872	12,592	5	8,404	11,070	7	15,503	14,067	—	—	—

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

СИБ-1 — Бродский И. А. Сочинения Иосифа Бродского: В 5 т. 1-е изд. СПб.: Пушкинский фонд, 1992—1995.

СИБ-2 — Бродский И. А. Сочинения Иосифа Бродского: В 7 т. 2-е изд. СПб.: Пушкинский фонд, 1997—2001.

СИП — Бродский И. А. Стихотворения и поэмы. Washington, D. C.: Inter-Language Literary Associates, 1965.

СОКРАЩЕНИЯ, ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ В ПРИЛОЖЕНИЯХ

БТ — «Барбизон Террас»;
ВС — «Выступление в Сорбонне»;
ДС — «Доклад для симпозиума»;
НВФ — «На Виа Фунари»;
ОП — «Определение поэзии»;
ПФД — «Памяти Феди Добровольского»;
ПДПСБ — «Пьеса с двумя паузами для сакс-баритона»;
ППП — «Примечания к прогнозам погоды»;
ПДМ — «Посвящается Джироламо Марчелло»;
СП — «Современная песня».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Бейли 2004 — Бейли Дж. Развитие строгого акцентного стиха в русской литературной поэзии с 1890 по 1920 г. // Бейли Дж. Избранные статьи по русскому литературному стиху. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 252—279. [Bailey J. Evolution of the strict accentual verse in the Russian literary poetry from 1890 till 1920. Bailey J. *Izbrannye stat'i po russkomu literaturnomu stikhu*. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004. Pp. 252—279.]

Бродский 2001 — Бродский И. А. Сочинения: В 7 т. СПб.: Пушкинский фонд, 1998—2001, 2001. [Brodsky J. *Sochineniya* [Writings]: In 7 vol. St. Petersburg.: Pushkinskii Fond, 1998—2001, 2001.]

Гаспаров 1974 — Гаспаров М. Л. Современный русский стих. Метрика и ритмика. М.: Наука, 1974. [Gasparov M. L. *Sovremennyi russkii stikh. Metrika i ritmika* [Modern Russian verse. Metrics and rhythm]. Moscow: Nauka, 1974.]

Гаспаров, Скулачева 2004 — Гаспаров М. Л., Скулачева Т. В. Ритм и синтаксис в свободном стихе // Гаспаров М. Л., Скулачева Т. В. Статьи о лингвистике стиха. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 170—201. [Gasparov M. L., Skulacheva T. V. Rhythm and syntax in vers libre. Gasparov M. L., Skulacheva T. V. *Stat'i o lingvistike stikha*. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004. Pp. 170—201.]

Жирмунский 1975 — Жирмунский В. М. Теория стиха. Л.: Советский писатель, 1975. [Zhirmunskii V. M. *Teoriya stikha* [Verse theory]. Leningrad: Sovetskii Pisatel', 1975.]

Квятковский 1966 — Квятковский А. П. Поэтический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1966. [Kvyatkovskii A. P. *Poeticheskii slovar'* [Poetic dictionary]. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1966.]

Колмогоров 2015 — Колмогоров А. Н. Труды по стиховедению / Прохоров А. В. (ред.-сост.). М.: МЦНМО, 2015. [Kolmogorov A. N. *Trudy po stikhovedeniyu* [Works on verse study]. Prokhorov A. V. (ed., comp.). Moscow: Moscow Center for Continuous Mathematical Education, 2015.]

Корчагин 2012 — Корчагин К. М. Цезура в русском стихе XVIII — первой четверти XX века: Дис. … канд. филол. наук. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 2012. [Korchagin K. M. *Tsezura v russkom stikhe XVIII — pervoi chetverti XX veka: Kand. diss*. [Caesura in the Russian verse of the 18th — first quarter of the 20th century. Cand. diss.]. Moscow: Vinogradov Institute of the Russian Language, 2012.]

Левашов, Ляпин 2012a — Левашов А. М., Ляпин С. Е. Ритмико-синтаксическая структура «Прощальной оды»: к гексаметрической концепции шестииктного дольника Бродского // Степанов А. Г., Фоменко И. В., Артёмова С. Ю (ред.). Иосиф Бродский: проблемы поэтики: Сб. науч. тр. и материалов. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 139—151. [Levashov A. M., Lyapin S. E. Rhythmical-syntactic structure of the Farewell Ode: Towards the hexametric concept of Brodsky's 6-ict accentual verse. *Josef Brodsky: problemy poetiki: Sbornik nauchnykh trudov i materialov*. Stepanov A G., Fomenko I. V., Artemova S. Yu (eds.). Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2012. Pp. 139—151.]

Левашов, Ляпин 2012б — Левашов А. М., Ляпин С. Е. Шестииктный дольник Иосифа Бродского: метрическая модель и ритмические тенденции // Актуальные вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков: Статьи и материалы 4-й Международной научной конференции, 21—22 февраля 2012. Т. 2. СПб.: Государственная полярная академия, 2012. С. 124—138. [Levashov A. M., Lyapin S. E. 6-ict accentual verse of Joseph Brodsky: A metrical model and rhythmic trends. *Aktual'nye voprosy filologii i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov: Stat'i i materialy 4-i Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 21—22 fevralya 2012*. Vol. 2. St. Petersburg: State Polar Academy, 2012. Pp. 124—138.]

Левашов, Ляпин 2012в — Левашов А. М., Ляпин С. Е. Шестииктный стих Иосифа Бродского как дериват гексаметра: семантические основания деривации // Образ европейца в русской и американской литературах: Материалы IX Междунар. научн. конф. «Художественный текст и культура». Владимир: Транзит-ИКС, 2012. С. 106—116. [Levashov A. M., Lyapin S. E. 6-ict verse of Joseph Brodsky as hexameter derivative: Semantic foundations of derivation. *Obraz evropeitsa v russkoi i amerikanskoi literaturakh: Materialy IX Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Khudozhestvennyi tekst i kul'tura»*. Vladimir: Tranzit-IKS, 2012. Pp. 106—116.]

Лотман 1994 — Лотман Ю. М. Лекции по структуральной поэтике // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. С. 11—263. [Lotman Yu. M. Lectures on structural poetics. *Yu. M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola*. Moscow: Gnozis, 1994. Pp. 11—263.]

Ляпин 2011 — Ляпин С. Е. «Сегментный» дольник: к описанию метрических новаций И. Бродского // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2011. №6. С. 36—46. [Lyapin S. E. «Segmental» accentual verse: Towards the description of J. Brodsky's metrical innovations. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*. 2011. No. 6. Pp. 36—46.]

Орлицкий 2012 — Орлицкий Ю. Б. Белый акцентный стих Иосифа Бродского // Славянский стих XI. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. С. 117—124. [Orlitskii Yu. B. Blank accentual verse of Joseph Brodsky. *Slavyanskii stikh*. No. XI. Moscow: Rukopisnye Pamyatniki Drevnei Rusi, 2012. Pp. 117—124.]

Статья поступила в редакцию 17.11.2015.

РЕЦЕНЗИИ / REVIEWS

А. Б. Летучий. **Типология лабильных глаголов.** М.: Языки славянской культуры, 2013. 384 с. (Studia philologica). [A. B. Letuchiy. Tipologiya labil'nykh glagolov [Typology of labile verbs]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2013. 384 p. (Studia philologica)]. ISBN 978-5-9551-0697-7.

Дарья Федоровна Мищенко

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, 199053, Российская Федерация; zenitchiki@yandex.ru

Dar'ja F. Miščenko

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, 199053, Russian Federation; zenitchiki@yandex.ru

Монография Александра Борисовича Летучего представляет собой детальный и многомерный «портрет» лабильности. Трудно найти такой ракурс, в котором это явление не рассматривалось бы в книге: начиная от определения границ лабильности и ее взаимоотношений с близкими явлениями до диахронических аспектов формирования систем лабильных глаголов в разных языках. Несмотря на осторожную оговорку автора в предисловии о том, что «полностью охватить все проблемы, связанные с лабильными глаголами, в рамках одной монографии невозможно» (с. 11), рецензируемая книга максимально близка к тому, чтобы если не ответить на вопросы, с которыми сталкивается исследователь при изучении лабильных глаголов в конкретном языке или с позиций типологии, то по меньшей мере обрисовать круг этих вопросов.

В основе монографии лежит диссертация «Типология лабильных глаголов: семантические и морфосинтаксические аспекты», защищенная А. Б. Летучим в Институте лингвистики РГГУ в 2006 г. При подготовке монографии некоторые ее содержательные части претерпели важные изменения: так, например, пополнился новыми данными раздел, посвященный диахронической перспективе изучения лабильности. Значительно увеличилась выборка языков: диссертационное исследование основывается на анализе данных 79 языков, в то время как список одних только упоминаемых на страницах книги языков, приведенный в указателе языков в конце книги (с. 373—376), содержит 95 отдельных идиомов, выборка же в целом, по-видимому, еще обширнее[1]. Наконец, изменилась и структура работы, и монография в ее нынешней форме еще более удобна в качестве «справочника по лабильности» и руководства для исследователей конкретных языков. В то же время необходимость сократить текст привела к тому, что отдельные звенья логической цепочки иногда оказываются пропущенными. Так, в частности, произошло с определением лабильности: если в диссертации различные подходы к установлению границ этого явления обсуждаются уже во введении, то читатель монографии узнает об их существовании лишь во второй главе.

Монография открывается вводной главой с кратким обзором работ, так или иначе касающихся проблемы лабильности глаголов. По-видимому, релевантными для изучения лабильности их действительно можно считать лишь до определенной степени: монографий или сборников, посвященных лабильности, вплоть до последнего времени не существовало, а в описаниях конкретных языков лабильные глаголы чаще всего упоминаются лишь мимоходом. Как предполагает Летучий, причина такого положения дел заключается в том, что

[1] В то же время автор подчеркивает, что не все выводы его работы сделаны на материале широкой выборки: отдельные разделы монографии написаны с опорой на данные лишь нескольких языков или языковых групп, для которых то или иное явление хорошо изучено.

лабильность, не будучи обязательной для всех или даже большинства глаголов, представляется исследователям периферийным грамматическим явлением. Однако, по его мнению, на лабильность можно смотреть и иначе — как на тонкую нить, пронизывающую «ядро» языковой системы и связывающую сразу несколько актуальных областей современной лингвистики: грамматическую семантику, лексическую семантику, историческую лингвистику и теорию грамматикализации. К тому же при ближайшем рассмотрении лабильность оказывается типологически весьма распространенным явлением: лабильные глаголы обнаруживаются почти во всех языках мира.

В первой главе автор определяет предмет своего дальнейшего внимания. К определению лабильности он предлагает прийти через определение понятия переходности, однако в этом месте читателя ожидает разочарование: ему предлагается «считать, что понятия переходного и непереходного глагола известны заранее» (с. 21), а сам подраздел «Определение понятия “переходность”» сводится к изложению истории изучения переходности. Впрочем, на понимании логики дальнейшего изложения это сказывается мало. Гораздо более важным представляется сам факт априорного ограничения лабильности ситуацией, при которой один и тот же глагол без изменения формы может иметь непереходную и переходную модель управления. Действительно, такое понимание термина «лабильность» является наиболее распространенным сегодня, но все же не единственным (в частности, М. С. Полинская, на работу которой автор неоднократно ссылается, использует этот термин в более широком значении: она называет лабильностью способность глагола «выступать в нескольких конструкциях предложения без специальной маркировки мены диатезы в данном глаголе» [Полинская 1986: 44], т. е. включает в это понятие и такие соотношения глагольных употреблений, которые не предполагают мены переходности). О том, что в число лабильных глаголов при некоторых подходах включаются все глаголы, способные иметь более одной диатезы при условии немаркированности изменения диатезы (краткий обзор существующих «степеней широты» термина «лабильность» можно найти в более ранней статье автора [Летучий 2005: 57—58]), неподготовленный читатель узнает значительно позже, на с. 76, при обсуждении явлений, которые Летучий рассматривает как близкие к лабильности, но выносит за ее пределы. Кажется, что вскользь сделанное автором замечание о «естественности» взаимосвязи лабильности и (не)переходности (с. 19) в ситуации, когда существуют и более широкие понимания лабильности, скорее способно ввести в заблуждение.

Помимо ограничения лабильности варьированием переходности, в работе вводится еще одно важное ограничение: для того, чтобы пара употреблений глагола могла рассматриваться как проявление лабильности, непереходное употребление не должно быть результатом «коммуникативного опущения» актанта. Однако, поскольку развести собственно непереходные употребления глагола и коммуникативное опущение объекта часто не представляется возможным, а также потому, что в грамматиках аккузативных языков сведения о возможности подобного опущения приводятся непоследовательно, автор оставляет этот тип отношений между глагольными употреблениями за пределами анализа. Окончательное определение лабильных глаголов складывается из пяти критериев:

1) наличие как минимум двух моделей управления (переходной и непереходной);
2) различие в трактовке семантической роли субъекта и семантики ситуации в целом, связанное с различиями в этих моделях управления;
3) распространение критериев (1) и (2) на все формы глагола;
4) отсутствие связи всех противопоставленных диатез как «полной» диатезы и диатезы с опущением референтного актанта (ясного из контекста) либо обобщенным актантом;
5) невозможность рассматривать два употребления глагола как омонимичные.

Глаголы, соответствующие всем этим критериям, Летучий предлагает считать «канонически лабильными». Таким образом, проблемное поле рассматривается как множество случаев, в большей или меньшей степени соответствующих представлению о прототипической ситуации.

В этой же главе впервые упоминается один из способов классифицировать типы лабильности — распространенное деление на А- и Р-лабильные глаголы: у первых субъект непереходного употребления семантически соответствует субъекту переходного и оба они обозначают агентивного участника, у вторых — объекту переходного и оба они обозначают пациентивного участника. Отмечая неудачность такого деления, подразумевающего обязательный параллелизм двух отношений — соотношения диатез и соотношения семантических ролей — и приводя примеры лабильных глаголов, которые следует отнести к разным типам в зависимости от ведущего основания классификации, автор тем не менее не отказывается от терминов «А-лабильность» и «Р-лабильность», лишь оговаривая, что в дальнейшем будет делить глаголы на А- и Р-лабильные на основании соотношения диатез в двух употреблениях.

Явления, демонстрирующие сходные с лабильностью свойства, но по тем или иным параметрам отклоняющиеся от прототипа канонической лабильности, рассматриваются во второй главе «Лабильность и близкие явления». В первую очередь автор обращается к анализу различий между А- и Р-лабильностью — чтобы далее к А-лабильности не возвращаться. Признаков, по которым различаются два вида лабильности, он насчитывает пять: 1) «семантика» А- и Р-лабильности (т. е. та разность значения, которая фиксируется в паре «переходное — непереходное употребления глагола»); 2) продуктивность; 3) зависимость от формальных свойств глагола, таких как его словоизменительный класс и тип производности; 4) состав класса лабильных глаголов и 5) соотношения с показателями актантной деривации. Основным, по-видимому, можно считать семантическое противопоставление: в то время как переходное и непереходное употребления А-лабильного глагола различаются коммуникативными рангами участников, два употребления Р-лабильного глагола обозначают семантически близкие, но все же разные ситуации, отличающиеся наличием / отсутствием агентивного участника. На этом основании рефлексивную и взаимную лабильности предлагается рассматривать вместе с Р-лабильностью, ведь ситуации, которые обозначают рефлексивно- и взаимнолабильные глаголы при непереходном употреблении не тождественны ситуациям, обозначаемым этими же глаголами при переходном употреблении (к сожалению, автор не приводит иллюстраций этого тезиса для взаимнолабильных глаголов, зато перечисляет глаголы, которые, как выяснится дальше, относятся к еще одному типу — конверсивному). Различия по четырем другим признакам либо оказываются производными от различия по первому признаку, либо проявляются не во всех языках. Как показано в таблице 1 на с. 35 (к сожалению, это не единственная в книге таблица с таким порядковым номером), рефлексивно- и взаимнолабильные глаголы (объединенные в строке, не слишком удачно озаглавленной «Рефлекс.») по разным признакам сближаются то с Р-лабильными, то с А-лабильными глаголами, однако в целом оказываются более похожи на Р-лабильные глаголы. Наконец, исследователь вводит еще два типа лабильности, по своим свойствам занимающие промежуточное положение между А- и Р-лабильностью, — **аппликативную лабильность**, по формальным свойствам относящуюся к А-лабильности, но при которой два употребления глагола семантически различаются сильнее, чем у А-лабильных глаголов, и **пассивную лабильность**, формально являющуюся разновидностью Р-лабильности, но при которой два употребления глагола передают одну и ту же ситуацию с разным коммуникативным статусом участника. Существование таких типов лабильности, по мысли автора, еще раз доказывает неудачность или, по крайней мере, периферийный характер деления на А- и Р-лабильные глаголы. Вместо этого предлагается противопоставлять собственно лабильность, затрагивающую набор участников ситуации, и опущение, оставляющее семантику ситуации неизменной, но воздействующую на коммуникативный статус ее участников. Последнее, как в очередной раз подчеркивает Летучий, выходит за пределы круга явлений, которые будут интересовать его в дальнейшем.

Соотношение лабильности и показателей залога и актантной деривации рассматривается в разделе 2.2. Поскольку основанием семантической классификации, которая будет представлена ниже, для автора являются отношения, подобные тем, что наблюдаются у пары глаголов при залоговых преобразованиях и актантной деривации, он задается вопросом,

можно ли считать лабильность своеобразным «нулевым показателем» актантной деривации. Сравнение лабильных глаголов с глаголами, присоединяющими показатели актантной деривации, по ряду свойств (непродуктивность, существование «троек» употреблений, сочетаемость с ненулевыми показателями актантной деривации, распределение лабильности по семантическим группам глаголов, возможность существования у лабильных глаголов нестандартных типов каузативного значения и нестандартных синтаксических соотношений между употреблениями, сочетаемость с производными глаголами, наличие семантических различий между двумя употреблениями глагола и невосстановимость опущенных актантов из контекста) приводит его к выводу о том, что, несмотря на сходство по некоторым из них, в целом «лабильность нельзя считать способом маркирования актантных преобразований деривации» (с. 54). Впрочем, речь в этом случае идет именно о канонической, Р-лабильности, тогда как рефлексивная и взаимная лабильность по некоторым свойствам оказываются чуть ближе к актантной деривации; кроме того, в отдельных языках лабильность в целом имеет больше сходств с показателями актантной деривации, чем обычно.

Собственно к рассмотрению явлений, демонстрирующих сходные с лабильностью свойства, но по ряду параметров отклоняющихся от прототипа канонической лабильности, Летучий переходит только в заключительном разделе второй главы. Все многообразие их можно свести к двум типам ситуаций: первая предполагает, что лабильность затрагивает не все глагольные формы, а вторая — что при варьировании актантной структуры глагол во всех своих употреблениях является переходным или, наоборот, непереходным. Не перечисляя все проявления двух этих феноменов в языках мира, отмечу лишь ту особенность подхода, проводимого в монографии в целом, которая, как кажется, в этом разделе проявляется особенно ярко — стремление исследователя представить лабильность не как отдельно стоящий феномен, а в тесной связи его с другими языковыми явлениями. Во-первых, это проявляется в готовности учитывать различные интерпретации: некоторые явления, на первый взгляд, вообще не должны были бы попасть в книгу, посвященную лабильности. Однако, как показывает автор, возможны такие трактовки, при которых их связь с лабильностью окажется самой непосредственной. Так, например, в языках мира встречается ситуация, при которой одна часть глагольной парадигмы всегда переходна, а другая всегда непереходна, как, например, в адыгейском, где результатив всегда непереходен. Проявлением лабильности такие случаи могут считаться только при условии, что мы не считаем (не)переходность формы частью семантики употребленного в ней показателя. Очевидно, что чем регулярнее разделение диатез по формам глагола, тем больше оснований для того, чтобы усматривать у показателя значение, связанное с переходностью, и в этом смысле данное явление в разных языках может находиться ближе к лабильности или дальше от нее. Во-вторых, это проявляется в попытках выявить закономерности взаимодействия лабильности в самых разных ее проявлениях с некоторыми грамматическими особенностями языка. Обобщая результаты типологических наблюдений, Летучий не просто получает набор универсалий и фреквенталий, но и выстраивает типологию языковых систем в их отношении к лабильности.

Безусловно, самым важным аспектом анализа лабильности является разработанная автором классификация типов лабильных глаголов и в особенности их деление по типу соотношения между употреблениями глагола. Вместе с классификацией в зависимости от семантики глагола она представлена в главе 3 «Классификация лабильных глаголов».

В основе ее лежит классификация залогов и актантных дериваций в том виде, в котором она представлена в работе [Плунгян 2011]. В парах употреблений лабильного глагола усматриваются те же отношения, которые соединяют глаголы или глагольные формы при актантной деривации и при залоговых преобразованиях, с той лишь разницей, что в этом случае не приходится говорить о направленном изменении. Сама идея проведения аналогии с классификацией залогов и актантных дериваций, как отмечает автор, не нова, однако Летучий расширил классификацию, предложенную ранее в [Лютикова 2002], дополнив ее новыми типами, и именно в этом виде она успела получить широкое распространение за те 10 лет, которые прошли с момента защиты диссертации автора, где она впервые была представлена.

В соответствии с этой классификацией, выделяются пять типов лабильности: декаузативный, рефлексивный, взаимный, пассивный и конверсивный (некоторое недоумение вызывает приведенный в списке на с. 96—97 квазипассивный тип лабильности, нигде далее не упоминающийся и отсутствующий также в диссертации [Летучий 2006] — по-видимому, речь все же должна идти об ошибке или недосмотре автора). Каждый из этих типов подробно рассматривается далее. Однако важно иметь в виду замечание о том, что «отнести глагол или группу глаголов к тому или иному типу» не всегда оказывается возможным (с. 97). В действительности в языках встречаются ситуации, когда одно из употреблений лабильного глагола имеет несколько интерпретаций, разделить которые не всегда удается даже при помощи контекста.

Одна из важнейших задач, которые автор ставит перед собой при анализе декаузативной лабильности, состоит в том, чтобы выяснить, «с какой из дериваций в первую очередь конкурирует лабильность: занимает [ли] она сферу каузатива или декаузатива» (с. 103). Закономерности распределения каузатива и декаузатива по типам глаголов обсуждались в лингвистической литературе неоднократно. Так, В. П. Недялков [1969] предложил описывать такое распределение при помощи «шкалы самопроизвольности», на которой ситуации располагаются в зависимости от вероятности спонтанного возникновения; эта шкала была расширена в [Haspelmath 1993; Лютикова 2002] и других работах. М. Хаспельмат объяснял ограничения на образование декаузатива наличием в семантике ситуации «агентивно-ориентированных компонентов» и, следовательно, невозможностью устранения из ситуации агентивного участника [Haspelmath 1993]. В. П. Недялков и М. Сибатани описывали такие ограничения при помощи понятия «прототипичности» ситуации [Недялков 1969; Shibatani 2002]: многие ситуации с большим количеством участников редко имеют место в реальности, т. е. непрототипичны, тогда как глаголы с небольшим количеством валентностей (одно- и двухвалентные) часто обозначают прототипические ситуации; естественно, что языки стремятся выразить прототипические ситуации при помощи непроизводных глаголов, а значит, сфера употребления декаузатива оказывается ограниченной.

Автор рассуждает о возможности применения этих объяснений к лабильности — в ряде случаев весьма проблематичной. В частности, гипотеза М. Хаспельмата о препятствии для образования декаузативов в виде агентивно-ориентированных компонентов, присутствующих в семантике ситуации, не позволяет объяснить невозможность недекаузативных типов лабильности. Но и в отношении декаузативов объяснение М. Хаспельмата срабатывает не всегда: в различных языках с легкостью обнаруживаются глаголы, обозначающие ситуации, для которых постулируется агентивно-ориентированный компонент значения, но которые при этом являются лабильными, и наоборот, глаголы, обозначающие ситуации без такого компонента, но при этом не являющиеся лабильными. Точно так же не вполне применимой для объяснения механизмов лабильности, как следует из материалов Летучего, оказывается и шкала самопроизвольности. Точнее, обнаруживаются языки, в которых лабильными действительно являются глаголы, обозначающие ситуации, группирующиеся на одном конце шкалы — либо на правом (ситуации, обычно возникающие под влиянием агенса или внешней силы, а потому самопроизвольное развитие которых маловероятно), как, например, в адыгейском и каннада, — либо, наоборот, на левом ее конце, где располагаются ситуации, чье спонтанное развитие типично (с некоторыми оговорками к числу таких языков можно отнести французский). Лабильность в этих языках, по-видимому, действительно зависит от самопроизвольности ситуации. Однако в большей части языков распределение лабильности не объясняется степенью самопроизвольности ситуации. Анализ большого массива данных приводит автора к выводу о том, что шкала самопроизвольности не может описать тенденции, связанные с использованием лабильности, исчерпывающим образом. В качестве других не менее важных факторов Летучий называет в первую очередь степень «затронутости» пациенса, а также свойства агенса (инициатор или исполнитель, степень агентивности, одушевленность, затронутость) и, в более редких случаях, тип каузации. Не менее интересно его наблюдение о том, что два полюса шкалы самопроизвольности

на самом деле различаются не только степенью вероятности спонтанного возникновения ситуации, но и акциональными (или, как сказано в работе, «аспектуальными») свойствами глагольных лексем: глаголы на левом конце шкалы обозначают предельные процессы, а глаголы в правой части шкалы обозначают события (в терминологии [Vendler 1957]). Анализ материала при помощи «аспектуального» подхода позволяет автору объяснить случаи, для которых неприменимо объяснение с помощью агентивно-ориентированного компонента, в частности, положение, при котором глаголы, обозначающие семантически близкие ситуации, в отношении лабильности ведут себя по-разному.

Важнейший вывод Летучего состоит в том, что лабильность, в отличие от актантной деривации, это «не грамматический механизм в полном смысле слова» (с. 134), а значит, от нее не стоит ждать присущей грамматическим явлениям регулярности, поскольку она затрагивает более тонкие лексические свойства глагола.

Огромный интерес представляет раздел, посвященный пассивной лабильности, во-первых, в силу стремления следовать определению, согласно которому пассив является маркированным в глаголе изменением диатезы, и, во-вторых, в силу отсутствия этого типа (по крайней мере, его собственно пассивного подтипа) в тех языках, применительно к которым чаще всего описывалась лабильность, т. е. в языках Европы и Дагестана. Тем не менее, по данным автора, есть как минимум две группы языков, где собственно пассивная лабильность распространена: это языки Африки и австронезийские языки (более того, по распространенности в языках мира пассивная лабильность оказывается наиболее частотным после деказуативного типом, с. 169). Собственно пассивы (описывающие ситуации, в которых присутствует агенс с пониженным статусом) являются лишь одним из подтипов пассивного типа лабильности. Помимо него, Летучий предлагает включать в пассивный тип лабильности еще два подтипа: стативы (описывающие состояние, наступившее в результате некоторого действия, при этом агентивный участник, «даже если он и есть, выведен из ситуации и обычно не выражается», с. 142) и безагенсные, или потенциальные, пассивы (описывающие «возможность возникновения ситуации» и предполагающие хотя бы обобщенного агенса или экспериенцера, с. 142). Стативная и потенциальная пассивная лабильность встречаются и за пределами африканских и австронезийских языков, в том числе в европейских языках, в арабском, адыгейском и др. В то же время автор отмечает, что в эргативных и нейтральных языках нет надежных синтаксических тестов, которые бы позволили отграничить пассивную лабильность от опущения агенса.

Существование пассивного типа лабильности делает непригодным для анализа лабильности объяснение М. Хаспельмата, опирающееся прежде всего на наличие или отсутствие агентивно-ориентированных компонентов семантики глагола: если отсутствие декаузативной интерпретации у непереходного употребления глаголов еще можно объяснить наличием у них агентивно-ориентированного компонента значения, то невозможность пассивной интерпретации таким образом объяснить уже нельзя.

В качестве гипотезы, объясняющей типологическую редкость лабильности пассивного типа, Летучий предлагает воспользоваться фреквенталией, сформулированной Дж. Гримшоу [Grimshaw 1990], в соответствии с которой непрототипическое соотношение синтаксических и семантических ролей должно быть маркировано. Из этого для автора очевидным образом вытекает важное следствие о природе лабильности: если ее можно объяснить действием правила Гримшоу, то она является не деривацией, маркированной нулем, а «полисемией, объединяющей значения в рамках одного глагола» (с. 145).

Конверсивный тип лабильности, рассматриваемый в следующем разделе, также не попадал ранее в сферу внимания типологов. Конверсивная лабильность, при которой «оба употребления глагола имеют по два синтаксических актанта» (с. 145), затрагивает небольшую группу лексем, большей частью глаголов восприятия или эмоций, у которых ни один из актантов не является прототипическим агенсом или пациенсом. По мнению Летучего, это дает языку возможность не закреплять в качестве единственно допустимой модели позицию субъекта ни за одним из актантов. В этом заключается важное отличие конверсивной

лабильности от декаузативной: если при декаузативной лабильности два употребления глагола все же обозначают разные ситуации, при конверсивной лабильности глагол в двух своих употреблениях тождествен. На этом основании конверсивная лабильность не является канонической, так как она не соответствует приведенному выше (с. 28) второму критерию канонической лабильности, требующему, чтобы две модели управления имплицировали различие семантики ситуации в целом.

Если конверсивная лабильность характеризует небольшую семантически гомогенную группу глаголов языка, то возникает вопрос, почему не все глаголы восприятия и эмоций в языках мира бывают лабильными: например, в отличие от часто проявляющего свойства лабильности глагола ‘пахнуть / нюхать’, глаголы ‘слышать, слушать / быть слышным, быть слушаемым’ или ‘искать / быть заметным’ почти никогда не бывают лабильными. По мнению автора, такое различие можно объяснить «способами выражения состояний ‘быть видимым’ и ‘пахнуть’. Первое из них, как правило, выражается глаголами, производными от ‘видеть’. Напротив, второе концептуализируется как в какой-то мере автономное от Экспериенцера и выражается либо глаголами, не связанными с ‘нюхать’, либо лабильными глаголами» (с. 151). Представляется, что в данном случае объяснение оказывается отчасти круговым: постулируется, что состояние ‘быть видимым’ не выражается лабильным глаголом, потому что оно выражается глаголом, производным от глагола ‘видеть’. Впрочем, тот факт, что эта проблема пока остается нерешенной, специально оговаривается.

Наиболее редким в языках мира, как узнает читатель, является взаимный тип лабильности. Это тем более интересно, что рефлексивная лабильность, рассматриваемая ниже, встречается существенно чаще, между тем как близость взаимного и рефлексивного значений в целом считается давно доказанной. Такую несимметричность автор объясняет двумя причинами: «большей сложностью взаимного значения по сравнению с возвратным» (при взаимности два участника не полностью совпадают: на самом деле ситуация распадается на два подсобытия с одинаковым набором ролей, участники которых выполняют разные роли в разных подсобытиях) и «происхождением возвратных конструкций» (с. 154). В целом и рефлексивно- и взаимно-лабильные глаголы в языках мира ограничены определенными семантическими классами лексем: в случае взаимной лабильности это ситуации, «для которых прототипическим является именно взаимное протекание» (с. 157), в случае рефлексивной лабильности это в основном глаголы «ухода за телом». Но и эти глаголы не обязательно оказываются лабильными. По мнению Летучего, это объясняется конкуренцией рефлексивной лабильности с рефлексивными показателями, с одной стороны, и опущением объекта с другой.

На мой взгляд, наиболее интересной и важной при анализе каждого из типов лабильности является попытка обнаружить семантические закономерности, определяющие ограничения на лабильность того или иного типа, и объяснить, почему одни типы лабильности представлены в языках мира шире, чем другие. К вопросу о причинах продуктивности и разнообразия декаузативного типа (о них косвенно свидетельствует и соотношение объемов текста, посвященного декаузативному типу и всем остальным типам лабильности вместе взятым: 36 страниц против 30) автор возвращается и в разделе 3.1.6 «Выводы» и находит несколько таких причин: во-первых, практически повсеместная распространенность взаимных и возвратных показателей, в то время как декаузативный или каузативный показатель есть не во всех языках, а во-вторых, сравнительная семантическая простота декаузативных отношений.

Вторая половина третьей главы посвящена другому способу классификации — на этот раз классификации не типов само́й лабильности, а тех глаголов, которые часто оказываются лабильными в разных языках. В ней рассматривается несколько таких семантических классов: фазовые глаголы, глаголы движения и глаголы звукоизвлечения. Глаголы этих трех классов бывают лабильными даже в тех языках, для которых лабильность в общем не характерна. Внутри этих классов в отношении лабильности глаголы также могут вести себя по-разному. Так, например, начинательные глаголы гораздо чаще оказываются

лабильными, чем цессативные глаголы (с семантикой завершения). Автор объясняет это более низкой семантической переходностью ситуаций типа ‘начать’ по сравнению с ситуациями типа ‘закончить’; естественно, что, если в языке в целом лабильность нехарактерна для выражения ситуаций с высокой степенью транзитивности, лабилен будет скорее глагол ‘начать’ (противоположный вывод, который приводится в тексте монографии на с. 177, по-видимому, результат опечатки — по крайней мере, статистические данные, приведенные выше, противоречат ему). Не останавливаясь, за неимением места, на этом содержащем меткие наблюдения и ценные выводы разделе, отмечу, что в целом анализ глаголов названных классов лишний раз подтверждает идею, высказывавшуюся в предыдущих частях монографии: в отличие от актантной деривации, лабильность — не грамматическое, а лексико-грамматическое явление, поскольку она часто имеет гораздо большие ограничения на лексический класс глагола.

Не менее важными для лабильности оказываются формальные свойства глаголов. В частности, как указывает автор, бывает, что определенный тип производных глаголов тяготеет к лабильности больше, чем глаголы, от которых они образованы. В книге рассмотрены несколько особых типов производности (каузативы, отыменные глаголы, образование по заимствованной модели) и обсуждаются возможные причины большей расположенности таких глаголов к лабильности. Исследователь приходит к выводу, что лабильности способствуют не формальные, а семантические причины: у таких глаголов различные компоненты значения, в частности агентивность, часто уходят на второй план, по сравнению со значением деривации, а сами глаголы обозначают ситуации, менее важные для носителей, что позволяет языку экономить усилия, объединяя две ситуации в один глагол.

Глава 4 «Критерии лабильности» вновь возвращает читателя к проблеме определения границ лабильности, на этот раз в конкретной ситуации эргативных языков, где лабильность и коммуникативное опущение неразличимы. Анализируя критерии, предлагавшиеся, в первую очередь, в [Haspelmath 1991], и находя их недостаточными для разграничения лабильности и переходных глаголов, Летучий задается вопросом о возможности тестов на лабильность в эргативных языках. Оказывается, что доказать нелабильность определенного глагола действительно иногда не удается. Единственное, на что можно опираться в такой ситуации, — это системный критерий (наличие или отсутствие нелабильных глаголов в языке в принципе) и типологический критерий (выражение данного значения в аккузативных языках, где отграничить опущение агентивного субъекта от лабильности можно благодаря падежному маркированию). Именно последний критерий Летучий считает решающим аргументом в пользу лабильности. Наконец, он рассматривает обсуждавшееся в англоязычных работах предложение считать саму лабильность критерием неаккузативности. Согласно его мнению, по ряду причин такое решение неудачно, прежде всего, потому, что в разных языках лабильны самые разные группы глаголов, а значит, лабильность не может объясняться неаккузативностью — или, по крайней мере, только ею.

Пятая глава «Типология систем лабильных глаголов» важна для понимания авторского подхода к лабильности как к явлению, тесно связанному со множеством других характеристик грамматической системы языка. Ее первый раздел посвящен анализу связей соотношения лабильных глаголов с показателями актантной деривации. Как показывает Летучий, деривационные показатели и лабильность не обязательно дополнительно распределены, хотя многие языки действительно запрещают присоединение показателя актантной деривации к лабильному глаголу. Объяснения причин этого запрета, по-видимому, должны быть индивидуальны для каждого отдельно взятого языка: можно объяснять его производностью одного из употреблений лабильного глагола (в этом случае оно считается уже содержащим нулевой показатель актантной деривации), несовместимостью с показателем актантной деривации определенных семантических компонентов в составе лабильного глагола, относительной продуктивностью показателя, различной семантикой лабильности и показателя актантной деривации, «аспектуальными» (акциональными) свойствами лабильных глаголов, общими ограничениями на переходность исходного глагола или, когда другие объяснения

не работают, просто действием принципа экономии. Способность лабильных глаголов присоединять показатель актантной деривации, казалось бы, противоречит принципу экономии. В этом случае необходимо проанализировать семантические различия между дериватами и лабильными глаголами. Среди встречающихся в языках мира случаев — различия по типу каузации, по семантике ситуации в целом, в частности по аспектуальным свойствам или по свойствам актантов. Основной вывод автора заключается в том, что лабильность не является способом выражения значений актантной деривации, но и не полностью независима от нее.

Далее он перечисляет основные параметры, релевантные при описании лабильности в том или ином языке. К их числу относится количественное соотношение лабильных и нелабильных глаголов, преобладающий тип лабильности (здесь же вводится противопоставление ядерных и периферийных систем: ядерными Летучий называет такие системы, где лабильными являются глаголы с прототипическим пациенсом, а периферийными — системы с лабильными глаголами, обладающими непрототипическим пациенсом), гомогенность или гетерогенность системы с точки зрения количества семантических классов лабильных глаголов, продуктивность лабильности, способность лабильных глаголов сочетаться с показателями актантной деривации, морфологические свойства лабильных глаголов. Более подробно многие свойства уже обсуждались выше, однако в этом разделе приводятся интересные статистические данные по распределению различных свойств в языках мира и их корреляции. В частности, на с. 249—250 приводится классификация языков с разными значениями по трем первым признакам (гомогенности, количеству лабильных глаголов и близости к переходному прототипу). Как отмечается во введении к этому разделу, перечисленные параметры могут послужить опорой для составления анкеты по лабильности, которую можно было бы использовать в исследованиях ранее не описанных языков.

Важный результат наблюдений о лабильности в разных языках как о системе состоит в том, что имеет смысл выделять два разных типа лабильности: грамматическую лабильность, предполагающую существование «единого класса прототипически переходных лабильных глаголов, не сочетающихся с показателями деривации» (с. 252), и лексическую лабильность, предполагающую разрозненный набор лабильных глаголов из разных групп. Тип лабильности в языке, по мысли автора, зависит от других особенностей языковой системы. Оговаривая тот факт, что лабильность в действительности может быть связана с множеством явлений в языке, он останавливается на трех: строй языка, система актантных дериваций и склонность языка допускать pro-drop. На основе анализа большой типологической выборки автор выявляет ряд тенденций взаимосвязи лабильности с определенными свойствами языка. Количество обнаруженных закономерностей настолько велико, что нет возможности даже перечислить их здесь. В заключение раздела Летучий приводит сведения о географическом распространении лабильности — как в целом, так и отдельных характеристик лабильных систем.

Глава 6 одна из самых смелых в монографии. В ней рассматриваются возможные сценарии возникновения и исчезновения лабильности в языке. Судя по имеющимся сведениям, количество лабильных глаголов в языке может как возрастать, так и уменьшаться; изменения могут затрагивать и саму группу лабильных глаголов, например, может меняться ее семантическое ядро. Отвечая на вопрос: «Откуда берутся лабильные глаголы?» (раздел 6.1), — автор выделяет несколько известных из лингвистической литературы путей: системное слияние переходных и непереходных основ; появление деривации, нейтрализующей противопоставление глагольных классов; вытеснение одной из основ; опущение показателя понижения переходности; переосмысление модели с понижением синтаксического статуса прямого объекта или опущением субъекта. Таким образом, и здесь мы видим, что лабильность возникает в результате особых синтаксических процессов, не обязательно связанных с актантными деривациями.

Анализ исторических данных позволяет ответить еще на один вопрос: существуют ли какие-то семантические закономерности в направлении развития лабильности,

т. е. в том, какое из употреблений для того или иного лабильного глагола является исходным. По-видимому, существует группа глаголов, для которых сам вопрос о направлении «лабилизации» нерелевантен: «даже если одно из них возникло раньше, второе могло развиться не от него, а независимо» (с. 300). Кроме того, получается, что направление маркированной актантной деривации не всегда коррелирует с направлением развития лабильности.

Глава 7 содержит полный анализ системы лабильных глаголов в арабском языке. Для неспециалиста она интересна, прежде всего, как иллюстрация практического применения тех теоретических положений, которые были разработаны автором для анализа лабильности и были изложены в монографии.

Завершают книгу, помимо заключения, содержащего основные выводы и повторяющего наиболее интересные наблюдения, два приложения. В первом приводятся классификации лабильных глаголов на разных основаниях: по соотношению между употреблениями, по семантическому классу и по синтаксическим свойствам. Во втором приложении «Несколько портретов» содержатся краткие описания систем лабильных глаголов в нескольких разноструктурных языках различной генетической принадлежности: в ава пит, агульском, адыгейском, апинайе, арабском, болгарском, варекена, варихио, кора, лавукалеве, лезгинском, немецком, русском, французском и хакасском. Автор не поясняет причин выбора именно этих «портретируемых», и остается только предположить, что такой набор языков позволяет продемонстрировать возможности устройства систем лабильных глаголов во всем их многообразии. В совокупности два приложения могут служить краткой моделью для описания лабильности в новых языках.

Наибольшие затруднения при чтении вызывает, пожалуй, структура монографии; отдельные логические переходы, вероятно, стали жертвой переработки диссертации в книгу. В то же время очевидно, что в работе, настолько всесторонне описывающей лабильность, вряд ли можно избежать повторов. Немногочисленные опечатки и ошибки, частично упомянутые в тексте рецензии, ошибки в списке литературы (отсутствуют некоторые работы, цитируемые в тексте, например, «[Лютикова 2001]» (с. 256) или «[Creissels, in press]»[2] (с. 205), а также некоторые другие), части текста, по-видимому, выпавшие при редактировании (как на с. 34) или, наоборот, продублированные (как на с. 51), и неловкое построение отдельных фраз (вроде «Существенно, что для этих направлений существенны…» на с. 24) вполне могут быть исправлены в следующих изданиях, которые, как кажется, суждено пережить этой работе: слишком велико ее значение как энциклопедии актуального знания о лабильности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Летучий 2005 — Летучий А. Б. Непрототипическая переходность и лабильность: фазовые лабильные глаголы // Вопросы языкознания. 2005. № 4. С. 57—75. [Letuchiy A. B. Non-prototypic transitivity and lability: Phasal labile verbs. *Voprosy jazykoznanija*. 2005. No. 4. Pp. 57—75.]

Летучий 2006 — Летучий А. Б. Типология лабильных глаголов: семантические и морфосинтаксические аспекты: Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2006. [Letuchiy A. B. *Tipologiya labil'nykh glagolov: semanticheskie i morfo-sintaksicheskie aspekty. Kand. diss*. [A typology of labile verbs: Semantic and morphosyntactic aspects. Cand. diss.]. Moscow: Lomonosov Moscow State Univ., 2006.]

Лютикова 2002 — Лютикова Е. А. Русские лабильные глаголы в типологической перспективе. Материалы к докладу на Ломоносовских чтениях. М., 2002. [Lyutikova E. A. *Russkie labil'nye glagoly v tipologicheskoi perspektive. Materialy k dokladu na Lomonosovskikh chteniyakh* [Russian labile verbs in typological perspective. Materials for the report at the Lomonosov readings. Moscow, 2002.]

Недялков 1969 — Недялков В. П. Некоторые вероятностные универсалии в глагольном словообразовании // Вардуль И. Ф. (ред.). Языковые универсалии и лингвистическая типология. М.: Наука, 1969. С. 106—114. [Nedyalkov V. P. Some statistic universals in verbal word formation. *Yazykovye universalii i lingvisticheskaya tipologiya*. Vardul' I. F. (ed.). Moscow: Nauka, 1969. Pp 106—114.]

[2] Вероятно, имеется в виду работа [Creissels 2014].

Плунгян 2011 — Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику. М.: РГГУ, 2011. [Plungian V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku* [Introduction to grammatical semantics]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2011.]

Полинская 1986 — Полинская М. С. Диффузные глаголы в синтаксисе эргативных языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1986. [Polinskaya M. S. *Diffuznye glagoly v sintaksise ergativnykh yazykov: Avtoref. kand. diss*. [Diffuse verbs in the syntax of ergative languages. Author's abstract of the cand. diss.] Moscow: Institute of Linguistics, Academy of Sciences of the USSR, 1986.]

Creissels 2014 — Creissels D. P-lability and radical P-alignment. *Linguistics*. 2014. Vol. 52. No. 4. Pp. 911—944.

Grimshaw 1990 — Grimshaw J. *Argument structure*. Cambridge (MA): MIT Press, 1990.

Haspelmath 1991 — Haspelmath M. On the question of deep ergativity: The evidence from Lezgian. *Papiere zur Linguistik*. 1991. Vol. 44 / 45. Pp. 5—26.

Haspelmath 1993 — Haspelmath M. More on the typology of inchoative / causative verb alternations. *Causatives and transitivity*. Comrie B., Polinsky M. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1993. Pp. 87—120.

Shibatani 2002 — Shibatani M. Introduction: Some basic issues on the grammar of causation. *The grammar of causation and interpersonal manipulation*. Shibatani M. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 2002. Pp. 1—22.

Vendler 1957 — Vendler Z. Verbs and times. *The philosophical review*. 1957. Vol. 66. Pp. 43—160.

I. Bornkessel-Schlesewsky, A. L. Malchukov, M. Richards **(eds.). Scales and hierarchies: A cross-disciplinary perspective.** Berlin: Mouton de Gruyter, 2015. 356 p. (Trends in Linguistics 277). ISBN 978-3-11-0344000-4 *.

Антон Владимирович Циммерлинг

Московский педагогический государственный университет, Москва, 119991, Российская Федерация; Институт языкознания РАН, Москва, 125009, Российская Федерация; fagraey64@hotmail.com

Anton Zimmerling

Moscow State Pedagogical University, Moscow, 119991, Russian Federation; Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, 125009, Russian Federation; fagraey64@hotmail.com

Рецензируемое издание посвящено статусу грамматически релевантных шкал и иерархий, таких как иерархия одушевленности Силверстайна [Silverstein 1976], иерархия доступности Кинена — Комри [Keenan, Comrie 1977], гармонизированные падежные фильтры Дж. Айссен [Aissen 2003] и т. п. в современных концепциях лингвистической типологии и общей грамматики. Под релевантностью в данном случае понимается ситуация, когда от выбора некоторого значения, например, значения «3 л.», или значения «одушевленность», или значения «прошедшее время» и т. п., предположительно являющегося элементом некоторой шкалы референциально-дейктических значений, зависит выбор формы или категориального значения иного типа (например, именным вершинам или местоимениям приписывается винительный или эргативный падеж) или разных комбинаций морфосинтаксических признаков (например, выбор между падежно оформленным и падежно неоформленными именем, между структурой с эксплицитно выраженным согласованием и структурой без него и т. п.). В общей форме можно согласиться с автором гл. 4, М. Сисоу (M. Cysouw), который утверждает, что шкалы признаков эксплицируют соотношение между формой и функцией в языке; правда, модель шкалы, которую предлагает этот автор, вызывает вопросы, о чем см. ниже. В равной мере можно согласиться и с авторами гл. 5 С. Кайне (S. Keine) и Г. Мюллером (G. Müller) и автором гл. 6 Й. Троммером (J. Trommer), которые полагают, что описание в терминах шкал эксплицирует взаимодействие между разными механизмами грамматики

* Рецензия написана при поддержке проекта Министерства образования и науки Российской Федерации № 2685 «Параметрическое описание грамматических систем».

и словарем. Больше сомнений вызывает стремление авторов гл. 7 М. Ричардса (M. Richards), гл. 8 П. Бискупа (P. Biskup) и Г. Цыбатов (G. Zybatow) и гл. 9 Я. Хамана (J. Hamann) доказать, что механизмы формального синтаксиса изначально гармонизированы с иерархиями референциально-дейктических и функционально-семантических категорий, но возможен и такой подход. Многообразие подходов объясняется тем, что лингвисты, использующие признаковые шкалы и иерархии, придерживаются разных взглядов на структуру грамматики и соотношение общей и частной грамматики. Поэтому для проверки валидности шкал нужны методы, не зависящие от выбора той или иной доктринальной теории (framework). В этой связи уместна предпринятая авторами гл. 2 Б. Биккелем (B. Bickel), А. Вицлак-Макаревич (A. Witzlak-Makarevich) и Т. Захарко (T. Zacharko) попытка методами математической статистики доказать, что признаковые шкалы вообще лишены предсказательной силы.

В основном в книге обсуждаются референциальные и функционально-семантические шкалы, опирающиеся на структуралистское понятие маркированности (markedness), см. общие замечания на с. 10—11, и гораздо реже — шкалы, опирающиеся на когнитивное понятие выделенных значений (prominence); в качестве примера последних рассматривается шкала переходности Хоппера — Томпсон, см. [Hopper, Thompson 1980: 276—277]. Шкалы референциальных и функционально-семантических категорий, первоначально полученные путем наблюдений за данными ограниченного числа языков или даже одного отдельно взятого языка, в исследованиях последних десятилетий нередко вводятся в качестве априорных принципов или признаются статистически общезначимыми тенденциями. Полемика вокруг статуса референциальных и функционально-семантических шкал и возможностей верификации гипотез об их универсальности часто совмещается с полемикой между сторонниками и противниками гипотезы об универсальной структуре фразовых категорий: среди авторов разделов рецензируемой книги есть и те, и другие. Обещанная в подзаголовке междисциплинарность мимолетно возникает лишь в заключительной главе, где сделан экскурс в область нейролингвистики и выдвинут тезис о том, что «шкалы выделенности играют ключевую роль в процессе восприятия языка в режиме реального времени, особенно — в том, что касается определения ролей и степени их соответствия прототипам»[1] (с. 345). Большинство разделов книги можно читать, не задумываясь над этой перспективой, так как в них обсуждается не восприятие языка, а порождение правильно построенных грамматических выражений.

Как известно, в теоретической лингвистике используются как иерархические концепции, предполагающие поуровневое порождение и распознавание языковых структур (ср. классический структурализм и модель «Смысл ⇔ Текст» [Mel'čuk 1995]), так и концепции, предполагающие взаимодействие параллельно работающих модулей: некоторые из концепций последнего типа обсуждаются в рецензируемой книге, особенно подробно — в гл. 5, 6, 7 и 9. Применяя данное разделение к рецензируемой книге как носителю лингвистической информации, мы замечаем, что она явно построена по модулярному принципу, и перед читателем встает непростая задача гармонизировать выводы авторов, придерживающихся противоположных точек зрения. Первая глава — «Введение», совместно написанная тремя редакторами-составителями, И. Борнкессель-Шлезевски (I. Bornkessel-Schlesewsky), А. Л. Мальчуковым (A. Malchukov) и М. Ричардсом (M. Richards), преувеличивает тематическое единство последующих. Сама книга дает ключ для проверки — в кратком указателе (с. 353—356) встречаются термины, не упоминающиеся за пределами одного-двух разделов, ср. «дефектный зонд», «матрица несходства», «прото-роль» и т. п. Нет и общего списка литературы, что, впрочем, является чисто техническим замечанием, поскольку пересечения между списками литературы отдельных глав очевидны. Тем не менее, главы книги легко разбить на несколько блоков.

Две главы — гл. 2 «Типологические свидетельства против универсальности влияний референциальных шкал на падежные стратегии» и гл. 4. «Обобщая шкалы» — предлагают математический аппарат для количественного анализа данных и проверки гипотез

[1] Перевод наш. — *А. Ц.*

о предполагаемых скалярных эффектах в языках мира, при этом выводы авторов этих глав противоположны. Б. Биккель и его соавторы в гл. 2 стремятся доказать, что шкалы типа иерархии Сильверстайна лишены предсказательной силы, а схождения между языками мира в плане дифференцированного маркирования агенса и пациенса можно объяснить ареальными контактами или генетическим родством. Напротив, М. Сисоу в гл. 4 утверждает, что шкалы — правильный инструмент для описания соотношения формы и функции, а вводимое им понятие «обобщенной шкалы» (generalized scale), описывающей соотношение формальной и функциональной шкал, примерно соответствует математическому понятию «матрица несходства» (dissimilarity matrix, с. 73).

Пять глав могут быть отнесены к исследованиям в области формальных моделей языка (здесь рецензенту не всегда хватает устоявшихся русскоязычных терминов). В данный блок входят гл. 5 «Кодирование аргументов при помощи операции Impoverishment» (С. Кайне и Г. Мюллер), представляющая собой попытку синтеза дистрибутивной морфологии М. Халле и А. Маранца [Halle, Marantz 1994] с теорией оптимальности, гл. 6 «∅-согласование в языке туркана» (Й. Троммер), написанная с позиций формальной модели [Stump 2001], где признаются всего две стадии «озвучивания» абстрактных морфосинтаксических признаков — так называемые «словарная вставка» (vocabulary insertion) и «лицензирование нулевой формы» (∅-licensing), а также три главы, написанные с позиций минималистской программы Н. Хомского и разъясняющие одно из центральных понятий данной доктрины — отношение между зондом (probe) и мишенью (goal), операцию Agree — см. гл. 7 «Дефектное Agree, падежные альтернации и выделенный статус лица» (М. Ричардс), гл. 8 «Префиксы, шкалы и теория грамматики» (П. Бискуп и Г. Цыбатов), и, наконец, гл. 9 «Кодирование аргументов в системах с категорией версии и референциально мотивированное Agree» (Argument encoding in Direction systems and Specificity-Driven Agree, Я. Хаман).

Два раздела — гл. 10 «К типологии расщепленной эргативности: роль ТАМ-иерархии для расщепленной стратегии кодирования» (А. Л. Мальчуков) и гл. 11 «Падежные системы с расщепленным кодированием единственного участника» (Split Marked-S case systems, К. Хандшу (C. Handschuh) — связаны с качественной оценкой признаковых иерархий как механизмов, релевантных для морфосинтаксиса избранных классов языков мира. Авторы этих глав концентрируются не на поиске исключений из иерархий, а на выявлении релевантных для их диагностики областей. А. Л. Мальчуков полагает, что введение общей иерархии видо-временных и модальных категорий «Императив → Футурум → Презенс → Имперфект → Аорист → Результатив» позволяет успешно предсказать вероятность маркирования актанта винительным либо эргативным падежом в ряде языков с расщепленной эргативностью (с. 285), при этом охваченный материал позволил ему ограничиться введением единой иерархии ТАМ для всех изученных языков. В статье К. Хандшу рассмотрен иной класс языков — языки с расщепленным кодированием единственного участника, при этом материал подтолкнул исследователя к иному выводу. Хандшу показывает, что все случаи расщепленного приписывания ненулевого показателя именительного падежа в зависимости от граммемы лица, различения местоименных и неместоименных актантов, типов клауз, грамматического рода актанта в каждом конкретном языке с расщепленным кодированием единственного участника удовлетворительно описываются иерархией того или иного вида. Однако введение универсальной иерархии доступности для всего описываемого класса языков, по мнению автора главы, заводит в тупик: если механизм приписывания ненулевой формы именительного падежа в языке L_1 четко описывается действующей в нем иерархией граммем грамматического рода, неясно, зачем объединять ее с иерархией клауз или иерархиями местоименных и неместоименных выражений, действующими в языках L_2, L_3 (с. 319). Против обобщенных шкал, объясняющих распределение элементов более чем одной грамматической категории, выступают также авторы гл. 2. (с. 11).

В более общей форме данная проблема поднята в краткой гл. 3 «Дескриптивные шкалы и сравнительные шкалы», написанной М. Хаспельматом (M. Haspelmath). Автор предостерегает против того, чтобы «дескриптивные» шкалы, полученные путем эмпирических

наблюдений над конкретными языками, смешивались со «сравнительными», представляющими собой индуктивные обобщения, а последние проецировались в формальные модели языка и обретали там статус универсалий (с. 52). Непосредственной мишенью критики здесь служат Дж. Айссен и другие авторы, абсолютизирующие эффекты выделенных шкал. Признавая справедливость этого замечания, укажем, что использование Хаспельматом термина «comparative» в значении ‘типологический’, ср. comparative notions в значении ‘категории, необходимые для сопоставительного и/или типологического описания языков’, comparative scales и т. п. неудачно и создает лишние аллюзии, поскольку термин «comparative» имеет устойчивое и давнее употребление в значении «сравнительно-исторический», «относящийся к процедуре анализа генетического родства между языками».

Последняя глава, гл. 12 «Шкалы в процессе восприятия языка в режиме реального времени. Обзор» И. Борнкессель-Шлезевски (I. Bornkessel-Schlesewsky) и М. Шлезевски (M. Schlesewsky), возвращает к проблеме универсальности шкал. Бегло обсуждая тестовые примеры на английском, немецком, японском и китайском языках, авторы делают упор не на своеобразии материала, а на предположительно общих когнитивных механизмах определения семантики ролей участников ситуации и степени их соответствия прототипическим манифестациям данных ролей. Глава, скорее, намечает новую перспективу, чем подытоживает содержание предыдущих разделов, где шла речь не о восприятии, а о порождении языковых структур. Впрочем, сам факт включения шкал референциальных, семантических и смешанных семантико-синтаксических категорий в такие формальные модели языка, как минимализм (ср. гл. 7—9) отчасти подтверждает когнитивную ориентацию последних. По крайней мере, такую версию предлагают их сторонники в рецензируемой книге (с. 176, 224).

Каждая глава — серьезное исследование, заслуживающее критического чтения, особенно в связи с тем, что авторы глав старательно избегают прямой полемики друг с другом. В порядке дискуссии рецензент выражает свое субъективное мнение о том, что авторам гл. 2, несмотря на новаторское применение алгоритмов логистической регрессии к данным выборки языков (с. 23, 35—38), не удалось доказать свой программный тезис о том, что ареальные и генетические связи языков предсказывают явления дифференцированного маркирования пациенса и агенса лучше, чем постулируемые предшественниками универсальные иерархии (с. 40). Во-первых, это связано с особенностями выборки. Авторы опираются на ранее выдвинутую гипотезу Б. Биккеля [Bickel 2013] о том, что в каждой языковой семье есть предрасположенность либо к соответствию, либо к несоответствию шкале («each family is biased towards fitting the scale as opposed to not fitting the scale», с. 22), поэтому предсказываемое шкалой сходное распределение падежных маркеров в конкретных языках может объясняться также генетическим родством и ареальными контактами между ними. В двух ареалах, Евразии и Сахуле (Австралия и Южная Гвинея), налицо возмущающий фактор — языковые контакты и генетическое родство языков, однако базиса для проверки не существует, так за пределами этих ареалов пока не выделено сопоставимого числа хорошо документированных падежных систем с дифференцированным маркированием аргументов. Поэтому отсутствие положительной корреляции между предсказаниями шкалы Силверстайна и статистикой Биккеля, Вицлак-Макаревич и Захарко не доказывает, что наблюдаемое распределение лучше объясняется альтернативной гипотезой об ареальных и генетических связях языков выборки: для доказательства нужна вторая, контрольная, выборка, а также более подробное обоснование того, как именно при подсчетах формализуется упомянутая на с. 24 гипотеза о предрасположенности языковой семьи к не-/соответствию шкале, учитываются ли разные темпы развития языков и т. п. Во-вторых, совершенно неочевиден выбранный Биккелем и соавторами критерий фальсификации тезиса об универсальной значимости шкал: неясно, на чем основано представление о том, что если *S* — универсально значимая шкала, ее эффекты должны проявляться автоматически на любой большой (в несколько сот языков) выборке языков мира и не погашаться возмущающими факторами. Несмотря на перечисленные выше вопросы, данная глава производит впечатление одной из наиболее фундаментальных.

Неопределенность остается и после прочтения гл. 4 об обобщенных шкалах, которые автор главы, М. Сисоу, объявляет лучшим инструментом для описания соотношения формы и функции в языке. Лингвистически содержательная интерпретация того, что представляет собой обобщенная шкала, улавливается с трудом, а семантический анализ предикатных значений представлен рудиментарно. Вначале Сисоу заменяет понятие упорядоченности шкал понятием расстояния (distance), затем строит функционально-семантическую шкалу из 31 ранее выделенного значения в формате NeighborNet [Bryant, Molton 2003] и убеждает принять нелинейное, *n*-мерное представление функциональной шкалы, «поскольку значение / функция — очень сложный и многомерный объект» (с. 65). Затем строится формальная шкала, основанная на таком параметре, как длина глагола (в буквах) в парах «инхоативный глагол vs. каузативный глагол»[2]. Семантическая валидность полученной «обобщенной шкалы», дающей корреляцию между длиной глагола в буквах и тэгами значений, включенными в изначальный набор из 31 значения (выделенных безотносительно к конкретному языку), осталась для рецензента загадкой, тем более что значение KILL ‘убивать’ по конвенциям анализа трактуется как каузатив к предположительному инхоативу DIE ‘умирать’, что с точки зрения семантики не лучшее решение. Если Сисоу предпочитает многомерные шкалы линейным, то для А. Л. Мальчукова одно- или двухмерное представление TAM-иерархии для актантов, получающих винительный и эргативный падеж, — в большей мере технический, нежели концептуальный момент (с. 288). Правда, Сисоу и Мальчуков оперируют шкалами разного типа. Скрытая полемика возникает и при обсуждении понятия маркированности, польза которого для типологии подвергается сомнению в гл. 2 на с. 10—11, в то время как в гл. 10, шкалы, основанные на понятии маркированности, признаются более полезными для типолога, чем шкалы, построенные на понятиях выделенности / индексирования и степени соответствия прототипу: утверждается, что применение шкал, основанных на понятиях прото-агенса и прото-пациенса, ср. работы [Hopper, Thompson 1980; Dowty 1991; Næss 2007], ведет к противоречиям (с. 277, 281).

В глазах многих лингвистов наших дней референциальные и функционально-семантические шкалы обладают большей притягательной силой, если претендуют на универсальность. Но проверять с точки зрения продуктивности и новизны модели, апеллирующие к понятию шкал, все равно приходится на конкретном языковом материале. В этом плане наиболее содержательный анализ, на наш взгляд, предложен С. Кайне и Г. Мюллером в гл. 5. Они вслед за М. Халле и А. Маранцем [Halle, Marantz 1994] принимают тезис о том, что окончательное достраивание морфологической структуры происходит уже после действия синтаксического компонента грамматики, а разобранное Дж. Айссен противопоставление признаковой падежной vs. беспризнаковой (нулевой) форм дополнения считают частным случаем выбора между разными морфологическими маркерами (с. 76). Если альтернации двух ненулевых морфологических маркеров описывать в терминах тех же самых падежных фильтров, что выбор между структурным падежом и нулевой формой, дифференцированное падежное маркирование можно интерпретировать не как бинарный, а как скалярный механизм. Модель, где комбинации морфологических признаков понимаются как фильтры, способные блокировать приписывание того или иного падежа, совместима как с теорией оптимальности, так и с типологией. Авторы предлагают связное объяснение внешне разнородных случаев, таких как альтернации эргативного и именительного падежей в хинди, маркирование неместоименных дополнений мужского рода в маннхеймском диалекте немецкого языка, распределение трех дативных маркеров в языке трумай, выбор между двумя маркерами предположительно одного и того же косвенного падежа в языке кавиненья и приписывание структурных падежей (именительный ~ винительный ~ родительный ~ партитивный)

[2] Правильное определение класса непереходных глаголов, соотнесенных с каузативами, заслуживает отдельного обсуждения. Ярлык «инхоативный» в применении к фазовым глаголам типа *закрываться*, неудачен, поскольку расходится с употреблением этого термина в аспектологии и семантических исследованиях.

в финском языке. Такой анализ возвращает к традиционной грамматике, дополняя ее теорией морфосинтаксического интерфейса, что признают сами авторы главы на с. 125: «…on this view, Optimality Theory emerges as a theory of the morphology-syntax interface».

Из чтения других глав возникает ощущение, что мотивацией для их авторов, наоборот, было размежевание с традиционной грамматикой. Й. Троммер в гл. 6 соглашается признать эффектом морфологической иерархии лишь реализацию беспризнаковой формы (с. 132), а реализации внешне выраженных морфологических маркеров согласования относит к стадии «лексической вставки». Описание довольно громоздко, содержит апелляции к понятию иконичности (с. 152) и ряд допущений ad hoc. Главным достоинством этой главы, помимо обсуждения фактов нилотского языка туркана, является эксплицитно выписанный алгоритм «лексической вставки» (с. 164—168).

Я. Хаман в гл. 9 борется с референциальными шкалами как «идиосинкратическими объектами, привязанными к конкретному языку» (с. 249), деля их элементы на два подмножества — элементов с конкретной референцией (первичное Agree) и элементов с иным референциальным статусом (вторичное Agree). Предметом анализа служат языки с категорией версии, в том числе языки банту, где повышение актанта в грамматической иерархии часто связано с поверхностно-синтаксическим (линейным) перемещением. Поэтому Хаман распространяет на все случаи реализации категории версии стандартный для минимализма анализ пассива как перемещения в А-позицию (аргументную позицию). Добавление маркера версии происходит тогда, когда дополнение референциально более выделено, чем подлежащее. Автор предлагает считать этот механизм частным случаем теории падежа, где контролер операции (признак референциальной выделенности) может быть нелокальным. В перспективе само́й минималистской программы проблема все равно не решена, так как Хаман утверждает, что в языках банту позиция SpecTP, куда продвигается инвертированный аргумент, является А-позицией, в то время как в других языках предположительно та же позиция считается А-штрих-позицией. К тому же, как признает на с. 269 сам автор главы, остается загадкой, почему признак «первичное Agree» способен вызвать перемещение в позицию SpecTP на левой периферии клаузы, а признак «вторичное Agree» — нет. Тем самым, проблема выделения разных контролеров морфосинтаксических операций в данной главе не решена, а лишь привязана к анализу в терминах структуры клаузы, многие детали которого из изложения неясны.

Авторы главы 8 П. Бискуп и Г. Цыбатов более толерантны к референциальным шкалам и делают попытку примирить их с хомскианской теорией фаз: интересующие их предложные группы (а также *v*P, расширенная оболочка глагольной группы, включающая, в том числе, группу приставочного глагола) считаются фазами. Возникает вопрос, что нового о приставочных глаголах в чешском и русском языках может сообщить такой анализ. Утверждается, что приставки и глагольные префиксы являются двухместными предикатами, и приставка может лицензировать дополнение, поэтому предложения типа русск. *Он доспал ночь* грамматичны, а предложения типа *Он спал всю ночь* — нет (с. 200). При приставочном глаголе, согласно авторам главы, всегда возникает требование заполнения семантической валентности, поэтому примеры типа **Он вписал свое имя* (уместные, например, в контексте общего вопроса) снабжены звездочкой; для того, чтобы примирить эти утверждения с интуицией, был бы желателен комментарий. Более общее замечание связано с условиями лицензирования безличных переходных конструкций при глаголах типа «забавлять», «напугать», ср. личную конструкцию (1), где авторы усматривают валентную рамку «экспериенцер (ACC): пациенс (NOM)», ср. с. 199, 213, при невозможности (2).

(1) ЧЕШСКИЙ

Pavl-a	*bavil-a*	*ta*	*nová*	*pohádk-a.*
Pavel-ACC	interested-SG.F	the	new	story-SG.F.NOM

‘Павла заинтересовала новая сказка’ (глоссирование из источника. — *А. Ц.*).

(2)

**Pavl-a*	*bavil-o*	*tu*	*novou*	*pohádk-ou.*
Pavel-NOM	interested-SG.N	the	new	story-SG.F.ACC

Представляется, что такая валентная рамка невозможна, а одушевленность дополнения и лексическая семантика глагола ментальной сферы типа ‘интересовать’, ‘напугать’ не являются достаточным основанием для введения роли экспериенцера; соответствующие конструкции удовлетворительно объясняются как каузативы ‘X заставил Y-а напугаться’. На момент выхода книги (2015 г.) уже имелись описания славянских и германских конструкций такого типа в терминах внешней каузации, при этом, как показано в [Zimmerling 2013; Lavine 2014; Zimmerling 2014], в позиции внешнего каузатора может оказываться как сентенциальный аргумент, так и нулевое синтаксическое подлежащее с ролевой семантикой.

Подытоживая изложенное, можно в целом согласиться с аннотацией на задней стороне обложки о том, что данная книга «продвигает понимание роли шкал и иерархий в лингвистических науках», хотя местами предлагаемый формализм к моменту выходу книги устарел или требовал более подробного обоснования. Книга, которую, учитывая сказанное выше, можно было бы озаглавить «Модулярная книга об иерархиях», достойна внимания лингвистов, а отдельные ее разделы могут использоваться в качестве справочника. Критиковать тематические сборники статей или коллективные монографии за то, что они обходят те или иные проблемы, не принято. Но в данном случае имеет смысл отступить от этого принципа в силу большого разброса тем при заявленной попытке полностью охватить область исследования. Книга с подобным названием выиграла бы от учета трех групп фактов:

1) Ни в одной из глав нет попытки обосновать различие механизмов вершинного и зависимостного маркирования; категории падежа и согласования обсуждаются в общем ключе, даже не упоминается о существовании класса языков с двойным маркированием.

2) При представлении языкового материала не приводится доказательств того, что альтернирующие падежные формы не являются алломорфами, термин «алломорфия» на страницах рецензированной книги вообще не встречается (по крайней мере, его нет в указателе).

3) Игнорируется релевантная для оценки эффектов иерархий и шкал проблема упорядочения клитик, в том числе, кластеризуемых клитик[3].

Возможно, эти и другие проблемы найдут отражение в последующих тематических сборниках и справочниках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Aissen 2003 — Aissen J. Differential object marking: Iconicity vs. economy. *Natural Language and Linguistic Theory*. 2003. Vol. 21. Pp. 435—483.

Bickel 2013 — Bickel B. Distributional biases in language families. *Language typology and historical contingency*. Bickel B., Grenoble L. A., Peterson D. A., Timberlake A. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2013. Pp. 415—444.

Bryant, Molton 2003 — Bryant D., Moulton V. Neighbor-net, an agglomerative method for the construction of phylogenetic networks. *Molecular Biology and Evolution.* 2003. Vol. 21. Pp. 255—265.

Jiang, Billings 2015 — Jiang H., Billings L. L. Person-based ordering of pronominal clitics in Rikavung Puyuma: An inverse analysis. *Proceedings of the 21st annual meeting of the Austronesian Formal Linguistics Association*. Camp A., Stabile C., Tanaka N., Otsuka Y. (eds.). Canberra: Australian National Univ., 2015. Pp. 87—106.

Dowty 1991 — Dowty D. Thematic proto-roles and argument selection. *Language*. 1991. Vol. 67. Pp. 547—619.

Halle, Marantz 1994 — Halle M., Marantz A. Some key features of Distributed Morphology. *Papers on Phonology and Morphology*. Carnie A., Harley H., Bures T. (eds.). Cambridge (MA): MITWPL, 1994. Pp. 275—288. (MIT Working Papers in Linguistics, vol. 21.)

Hopper, Thompson 1980 — Hopper P., Thompson S. Transitivity in grammar and discourse. *Language*. 1980. Vol. 56. Pp. 251—280.

[3] Из свежих работ заслуживает внимание [Jiang, Billings 2015], где на материале атаяльских языков показано, что порядок кластеризуемых местоименных клитик может определяться исключительно референциально-дейктической иерархией.

Keenan, Comrie 1977 — Keenan E., Comrie B. Noun Phrase accessibility and Universal Grammar. *Linguistic Inquiry*. 1977. Vol. 8. Pp. 63—99.

Lavine 2014 — Lavine J. Anti-Burzio predicates: From Russian and Ukrainian to Icelandic. *Vestnik MGGU. Serija Philologia*. 2014. No. 1. Pp. 91—106.

Mel'čuk 1995 — Mel'čuk I. *The Russian language in the Meaning ⇔ Text perspective*. Wien: Wiener Slawistischer Almanach, 1995. (Sonderband 39.)

Næss 2007 — Næss Å. *Prototypical transitivity*. Amsterdam: John Benjamins, 2007.

Silverstein 1976 — Silverstein M. Hierarchy of features and ergativity. *Grammatical categories in Australian languages*. Dixon R. (ed.). Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies, 1976. Pp. 112—171.

Stump 2001 — Stump G. T. *Inflectional morphology*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2001.

Zimmerling 2013 — Zimmerling A. Transitive impersonals in Slavic and Germanic: Zero subjects and Thematic Relations. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»* [Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2013. Vol. 12 (19). Pp. 723—737.

Zimmerling 2014 — Zimmerling A. Sententional arguments and event structure. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»* [Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2014. Vol. 13 (20). Pp. 710—727.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ / ACADEMIC LIFE

Международная научная конференция «Корпусная лингвистика — 2015»

Виктор Павлович Захаров, Илья Сергеевич Николаев, Мария Владимировна Хохлова[@]

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация; [@]m.khokhlova@spbu.ru

International scientific conference “Corpus Linguistics 2015”

Victor P. Zakharov, Ilya S. Nikolaev, Maria V. Khokhlova[@]

St. Petersburg State University, St. Petersburg, 199034, Russian Federation; [@]m.khokhlova@spbu.ru

22—26 июля 2015 г. в Санкт-Петербурге прошла международная научная конференция «Корпусная лингвистика — 2015». Корпусная лингвистика сегодня — это перспективное направление в языкознании. Создание и использование лингвистических корпусов (ЛК) является одной из фундаментальных задач как теоретической, так и прикладной лингвистики. Об активности этого направления в лингвистике свидетельствует большое число ежегодных крупных международных конференций в этой области, специализированных научных журналов, международных исследовательских проектов.

Как особое направление корпусная лингвистика сложилась в мировой науке к началу 1990-х гг. Россия встала на «корпусный» путь с некоторым опозданием, но движется по нему очень быстро. О востребованности корпусов, об их разнообразном использовании свидетельствуют как многочисленные публикации в российских лингвистических периодических изданиях, подготовленные на основе корпусных данных, так и доклады на лингвистических конференциях.

Конференция «Корпусная лингвистика», являющаяся единственной специализированной конференцией в нашей стране по данной проблематике, проводилась уже в седьмой раз. Конференцию проводит Санкт-Петербургский университет при участии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена и Института лингвистических исследований РАН. Конференция была организована при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 15-06-20404 Г).

В конференции приняли участие более 100 человек, было сделано более 50 докладов. География участников конференции показывает широкую степень распространенности корпусных исследований: докладчики представляли 19 городов Российской Федерации и 17 городов из 15 зарубежных стран. Материалы конференции опубликованы в сборнике [Труды 2015] и отражают широкую тематику исследований по корпусной лингвистике в России и за рубежом.

Проблемы, освещенные на конференции, имеют как теоретическое, так и прикладное значение, в частности, это проблемы репрезентативности и сбалансированности корпусов и отбора источников, лингвистической и экстралингвистической разметки, оценки достоверности полученных данных, другие аспекты создания и использования корпусов — программные, технологические, методологические. Значительное место занимают параллельные корпусы как инструмент исследования языка и как инструмент создания систем машинного перевода. Актуально направление создания специальных проблемно-ориентированных корпусов, решающих задачи создания онтологий и терминологических словарей.

В этом году конференция открылась школой-семинаром «Sketch Engine: A User-Friendly Corpus Query System» которую провел В. Бенко (Словакия). Sketch Engine — это мощная корпусная система, разработанная английскими

и чешскими учеными, являющаяся одновременно и коммерческой корпусной службой, предоставляющей доступ к нескольким сотням корпусов разных языков мира, и свободно распространяемым корпусным менеджером. Традиционная функция «Конкорданс» (Concordance) позволяет получить и обработать контексты для заданного слова, формы слова или словосочетания. Функция «Словарь» (Word List) дает возможность создавать частотные списки разных единиц в корпусе — лемм, словоформ, тегов. В системе Sketch Engine есть интереснейшие лингвистические возможности. Она выявляет коллокации (устойчивые словосочетания с указанием силы связи между компонентами), в том числе коллокации с учетом синтаксических формул (например, «глагол + прямое дополнение»), строить лексико-семантические поля для заданного слова, сравнивать сочетаемость синонимов, выявлять ключевые слова в корпусе. Доступ к системе и бесплатные полугодовые аккаунты для всех участников семинара были любезно предоставлены фирмой Lexicom Computing (Великобритания).

В этом году впервые на данной конференции была широко представлена новая методология формирования корпусов — создание корпусов на основе интернет-ресурсов по так называемой технологии «wacky» (Web As Corpus), или «BootCaT» (Bootstrap specialized Corpora and Terms from the web). Она зародилась более 10 лет назад [Kilgarriff, Grefenstette 2003] и благодаря развитию программно-лингвистических средств за последние годы заняла достойное место в современной корпусной лингвистике. Эта технология позволяет сравнительно быстро и без больших трудозатрат создавать корпуса объемом несколько миллиардов и даже несколько десятков миллиардов токенов [Jakubíček et al. 2013; Pomikálek, Suchomel 2012].

Данной тематике было посвящено два пленарных доклада и ряд секционных. В. П. Селегей и В. И. Беликов (Москва) рассказали о проекте Генерального интернет-корпуса русского языка (ГИКРЯ). Докладчики обобщили проблемы с существующими средствами исследования текстов и анонсировали проект, основанный на идее создания Генерального интернет-корпуса русского языка, в котором нарастающие в корпусной лингвистике проблемы могли бы быть частично преодолены.

Существующие корпусы, созданные в значительной степени вручную, относительно невелики по объему, и их содержимое часто отражает случайные особенности их создания. Классические корпусы XX в. функционально хорошо развиты. Однако сегодня стало очевидно, что они не могут рассматриваться как материализация понятия «норма языка». До появления источников электронных текстов не было возможности объективно исследовать «узус» и выявлять на этом основании норму. Любая кодификация была субъективной. Отождествление замкнутых универсальных корпусов (например, Национального корпуса русского языка) с нормой языка требует весьма существенных оговорок. Текстовое пространство языка сильно сегментировано, и каждый сегмент, социальный или географический, имеет свою норму, и поэтому уместно говорить о «мультинормативности» применительно к языку как к сложному объекту.

Встает задача создания «универсальных» корпусов, которые по мысли создателей содержали бы языковой материал, адекватный практически для любых исследовательских задач. Это позволило бы лингвистам создавать корпусы на базе Интернета, практически не ограниченного по объему и разнообразию текстового материала.

При этом ставятся такие задачи: адресация запросов к поисковым машинам, сбор достаточного количества текстов, распознавание структуры текста на страницах, качественный морфосинтаксический анализ со снятием неоднозначности, автоматическая классификация текстов по темам и жанрам, а также по другим релевантным критериям метатекстовой разметки. Все эти задачи должны решаться автоматически или преимущественно автоматически. Этим и занимается бурно развивающаяся область исследований, которую можно назвать «Автоматическое получение корпусов из Интернета». Естественно, на пути их создания и приближения к «универсальным» корпусам стоит много проблем. Докладчики рассмотрели содержательные и технологические подходы к решению этих проблем.

Эту же тему продолжил пленарный доклад В. Бенко (Словакия) «Веб-корпуса: Лингвистические ресурсы типа “сделай сам”». Автор рассказал о проекте, который реализуется в русле того же направления, что и ГИКРЯ. Это продолжающийся проект под названием Aranea («Паутина»), в рамках которого посредством открытых источников из Интернета и бесплатных инструментов создается семейство веб-корпусов, заслуживающих обозначения «сопоставимые» (отсюда и образное название «Паутина»). Сопоставимость их заключается в том, что они создаются для всех языков по единой методологии, технологии, с помощью одних и тех же лингвистически независимых программных средств, примерно в одно и то же время, одинакового размера, характеризуются близкими наборами лингвистических метаданных на основе спецификаций MULTEXT-East morphosyntactic specifications 4.0 (MTE). Для стандартизации морфоразметки создан

унифицированный набор тегов верхнего уровня. Проект был запущен весной 2013 г., на основе комплекса бесплатных инструментов, созданных в Брно (Университет им. Т. Г. Масарика) и в Штутгарте (Университет Штутгарта), которые включают робот Spiderling с открытым исходным кодом для эффективного создания и аннотации веб-корпусов, модули определения и отбора текстов с нужной кодировкой, программы устранения дублей как на уровне документов, так и внутри документа, токенизатор, морфоразметчик и собственно систему NoSketch Engine. В настоящее время созданы корпусы для 15 языков (включая китайский), все корпусы имеют четыре «типоразмера»: стандартный объемом 1,2 млрд токенов, уменьшенный для учебных целей (120 млн токенов), тестовый для внутренних экспериментов (12 млн токенов), максимальный (для русского языка создается большой корпус объемом порядка 13 мрлд токенов). Такие корпусы могут использоваться для исследований одного языка, а могут — для сравнительных исследований нескольких языков. Для всех языков созданы совместимые грамматики сочетаемости (шаблоны лексико-синтаксических сочетаний) [Benko 2014].

В примыкающем к данной проблематике исследовании В. П. Захарова (Санкт-Петербург) «Оценка качества Интернет-корпусов русского языка» обсуждается использование корпусов большого объема, созданных на основе текстов из Интернета. Описываются качество текстов веб-документов и проблема сбалансированности создаваемых корпусов. Автор на основе своего опыта считает, что вполне приличный объем Национального корпуса русского языка (основной корпус 265 млн словоупотреблений) нередко оказывается недостаточным для получения полноценных достоверных данных. Этого объема мало, как правило, для словосочетаний. Его недостаточно и для диахронических исследований.

Исследования, проведенные на основе wacky-корпусов, показали новые проблемы, которые можно подразделить на несколько видов: проблемы качества лингвистической разметки, проблемы метаразметки и технические задачи, связанные с удалением дублей, элементов гипертекстовых языков разметки веб-документов и т. п. Как было показано в докладе В. Бенко, многие подобные технические проблемы довольно успешно решаются. Однако проблемы метаразметки вызывают сложности. Традиционно мы имеем классификацию и документы, которые надо разметить. В новой технологии перед нами стоит задача отобрать документы, соответствующие заданным элементам метаразметки, которые, строго говоря, в терминах веб-пространства не поддаются четкому определению. Поэтому полноценная традиционная корпусная метаразметка по отношению к веб-документам неприложима. На практике мы получаем корпусы с минимальной метаразметкой в терминах Интернета (домен или доменное имя, дата помещения на сайт или дата формирования корпуса, длина документа и др.), и, следовательно, ничего нельзя сказать об их сбалансированности в терминологии традиционных корпусов. Мы получаем корпусы большого объема, но встает вопрос их качества. Новые подходы к формированию языка метаразметки для веб-корпусов и его применению к практике создания и использования корпусов на базе веба заявлены и реализуются в ГИКРЯ [Lagutin et al. 2015].

Как характер текстового материала (современные «нечистые» тексты из Интернета), так и несбалансированность веб-корпусов остро ставят вопрос об оценке достоверности полученных на них результатов. Эти проблемы докладчик демонстрирует на нескольких примерах, полученных на корпусах больших объемов, начиная с корпуса русских текстов из семейства Aranea (1,2 млрд токенов) и заканчивая корпусом русских текстов ruTenTen 2011 из системы Sketch Engine (18 млрд токенов). Сразу бросаются в глаза две главные проблемы: сравнительно низкое качество лемматизации и морфологической разметки веб-текстов (в силу их разнообразия и низкого качества) и несбалансированность. Последняя проверялась по отношению к Национальному корпусу русского языка (НКРЯ). Вычисление коэффициентов корреляции с подмножествами НКРЯ показывает преобладание в веб-корпусах публицистических текстов. Эта диспропорция должна, видимо, как-то корректироваться в комплексе программ, осуществляющих сканирование веба и обработку полученных текстов.

Значительное место на конференции занимала тематика создания и разметки русскоязычных корпусов и корпусов на языках народов России. О. Ю. Крючкова и В. Е. Гольдин (Саратов), основываясь на своем опыте при создании Саратовского диалектологического корпуса и диалектологического подкорпуса НКРЯ, рассказали о принципах расшифровки и форме представления текстов в русском диалектном корпусе, об аннотировании — морфологической разметке и метаразметке — его текстовой базы. С. О. Савчук (Москва) продолжила тему НКРЯ, рассказав о корпусе региональных и зарубежных СМИ. В ходе работы с ресурсом были выделены типы регионально-специфической лексики и сделаны некоторые выводы о региональной вариативности. Н. Г. Зайцева, М. М. Филатова, Н. Л. Шибанова, А. А. Крижановский (Петрозаводск)

сделали доклад о корпусе вепсских текстов, включающем более тысячи текстов, более 800 библиографических источников и словарь на более чем 10 тысяч лемм и словоформ. О. А. Казакевич, Ю. Е. Галямина, Е. Л. Клячко, Е. Л. Рудницкая (Москва) в докладе «Синтаксическая разметка селькупских, эвенкийских и кетских текстов» изложили принципы синтаксической аннотации корпуса, основанной на грамматике непосредственных составляющих с полным синтаксическим анализом, которая была осуществлена при помощи инструмента Tree Editor TrEd 2.0, разработанного в Карловом университете в Праге.

Ряд докладов был посвящен корпусам на иностранных языках. Например, обзору корпусов китайского языка, их современному состоянию и основным проблемам было посвящено выступление Н. В. Колпачковой (Санкт-Петербург). О. А. Невзорова, Д. Р. Мухамедшин, Р. Р. Билалов (Казань) представили разработанный ими прототип корпус-менеджера для тюркских языков.

Параллельные и учебные корпусы, проблемы их создания и работа с ними рассматривались в нескольких докладах. А. В. Зубов (Белоруссия) рассказал о работе со сравнимым белорусско-русским корпусом учебных текстов, построенным на базе школьных учебников по белорусскому и русскому языкам и литературе, который включает частотные словари словоформ. Предполагается, что для использования этого корпуса будет создан комплекс учебных программ для обучения белорусскому языку учащихся, одновременно изучающих русский язык. Доклад О. Н. Ляшевской (Москва) был посвящен исследовательскому корпусу параллельных автоматических и ручных расшифровок устной русской речи, связанному с проектом оценки качества автоматического распознавания устной русской речи в рамках форума по оценке качества систем автоматической обработки текста. Автор доклада отмечает, что «чисто технические корпусы ⟨…⟩ могут оказаться полезным ресурсом для изучения ошибок» [Труды 2015: 317]. В докладе В. Нозеда (Италия) рассматривались вопросы перевода русских префиксальных глаголов памяти в свете данных итальянско-русского параллельного корпуса. Изучались стратегии перевода таких глаголов с русского языка на итальянский и обсуждались проблемы потери семантической информации при переводе. М. Пейс-Сиге (Финляндия) поделился наблюдениями над немецкими многозначными словами *das Steuer* vs. *die Steuer* и *der Hut* vs. *die Hut* на материале немецко-английского параллельного корпуса. Т. Л. Джепа (Санкт-Петербург) рассмотрела параметры сопоставимых двуязычных корпусов текстов и методы вычисления сопоставимости. Темы учебных корпусов и наиболее распространенных типов ошибок в конструкциях были рассмотрены в выступлении С. Ю. Пужаевой, Н. А. Зевахиной и С. С. Джакуповой (Москва). В докладе О. Н. Камшиловой и Г. С. Трефиловой (Санкт-Петербург) затрагивались проблемы автоматической разметки ошибок в создаваемом корпусе ученических текстов. Выступление С. С. Дикаревой, А. А. Батуриной, П. Е. Дикарева (Симферополь) «Корпусная грамотность в сценариях образования бакалавра-гуманитария» было посвящено роли корпусной грамотности как необходимой когнитивной составляющей современного гуманитарного образования. Рассматривался опыт использования корпусных технологий в научных проектах студентов.

Традиционно на конференции было представлено большое количество докладов, посвященных корпусной и компьютерной лексикографической работе. Задаче разработки больших корпусов лексикографической направленности, предназначенных для создания словарей, посвящен доклад А. А. Бурыкина и А. С. Герда (Санкт-Петербург) «Электронные ресурсы для лексикологии и лексикографии и задачи составления словаря русского языка первой половины XX века». Ставится вопрос о создании мощного электронного ресурса, который по своей полноте превосходил бы существующие корпусы и картотеки. Описывается «Библиотека лексикографа», создаваемая на основе электронных текстов разного типа и используемая в Институте лингвистических исследований РАН (Словарный отдел) с 2008 г. для работы над словарями русского языка. Общий объем библиотеки в настоящее время — более 50 тыс. единиц основного корпуса (книги) и более 2,5 млрд словоупотреблений. Л. Н. Беляева (Санкт-Петербург) рассмотрела возможности использования словарей систем машинного перевода при анализе параллельных и сопоставимых корпусов текстов. Л. С. Селендили и Е. В. Потапова (Симферополь / Москва) представили попытку создания электронного русско-крымскотатарского словаря лингвистических соответствий, который планируется в будущем развить в целостную лексикографическую базу данных. А. М. Галиева, О. А. Невзорова (Казань) рассмотрели особенности построения Wordnet-тезауруса татарских глаголов. С. Б. Потемкин (Москва) обсуждал вопросы разработки корпуса и словаря языка А. П. Чехова. А. Я. Шайкевич (Москва) в своем докладе предложил две меры лексического сходства частотных словарей. Первая мера учитывает общее лексическое покрытие популяции двумя частотными словарями. Вторая может быть применена к частотным словарям подкорпусов и опирается на число общих лексических маркеров.

Большое число докладов было посвящено различным аспектам автоматического анализа текста. В частности, предметом выступления О. Ю. Иньковой (Швейцария) были проблемы лемматизации многокомпонентных единиц русского языка на основе опыта создания Хельсинского аннотированного корпуса русского языка (ХАНКО). Автор отмечает, что «автоматическая обработка единиц такого типа практически невозможна», а это значительно усложняет создание параллельных корпусов. В коллективном докладе П. В. Паничевой, Е. В. Протопоповой, А. Р. Мирзагитовой, О. А. Митрофановой (Санкт-Петербург) «Разработка лингвистического комплекса для морфологического анализа русскоязычных корпусов текстов на основе PyMorphy и NLTK» описан метод улучшения качества морфологического анализа, рассмотрены результаты экспериментов по его осуществлению и проведена оценка этих результатов. Авторы делают вывод, что комбинирование алгоритмов обеспечивает высокое качество разметки в целом и также позволяет максимально увеличить точность частеречной разметки. В выступлении О. А. Митрофановой (Санкт-Петербург) «Вероятностное моделирование тематики русскоязычных корпусов текстов с использованием компьютерного инструмента GenSim» рассматривался анализ текстов на русском языке с помощью компьютерного инструмента GenSim, представляющего собой набор библиотек на языке Python. На основе компонентов GenSim был составлен скрипт, приписывающий корпусам темы в виде списков лемм с тематическими весами. Результаты экспериментов на материале корпусов художественных и научных текстов показали, что тематическое моделирование может служить основой для стилистической диагностики. С. Н. Карпович (Москва) описал построение специального русскоязычного корпуса текстов СКТМ-ру для тестирования различных моделей вероятностного тематического моделирования. С. Селян и И. Дунджер (Хорватия) рассказали о методах и результатах оценки качества машинного перевода, сделанного двумя системами Google Translate и Yandex Translate для пар языков английский — хорватский и русский — хорватский. М. Ю. Богатырев (Тула) предложил способ извлечения фактов из аннотированных корпусов, основанный на методах анализа формальных понятий. Доклад Э. С. Клышинского (Москва), В. К. Логачева (Великобритания), Й. Ниврe (Швеция) был посвящен анализу распределения неоднозначных слов по их грамматическим характеристикам в русском, польском, английском, немецком, французском, испанском и итальянском языках на материале новостных корпусов. В выступлении В. Д. Красавиной, А. Р. Мирзагитовой (Санкт-Петербург) «Оптимизация поиска в системе Leadscanner с помощью автоматического выделения ключевых слов и словосочетаний» была предложена методика автоматического выделения ключевых слов и словосочетаний на основе модели совместной встречаемости, совмещенной с критерием χ^2. Методика реализована в виде программного модуля. Оценка экспериментальных результатов показала целесообразность использования алгоритма в практических приложениях для повышения эффективности информационного поиска.

Немало докладов было посвящено квантитативным исследованиям языка на материале корпусов. С. Акияма (Япония) сделал подтвержденный статистическими данными вывод о тенденциях выбора окончания *-и* или *-а* в ряде существительных русского языка, имеющих две альтернативных формы множественного числа, на материале двух корпусов — Уппсальского и НКРЯ. И. Гюльзов, В. Бартлиц, М. Кюэнаст (Германия) рассмотрели особенности употребления детьми союза *но* в немецком и английском языках в монологической и диалогической речи по данным подкорпусов корпуса детской речи CHILDES. М. Куниловская, А. Кутузов (Тюмень) провели квантитативную оценку особенностей текстов, переведенных студентами в учебных целях с английского языка на русский на основе учебного корпуса переводов. Ю. Тао и Ч. Цзян (Китай) рассказали о результатах корпусного исследования по переводу русского союза *чтобы* в свете тенденций идиоматизации при его употреблении в русском языке и попыток его деидиоматизации при переводе на китайский язык. В докладе М. Д. Балтайс и Е. И. Риехакайнен (Санкт-Петербург) сопоставлялись русские простые первообразные предлоги, управляющие двумя и более падежами, по «Русскому ассоциативному словарю» под. ред. Ю. Н. Караулова и НКРЯ. А. Ч. Пиперски (Москва) проанализировал употребление двусложных сравнительных союзов *будто*, *словно* и *точно* в текстах русских поэтов на основе поэтического подкорпуса НКРЯ и сделал заключение, что количество сравнений, которые ими вводятся, возрастает к 1830-м годам, а далее вплоть до конца XIX в. увеличиваются частоты только двух последних союзов. Как признался автор, он сделал неожиданный для себя вывод, что по критерию употребления данных союзов тексты В. В. Маяковского оказываются близки к золотому веку русской поэзии.

Диахронические и исторические корпусы позволяют выявить факты и закономерности не только лингвистического, но и историко-культурного значения. В последние годы в рамках

культурологии появилось направление научных исследований, называемое «культурометрия» («квантитативная культурология»). В отечественной литературе этот термин толкуется как применение статистических и математических методов в гуманитарных исследованиях. В зарубежных исследованиях довольно широко используется термин culturomics («культурометрия»), который можно определить как «исследование культуры человечества, направлений ее развития во времени посредством количественного анализа слов и словосочетаний в очень больших корпусах оцифрованных текстов» [Dictionary.com]. Интерес к этому направлению можно проследить и в докладах, сделанных на обсуждаемой конференции. В качестве примера можно привести доклады О. Скривнер (США) «Компьютерные методы в гуманитарных науках: параллельный корпус и визуализация», Е. Л. Алексеевой и И. В. Азаровой (Санкт-Петербург) «От критического издания к структурированному корпусу славянских вариантов Евангелия», Б. Креспо, И. Москович (Испания) «Корпус исторических текстов (CHET) как составная часть проекта Coruña Corpus». Г. Я. Мартыненко (Санкт-Петербург) в докладе «Синтаксис живой спонтанной речи: симметрия линейных порядков» на материале синхронного корпуса «Один речевой день» рассмотрел эти «культурометрические» аспекты, а именно симметрийные свойства линеаризованных структур зависимостей и соотношение левоветвящихся и правоветвящихся структур с точки зрения зеркальной и «золотой» симметрии. В докладе В. Д. Соловьева, В. В. Бочкарева (Казань) «Эволюция аспектуальных триплетов в русском языке через призму Google Ngram» диахронический корпус Google Books Ngram привлекается к решению проблем истории языка, а именно категории вида в русском языке. Корпус позволяет проследить эволюцию частоты использования глаголов, входящих в аспектуальные триплеты (*баюкать — убаюкать — убаюкивать*). Установлено, что доля глаголов несовершенного вида с течением времени уменьшается, а вторичные имперфективы вообще вымываются из языка. Доклад К. Пэттерсон (Великобритания) был посвящен понятию метафоры в корпусе англоязычных текстов XIX в.

Отдельный день конференции был посвящен речевым корпусам и их использованию. Н. В. Богданова-Бегларян (Санкт-Петербург) поделилась наблюдениями над спонтанной речью, сделанными на материале Звукового корпуса русского языка, уделив внимание, в частности, вербальным хезитативам. Вопросам применения системы CHILDES для описания казахско-русского детского билингвизма был посвящен доклад А. К. Шаяхмет (Казахстан), в котором в том числе были представлены результаты работы по транскрибированию устной казахской речи, ранее отсутствовавшей в CHILDES. В выступлении А. В. Венцова, Ю. О. Нигматулиной, О. В. Раевой, Е. И. Риехакайнен и Н. А. Слепокуровой (Санкт-Петербург) были представлены принципы формирования базы «расчлененных» дискурсивных единиц, создание которой ведется в СПбГУ. Авторы планируют сопоставить каждой единице звуковой файл и снабдить ее орфографической расшифровкой, а также графическим описанием результатов измерения частоты основного тона. Доклад Т. Ю. Шерстиновой (Санкт-Петербург) был также посвящен практическим аспектам разработки корпуса. В нем были изложены принципы прагматического аннотирования речевого корпуса «Один речевой день», который тоже разрабатывается в СПбГУ и на данный момент насчитывает 500 тыс. словоупотреблений. Так, в числе прочего в корпусе будут введены пометы для обозначения эмоционального фона ситуации, ролей информантов, места коммуникации и формальной оценки ее успешности. Результатам проверки ручной токенизации дефисных элементов данного корпуса был посвящен доклад О. В. Блиновой (Санкт-Петербург). С. И. Буркова (Новосибирск) рассказала об онлайн-корпусе русского жестового языка, в котором собрано более 230 видеозаписей. Разметка данных включает перевод на русский язык и условное обозначение мануального жеста для правой и левой руки. Тема мультимодальных корпусов была продолжена в совместном докладе А. А. Котова и А. А. Зининой (Москва). Авторы представили проект под названием «Русский эмоциональный корпус» и рассказали о функциональной разметке коммуникативных функций. Е. В. Соловьева (Нижний Новгород) обсуждала лингвистический статус речевого акта возмущения в немецком языке, выделяя среди его ядерных характеристик эмотивный компонент, компонент отрицательной оценки объекта речи и компонент воздействия говорящего на слушающего.

Большой интерес слушателей вызвала демосессия новых корпусных ресурсов, в рамках которой несколько групп разработчиков показывали проектируемые системы. А. Б. Кутузовым и О. Н. Ляшевской (Москва) была продемонстрирована пилотная версия сервиса скетчей НКРЯ. Скетчи представляют собой словосочетания с ключевым словом в рамках заданного синтаксического отношения. Презентация С. Ю. Толдовой, Д. В. Горшкова и И. О. Кузнецова (Москва) была посвящена синтаксическим корпусам русского языка. В. Бенко (Словакия) уделил внимание скетч-грамматикам для

сопоставимых корпусов, где все корпусы размечены единообразно на основе спецификаций MTE. Это дает возможность создавать совместимые скетч-грамматики, которые позволяют получать сопоставимые данные по сочетаемости в разных языках. Т. О. Шаврина (Москва) представила ГИКРЯ (ему же был посвящен доклад на пленарном заседании), который был создан при помощи автоматической технологии сбора и разметки. На данный момент корпус содержит более 15 млрд токенов и является одним из самых больших открытых русскоязычных корпусов. У всех участников конференции была возможность пообщаться с авторами систем и поработать с ресурсами, вызвавшими интерес.

Несколько докладов были посвящены вопросам «надстройки» традиционных корпусов исследовательскими базами данных или словарями. Например, доклад Анны А. Зализняк, И. М. Зацман (Москва), О. Ю. Иньковой (Швейцария), М. Г. Кружкова (Москва) был посвящен «надкорпусным» базам данных в качестве лингвистического ресурса. Этот термин был предложен М. Г. Кружковым для баз данных, которые являются продолжением или расширением основного корпуса для получения дополнительной функциональности. Например, база данных переводных соответствий, включающая форму оригинала и ее эквивалент в параллельных корпусах. Такие базы данных позволяют сохранить результаты лингвистического анализа, проведенного, как правило, несколькими экспертами-лингвистами в ходе создания параллельных корпусов, что упрощает впоследствии верификацию полученных результатов, а также позволяет использовать их в дальнейших исследованиях. Н. В. Сердобольская и М. Н. Усачев (Москва) рассказали об опыте синхронизации корпуса с электронным словарем при создании мультимедийного словаря бесермянского диалекта удмуртского языка. Авторы делают вывод, что не всегда целесообразно переносить корпусные примеры непосредственно в словарные статьи и что они не всегда дают возможность выявить основные значения слова. При создании таких словарей необходимо использовать корпусные методы: создавать частотные списки лемм, реализовывать систему ссылок от единиц словаря к леммам из корпуса, делать конкорданс.

Поднимались на конференции и дискуссионные, но методологически важные вопросы корпусной лингвистики. Им были посвящены два круглых стола, которые вел А. Я. Шайкевич (Москва), а также интересный пленарный доклад С. И. Гиндина (Москва).

Темы двух круглых столов «Математический фетишизм в корпусной лингвистике» и «Байбер и его школа в корпусной лингвистике» были посвящены обсуждению проблем статистической обработки речевого материала, возникающих при создании и использовании корпусов. Под «математическим фетишизмом» ведущий круглого стола имел в виду безоговорочное следование некоторым статистическим формулам, «освященным» авторитетом или, что бывает чаще, просто популярным у создателей программ. В то же время лингвистические факты, скрытые в корпусе (особенно частоты слов), зависят от такого множества факторов, что и грубые меры анализа, по мнению А. Я. Шайкевича, позволяют увидеть неслучайность открываемых закономерностей. Попытки же повысить точность анализа при помощи более тонких инструментов, по мнению ведущего, иллюзорны. Также А. Я. Шайкевич отметил дискуссионные проблемы использования факторного анализа, впервые примененного Д. Байбером в его пионерской работе [Biber 1988]. Д. Байбер является одним из пионеров применения корпусов при составлении грамматик. Грамматика английского языка [Biber et al. 1999] была составлена при его участии на базе 40-миллионного сбалансированного корпуса, и с тех пор квантитативная лингвистика становится все более привычным компонентом английских грамматик. По мнению А. Я. Шайкевича, вопросы применения статистических методов в корпусной лингвистике оказались «на периферии» конференции. Участники дискуссии предложили продолжить более подробно обсудить эти проблемы на следующей конференции.

С. И. Гиндин в докладе «О культурных корнях корпусной лингвистики и ее возможных импликациях для теоретического и прикладного языковедения» выдвинул гипотезу о том, что распространение корпусов может повлиять на основания теории языка и характер развития прикладного языковедения. Выделяя естественную связь между словарными картотеками и лингвистическими корпусами, С. И. Гиндин обратил внимание также и на филологическую составляющую корпуса, которая заключается в том, что корпусы документировали не текущую речевую практику, а произведения прошлых времен. Поэтому вместо функции отслеживания на первый план в них выдвигается функция собирания и инвентаризации текстового фонда, текстового мира культуры. Эта культурно-просветительская и культуросозидающая роль филологических и современных текстовых корпусов особенно рельефна, когда в корпусе собраны тексты не ушедшей, а живой культуры. В целом, по мнению С. И. Гиндина, можно выявить «шесть научных и общекультурных функций лингвистического корпуса (ЛК): отслеживание, документирование жизни языка

и культуры, собирание, фиксацию, сохранение их проявлений и обоснование достоверных суждений о них» [Труды 2015: 175]. Развивая мысль Л. В. Щербы о языковом «материале», С. И. Гиндин заявляет, что совокупность корпусов некоторого языка постепенно создают все большее приближение к языковому материалу и становятся его зримой манифестацией, с которой можно конструктивно работать.

Наблюдая место и роль корпуса в прикладной лингвистике, докладчик высказал оригинальное суждение о том, что корпусная лингвистика — не столько экспериментальная прикладная наука, сколько наука, моделирующая саму лингвистику. «Разрабатывая системы машинного перевода, алгоритмы анализа или поиска, прикладное языковедение предлагало человеку продукты, которые должны были работать вместо человека или при его корректирующем участии. Напротив, ЛК — это предъявление человеку в обозримом виде плодов человеческой же речевой деятельности. А основанные на ЛК системы перевода или распознавания речи — возвращение на новом статистическом фундаменте к отброшенной на предыдущем этапе идее автоматизации посредством моделирования перевода или распознавания речи человеком. Только теперь мы имеем дело с моделированием уже не процессов, а результатов этих процессов» [Труды 2015: 177].

По мнению С. И. Гиндина, «В центре нового ⟨…⟩ этапа развития прикладного языкознания становятся проблемы **адекватной** и **эффективной** речи, ее **точного адекватного** понимания. Казавшееся некогда слишком узким винокуровское приравнивание прикладного языкознания к “практической стилистике”, к “науке о технике речи” оказывается на современном этапе сущностным и провидческим. ЛК наряду с другими информационными технологиями могут стать эффективным обучающим средством в решении этих глубоко гуманистических прикладных задач». [Труды 2015: 178].

Об этом писал Б. М. Гаспаров: «Мне кажется, что ⟨…⟩ разделение между лингвистикой и литературно-культурными штудиями несколько искусственно. Желательно, чтобы между ними было больше взаимодействия и больше обмена. И мне кажется, это было бы особенно полезно для лингвистики. Лингвистам не хватает культурного контекста и культурной субстанции языка, которая окружает структурные элементы» [Гаспаров 2013].

Если рассмотреть весь «корпус» докладов конференции, то можно сказать, что он покрывает почти весь спектр основных направлений корпусной лингвистики, а именно: теоретические аспекты корпусной лингвистики; создание корпусов; их разметка; параллельные корпусы и перевод; специальные корпусы; речевые корпусы, анализ речи и дискурса; мультимодальные корпусы; диахронические исследования на базе корпусов; контрастивные исследования; корпусно-ориентированные лексикология и лексикография; корпусная культурометрия; новые методы и инструменты создания и использования корпусов; исследования в области грамматики и семантики, базирующиеся на корпусах.

В заключение хочется сказать, что конференция «Корпусная лингвистика — 2015» показала, что на базе корпусов многие проблемы лингвистики решаются на совершенно новом уровне: появляются новые теоретические концепции, повышается качество словарей и грамматик, разрабатываются модули обработки естественного языка для многих практических задач и т. д. Конференция продемонстрировала значительные успехи российской корпусной лингвистики и одновременно поставила многие актуальные теоретические и практические вопросы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Гаспаров 2013 — Гаспаров Б. М. О лингвистических школах. [Электронный текст] [Gasparov B. M. *O lingvisticheskikh shkolakh* [On linguistic schools]. Available at: http://booknik.ru/today/faces/boris-gasparov-rossiya-fakticheski-ne-videla-hh-veka/]

Труды 2015 — Труды международной конференции «Корпусная лингвистика —2015». СПб.: С.-Петербургский гос. университет, Филологический факультет, 2015. 466 с. [*Trudy mezhdunarodnoi konferentsii «Korpusnaya lingvistika — 2015»* [Proceedings of the International conference “Corpus Linguistics 2015”]. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ.: Philology Department, 2015. 466 p.]

Benko 2014 — Benko V. Compatible sketch grammars for comparable corpora. *Proceedings of the XVI EURALEX International congress: The user in focus*: 15–19 July 2014. Abel A., Vettori Ch., Ralli N. (eds.). Bolzano / Bozen: Eurac Research, 2014. Pp. 417-430.

Biber 1988 — Biber D. *Variation across speech and writing*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1988.

Biber et al. 1999 — Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E. *Longman grammar of spoken and written English*. Harlow: Pearson Education, 1999.

Dictionary.com — Available at: http://dictionary.reference.com/browse/culturomics?s=t

Jakubíček et al. 2013 — Jakubíček M., Kilgarriff A., Kovář V., Rychlý P., Suchomel V. The TenTen Corpus family. *7th International corpus linguistics conference CL 2013*. Lancaster: Lancaster Univ., UCREL, 2013. Pp. 125-127.

Kilgarriff, Grefenstette 2003 — Kilgarriff A., Grefenstette G. Introduction to the special issue on web as corpus. *Computational Linguistics*. 2003. Vol. 29 (3). Pp. 333—348.

Lagutin et al. 2015 — Lagutin M. B., Katinskaya A. Y., Selegey V. P., Sharoff S., Sorokin A. A. Automatic Classification of web texts using functional text dimensions. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog» (Moskva, 27 — 30 maya 2015 g.)* [Computer linguistics and intelligent technologies. From the materials of the yearly International conference "Dialogue" (Moscow, May 27—30, 2015)]. No. 14 (21). Moscow: Russian State Univ. for the Humanities Publ., 2015. Pp. 398—413.

Pomikálek, Suchomel 2012 — Pomikálek J., Suchomel V. Efficient web crawling for large text corpora. *Proceedings of the seventh web as corpus workshop (WAC7).* Kilgarriff A., Sharoff S. (eds.). Lyon: Univ. de Lyon, 2012. Pp. 39—43.

Подписано к печати 28.06.2016 Дата выхода в свет 30.08.2016
Формат 70×100 1/16 Цифровая печать Усл. печ. л. 13,0 Усл. кр.-отт. 6,0 тыс.
Уч.-изд. л. 15,5 Бум. л. 5,0 Тираж 451 экз. Зак. 368
Цена свободная

Учредитель: Российская академия наук

Издатель: Российская академия наук. Издательство «Наука»,
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2. Институт русского языка,
телефон +7 495 637-25-16

Оригинал-макет подготовлен С. С. Белоусовым

Отпечатано в ППП «Типография "Наука"», 121099, Москва, Шубинский пер., 6